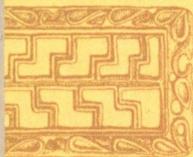

история/география/этнография

Сюнну, предки гуннов, создатели
первой степной империи

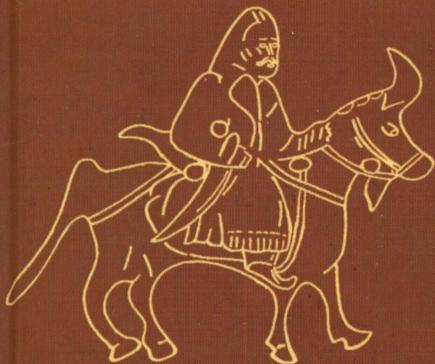

Олег Ивик
Владимир Ключников

С юнну,
предки гуннов,
создатели первой
степной империи

Олег Ивик
Владимир Ключников

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Олег Ивик,
Владимир Ключников

С юнну,
предки гуннов,
создатели первой
степной империи

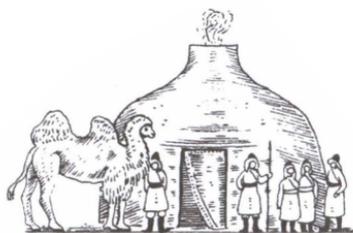
Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(369.1)
ББК 63.3(5)
И25

Серия «Восток»
Vitae & Kali

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тиболовой

ISBN 978-5-91678-225-7

© О. Ивик, В. Ключников, 2014

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2014

У этой книги три автора. Три — потому что под псевдонимом Олег Ивик работает писательский тандем: Ольга Колобова и Валерий Иванов.

Ольга и Валерий занимаются археологической журналистикой: участвуют в литературном редактировании археологических журналов и сборников — и пишут научно-популярные книги по истории и археологии. Владимир Ключников — профессиональный археолог, специалист прежде всего по хазарам.

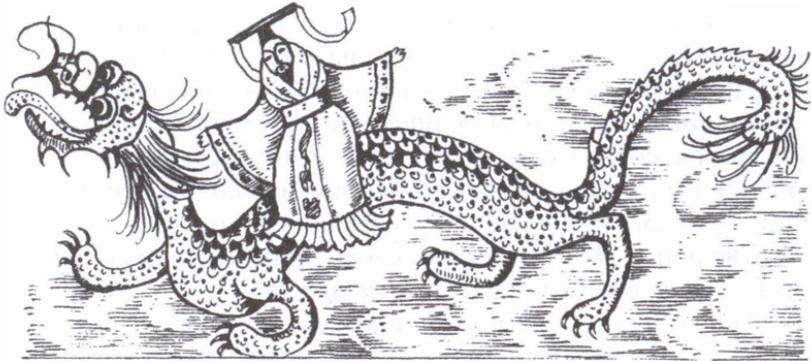
В течение многих лет мы все вместе — Владимир в качестве руководителя, а Ольга и Валерий в качестве «квалифицированных землекопов» — участвовали в исследовании донских курганных могильников, городищ и поселений. Первая научно-популярная книга, которую мы написали втроем, называлась «Хазары» — немало страниц в ней посвящено нашим собственным хазарским раскопкам.

С хазарами все понятно. Но почему сюнну? Почему донские археологи вдруг обратились к народу, который в далеком прошлом

обитал у границ Китая? К народу, основным источником информации о котором являются древние китайские хроники... Эта тема значительно больше пристала бы специалистам-синологам или же археологам, работающим в Забайкалье, Монголии и Северном Китае.

Все началось с того, что мы решили написать книгу о гуннах. Гунны прошли через наши Донские степи и оставили здесь следы своего пребывания, хотя и не слишком многочисленные. Интерес донских археологов к гуннам понятен и вполне законен. Но дело в том, что у гуннов, как и у любого народа, были предки. И хотя вопрос о предках гуннов до сих пор является дискуссионным, большинство исследователей склоняется к мысли, что ими были сюнну, точнее, северная ветвь этого народа. Естественно, что мы решили посвятить сюнну небольшую главу в нашей будущей книге.

Мы закопались в китайские хроники и работы археологов, изучающих сюннуские памятники, и по мере того, как мы занимались этим, дотоле малознакомым нам народом, он становился нам все интереснее и ближе. Маленькая глава о нем превратилась в большую, потом — в очень большую... А потом мы поняли, что пишем книгу о сюнну... Хочется верить, что нашим читателям этот замечательный народ будет так же интересен, как и нам.

Первыми, кто познакомился с сюнну и рассказал о них в своих исторических хрониках, были древние китайцы. Основные сведения об этом народе дошли в изложении «отца китайской истории» знаменитого летописца Сыма Цяня, жившего в конце II — начале I веков до н. э., — он посвятил им одну из глав своего огромного труда «Исторические записки», она так и называется «Сюнну ле чжуань» («Повествование о сюнну»). Кроме того, сообщения об этом народе разбросаны и по другим главам его сочинения. Труд Сыма Цяня продолжил летописец Бань Гу, который в свою «Историю ранней династии Хань» тоже включил отдельное «Повествование о сюнну». С тех пор прошло около двух тысяч лет, поэтому неизвестно, как звучало тогда название этого народа — сохранились лишь иероглифы, которыми его обозначали.

В начале XIX века основоположник российской синологии Н. Я. Бичурин, долгое время живший в Китае, сообщил, что современные ему китайцы читают это слово по-разному: на юге оно произносится «хунну», а на севере, в том числе на пекинском диалекте, — «сюнну»¹. Южное произношение — более древнее, но сегодня литературный язык Китая опирает-

ся на северные диалекты, и фонетической нормой считается пекинское произношение, поэтому авторы настоящей книги будут употреблять слово «сюнну» (хотя некоторые специалисты предпочитают писать «хунну» и даже «хунны», и в цитатах будут встречаться разные варианты)². Кроме того, в китайских летописях этот народ мог фигурировать под именем ху (в русских переводах иногда «хусцы»), хотя так могли называть и варваров «вообще», и племена *линьху* или *дунху*³.

В переводе с китайского «сюнну» (хунну) означает «злой невольник». Впрочем, Н. Я. Бичурин подчеркивает, что это — случайное совпадение. Он пишет: «Хунну есть древнее народное имя монголов. Китайцы, при голосовом переложении сего слова на свой язык, употребили две буквы: *Хун* злой, *ну* невольник. Но монгольское слово Хунну есть собственное имя, и значения китайских букв не имеет»⁴.

Однако сегодня мы можем почти с уверенностью сказать, что отождествлять хунну с монголами нельзя. Более того, они не были в чистом виде монголоидами — антропологи, исследовавшие их погребения, утверждают, что этот народ соединил в себе черты монголоидной и европеоидной расы⁵.

Если верить китайским летописям, прародители сюнну обитали на окраинах Поднебесной еще в III тысячелетии до н. э. В древних текстах часто встречаются упоминания о неких северных варварах *сюньюй*, которых традиционно считали непосредственными предками сюнну. Сыма Цянь начинает свою историю Китая с правления Желтого императора Хуан-ди, и уже об этом основоположнике китайской государственности он сообщает: «...на севере [Хуан-ди] прогнал *сюньюйцев*...»⁶

Правда, нельзя не признать, что жизнь и деяния Желтого императора не вполне укладываются в рамки современной исторической науки — зачат он был от молнии, жил, по некоторым источникам, триста лет (из них правил сто: с 2698 по 2598 год до н. э.), рост имел около трех метров и был счастливым обладателем четырех глаз. Кроме того, первые дошедшие до нас упоминания о Хуан-ди не старше V века до н. э.⁷, отстоят от его правления на две тысячи лет, и сегодня уже трудно с уверенностью говорить о том, как сложились его взаимоотношения с *сюньюйцами*, если таковые вообще существовали в его эпоху. Так или иначе, если верить

преданию, завершив свои славные деяния, Желтый император улетел на небо на драконе⁸, а *сюньюйцы* остались на границах Поднебесной, которой теперь управляли преемники Хуан-ди, относящиеся к эпохе Пяти императоров, чья историчность оценивается не многим выше, чем историчность их четырехглазого предшественника.

Сыма Цянь пишет: «Еще до времени Тана и Юя⁹ имелись [племена] *шаньжун*, *сяньюнь*, *сюньюй*, [которые] жили [на землях] северных мань и вместе с пасущимися стадами кочевали с места на место. В их стадах больше всего было лошадей, крупного рогатого скота и овец, а из редких животных — верблюды, ослы и мулы, а также лошаки, низкорослые дикие лошади и куланы. Они передвигались в поисках воды и травы, у них не было обнесенных стенами городов и постоянного места для жилья, они не занимались обработкой полей, однако у каждого имелся отведенный ему участок земли»¹⁰.

По мнению историка VIII века н. э. Сыма Чжэня, племена, которые во времена Тана и Юя назывались *шаньжун* или *сюньюй*, в эпоху Ся (XXI—XVI века до н. э.) стали именоваться *чуньвэй*, в эпоху Инь (до XI век до н. э.) — *гуйфан*, в эпоху Чжоу (до середины III века до н. э.) — *яньюн*, а к эпохе Хань (с 206 года до н. э.) стали известны под общим именем *сюнну*¹¹.

Племена *сяньюнь*, упомянутые Сыма Цянем, тоже традиционно считались предками сюнну. Об этом, обобщая сведения китайских древних источников, сообщает Н. Я. Бичурин:

«Когда последний государь династии Ся умер в изгнании в 1764 году, то сын его Шунь-вэй немедленно с частью своего народа оставил Китай и поселился в Монголии. Потомки его известны были Китаю под названием *сяньюнь*, а потом под названием *хунну*. Они занимали нынешний Чахар, Ордос и пространство между ними вдоль Великой стены»¹².

Напомним, что Великой стены во времена *сяньюнь* еще, конечно, не было. Что касается Ордоса и Чахара — эти территории, располагавшиеся за северными границами Поднебесной, сегодня входят в состав Внутренней Монголии; от собственно Монголии их отделяет пустыня Гоби.

В наши дни многие востоковеды возражают против того, чтобы отождествлять *сяньюнь* и *сюнну*, полагая, что особенности древнекитайской фонетики исключают возможность трансформации первого этнонима во второй¹³. Так или ина-

че, в течение многих веков это мнение преобладало. И уж во всяком случае, некоторые древние авторы возводили историю сюнну к легендарному Шунь-вэю (Чунь-вэю). Сыма Цянь пишет: «Родоначальником сюнну был потомок рода Ся-хоу по имени Чунь-вэй»¹⁴. А комментатор III века Чжан Янь отмечает, что в иньский период Чунь-вэй бежал и переселился на север¹⁵. Правда, Чунь-вэй сегодня тоже считается более мифическим, чем историческим персонажем, и китайцы очень невысоко оценивают теорию Л. Н. Гумилева, который из вскользь сделанного древними историками упоминания о группе китайцев, переселившихся на север, выводит схему зарождения народа сюнну¹⁶.

Династия Ся, потомком которой считался Чунь-вэй, была первой императорской династией Китая — предыдущие, мифические, императоры передавали власть не сыновьям, а наиболее достойным из своих подданных. Впрочем, правители рода Ся тоже относятся скорее к области мифологии, потому что никаких письменных свидетельств их существования не сохранилось — все, что о них известно, было записано значительно позднее. А вот сменившие их династии Шан, а затем Инь правили уже во вполне историческую эпоху, от которой до наших дней дошло множество документов — более двадцати тысяч.

Правда, документы эти были весьма своеобразными, в основном они представляли собой бараньи лопатки и панцири черепашек — их нагревали раскаленным стержнем и по образовавшимся трещинам истолковывали волю духов и почивших предков. К счастью для грядущих археологов и историков, китайцы внесли в этот мистический ритуал присущую им любовь к бюрократическому порядку. К предкам обращались в письменном виде, причем на гадательных костях записывались вопрос или просьба, дата, имя гадателя, полученный ответ, а иногда сообщалось и о том, сбылось ли предсказание. Заодно предку могли пообещать, что в случае благополучного разрешения проблемы его почтут жертвоприношением, порою — весьма богатым, ведь многие вопросы носили важный политический или военный характер¹⁷. Поскольку таких костей сохранилось множество, мы можем довольно полно представить себе историю, быт и нравы эпохи Шан—Инь. Именно в начале этой эпохи и жил, согласно китайским хро-

никам, легендарный (или, скорее, мифический) Чунь-вэй, которого Сыма Цянь называет родоначальником сюнну.

В иньских гадательных надписях довольно часто упоминаются северо-западные соседи иньцев, *цяны* — это еще одно из названий предполагаемых предков сюнну. С *цянами* иньцы воевали, захватывали их в плен и даже охотно приносили в жертву. Богов в нашем понимании у иньцев практически не было, но их с успехом заменяли духи природы и почившие предки. Сохранилась, например, надпись: «Предку Гэну приносим в жертву триста человек из племени цянь»¹⁸.

Надписи на гадательных костях сообщают о «лошадиных *цянах*» и «во множестве разводящих лошадей *цянах*»¹⁹. Отметим, кстати, что, хотя северные соседи Поднебесной славились своими лошадьми, верховой езды они в иньские времена, да и гораздо позже, еще не знали. В эпоху Шан—Инь на территории Китая и его окрестностей появляются первые запряженные конями повозки, а достоверные свидетельства верховой езды известны, как это ни удивительно, только с V века до н. э.²⁰

Впрочем, *цянам*, равно как и прочим возможным предкам народа сюнну, далеко путешествовать и не приходилось. Кочевое скотоводство вовсе не обязательно предполагает масштабные передвижения по бескрайней степи — для того чтобы считаться кочевником, достаточно иметь разнесенные на некоторое расстояние зимние и летние пастбища. Археологи доказали, что у северных соседей Поднебесной это расстояние (по крайней мере в исследованном районе долины реки Хайнун-гол) со времен бронзового века равнялось примерно 5 километрам — именно так были в среднем разнесены летние стоянки в окрестностях рек и зимники в предгорьях. Интересно, что такая система актуальна для скотоводов этого региона и по сей день²¹.

Среди племен, которых китайцы отождествляли с сюнну или же с их прямыми предками, Сыма Цянь часто называет *жунов* (они же — *цяны* иньских гадательных костей) и *ди*²². Эти два племени (или, точнее, две группы племен) обитали на северных и западных границах Китая; они, вероятно, мало отличались друг от друга, участвовали в совместных военных операциях, и их иногда рассматривают как один народ — предшественник сюнну. Народ этот был весьма во-

инственным, недаром слово «*жун*» поначалу означало «военный», и лишь позднее так стали называть целые племена (кстати, не только кочевые)²³. Впрочем, многие современные китаисты считают, что *жуны*, *ди* и даже *ху* «не имеют никакого отношения к сюнну»²⁴.

Отметим, что и Л. Гумилев возражает против отождествления сюнну с *жунами*: он ссылается на историка VII века Фан Сюаньлина, который называл сюнну северными *дисцами*, а про *жунов* лишь сообщал, что их земли граничат с землями сюнну²⁵.

Фан Сюаньлин писал: « [Племена], относящиеся к группе сюнну, именуют общим названием бэй-ди — северные *дисцы*. Земли сюнну на юге соприкасались с землями [бывших] владений Янь и Чжао, на севере граничили с пустыней, на востоке примыкали к землям девяти исских племен, на западе доходили до земель шести [племен] *жунов*. Из поколения в поколение [племена] подчинялись друг другу и не принимали системы летосчисления, принятой в Среднем государстве»²⁶.

Когда эпоха Шан—Инь сменилась эпохой Чжоу, основными письменными источниками о жизни Поднебесной стали ритуальные бронзовые сосуды, на которых было принято оставлять пространственные записи о значимых событиях. И здесь снова под разными названиями упоминаются племена, которые считались предками сюнну. На рубеже XI—X веков пограничные стычки с северными варварами *сяньюнь* носили постоянный характер — сосуды сообщают о боях, захвате пленников и добычи. Известно, что некий доблестный китайский полководец Ши-гун «отрубал головы и пленял врагов». Сразившись с *сяньюньцами*, он добыл 5 боевых колесниц, 20 телег, 100 баранов, 30 металлических шлемов, 20 треножников, 50 котлов и 20 мечей²⁷.

Надпись на другом сосуде рассказывает о захвате *сяньюньцами* столичного города Сюнь. Против оккупантов были посланы войска, которые не только освободили город и отбили пленников, но и в двух сражениях взяли 117 вражеских колесниц. Добыча могла бы быть и больше, но в последней битве «колесницы [противника] захватить не удалось, потому как все они были сожжены в сражении, а кони перебиты». В результате китайский полководец по имени Дою был награжден «яшмовым украшением и бронзовым колоколом»²⁸.

Желанным трофеем в войнах с северными соседями, земли которых китайцы теперь часто называли «Гуйфан» — «Страна демонов», — считались отрезанные уши врагов. Более того, до варварских ушей оказались охочи не только сами китайцы, но и их предки, духам которых уши приносились в жертву. Так, некий полководец Юй, напавший по приказанию своего государя на Гуйфан, доложил, что «захватил 4800 отрезанных ушей, пленил вражеского населения 13080 человек», не считая полученных телег, лошадей, быков и баранов. Государь (его в ту эпоху титуловали «ван») сказал: «Это славно!» Состоялась церемония, во время которой был допрошен и казнен пленный вождь противника, а потом «Юй вводил пленных и вносил отрезанные уши через ворота, поднося [их вану] у западных ступеней храма». Затем уши были сожжены в качестве жертвы духам²⁹.

Китайцы вообще не жаловали варваров, живущих за пределами Срединного царства (как они называли свое государство), но к северным и северо-западным соседям относились с особым предубеждением. Фан Сюаньлин писал:

«По характеру [варвары] алчны и жадны, злы и дерзки, не знают человеколюбия. Среди живущих в четырех сторонах света варваров эти черты особенно свойственны *жунан* и *дисцам*. Будучи слабыми, они выражали покорность из страха, будучи сильными, вторгались в наши земли и поднимали мятежи. Даже во времена мудрых и высокоодаренных мужей, при правителях, обладавших огромными добродетелями, никто не мог руководить ими с помощью благотворного влияния, привлечь на свою сторону с помощью милостей и добродетелей. Когда они были сильны, иньский император Гао-цзун устал от *гуйфанов*, чжоуский Вэнь-ван страдал от [племен] *куньи* и *сяньюнев*...»³⁰

Войны с *сяньюнь* описаны в знаменитой «Книге песен и гимнов» — «Шицзин», тексты которой создавались с XI по VII век. Интересно, что для сиолога А. Штукина, переведшего книгу на русский язык, эти варвары настолько однозначно ассоциировались с сюнну (хуннами, предками гуннов), что он в своем переводе оперирует словом «гунны», хотя речь идет о временах, когда не только гуннов, но и сюнну еще не существовало. Возможно, такая вольность вызвана чисто литературными, художественными задачами, тем бо-

лее что перевод предназначен для широкого круга читателей. Но это — следствие уверенности, которая в течение примерно двух тысяч лет существовала у китайских историков, а потом и у их европейских коллег: что многочисленные северные и западные племена, носившие разные названия, в том числе *сяньюнь*, это и есть будущие сюнну (от которых, в свою очередь, произошли гунны, захватившие пол-Европы).

К вопросу о том, насколько обоснована такая уверенность с точки зрения сегодняшних представлений (в которые внесла значительные коррективы археология), мы еще вернемся (о сомнениях филологов уже сообщалось). А пока что продолжим разговор о *сяньюнь*, которые под именем «гунны» тем не менее фигурируют в русском переводе «Шицзин». Сохранились две песни о победах, одержанных над ними китайцами в конце IX века. Одна из них — «Ода о походе воеводы Нань Чжун против гуннов». Она повествует о том, как Сын Неба отдал полководцу Нань Чжуну приказ укрепить стеной «дальний Шофан» (так в древности называли северную границу Китая³¹).

Приказ от царя был Нань Чжуну вручен,
 Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен.
 Идут колесницы, на ткани знамен
 И змеи блестят и сверкает дракон.
 «Сын неба отдал повеление мне,
 Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен!»
 Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
 И изгнаны гунны, и враг поражен³².

Другая песня озаглавлена «О походе воеводы Инь Цзифу на гуннов» — известно, что поход этот состоялся приблизительно в 827 году до н. э., в царствование Сюань-вана.

В шестую луну объявили тревогу, тревогу,
 Ряды боевых колесниц приготовив в дорогу;
 Четверки коней горячи и сильны в колесницах.
 Погружены латы из кожи обычные. Трогай!
 В свирепом напоре кидаются гуннов отряды,
 И нам торопиться навстречу кочевникам надо...
 Так царь свое войско в далекий поход высылает,
 Чтоб в царстве его укрепились и мир, и порядок.
 (...)

И наши войска лишь на гуннские орды напали —
Прекрасные подвиги наши пред всеми предстали!

Поначалу, несмотря на «прекрасные подвиги» жителей Поднебесной, китайская армия потерпела несколько поражений, и кочевники сумели захватить часть китайских территорий:

Но гунны, вперед не подумав, доверились силе —
Свой строй развернув, они Цзяо и Ху захватили,
И заняли Хао, и вторглись в пределы Шофана,
И вышли на северный берег Цзинхэ без изъяна.

Однако войска Сына Неба оказались морально сильнее и были лучше организованы. Они вдохновлялись своим знаменем с вытканым на нем соколом и своими белыми вымпелами. Их боевые колесницы были оснащены равномерно распределенными щитами, могучие кони в каждой четверке были тщательно подобраны и обучены.

И десять больших боевых колесниц устремились —
Дорогу вперед нам открыли могучим напором.

Инь Цзифу одержал над варварами убедительную победу, стал примером «для тысячи царств» и, завершив свои деяния, пировал с друзьями, поедая черепаху в жиру и раскрошенного карпа³³.

Но китайцам случалось и терпеть поражения от будущих сюнну (если принять версию о том, что приграничные варвары тех времен действительно были прародителями сюнну). Сыма Цянь сообщает, что в 771 году «чжоуский Ю-ван был убит *цюаньжунами*; чжоуский дом ослабел и перенес [столицу] на восток»³⁴. *Цюаньжунами* назывались северо-западные *жуны*³⁵, которые, собственно, и считались предками сюнну³⁶. Интересно, что их название буквально переводится как «собачьи *жуны*». Впрочем, ничего особо обидного китайцы в эти слова не вкладывали. В древнем географическом трактате «Каталог гор и морей» в разделе о «северных землях» рассказывается о Царстве *цюаньжунов*: «Царство Дарованное собаке называется [еще] царством Собачьих *жунов* (Собак-воинов). [Его жители] похожи на собак. Там женщина

совершает жертвоприношение, преклонив колено, подносит [вино] и еду. Там белые кони в яблоках с красной гривой, с глазами как золото (хуанцзинь). Называются цзилян. Проедешься на таком, проживешь тысячу лет»³⁷.

Историю поражения Западного Чжоу от «собачьих жунов» излагают многие китайские историки, объясняя его, впрочем, не военным превосходством варваров, а дурным характером Бао Сы — наложницы (а позднее и главной жены) правителя Ю-вана. В книге III века до н. э. «Вёсны и осени господина Люя» рассказывается:

«У чжоусцев была резиденция в Фэнхао, на границе с владениями жунов, и они заключили соглашение с чжухоу о том, что по сторонам дороги, по которой ездит ван, будут воздвигнуты высокие башни с барабанами наверху, чтобы передавать сигналы на большие расстояния; если жуны нападут, барабанный бой известит об этом от башни к башне, и войска чжухоу вместе придут на выручку к Сыну Неба. Когда однажды действительно появились разбойники-жуны, ван велел бить в барабаны, и все чжухоу прислали свои войска, Бао Сы очень обрадовалась — так ей этот барабанный бой понравился»³⁸.

Тут надо объяснить, что, согласно другим источникам, Бао Сы отличалась очень мрачным характером и никогда не улыбалась и не смеялась, чем приводила своего повелителя в полнейшее расстройство. «Царь загонял коней, устраивал облавы на зверей и не давал им роздыха, лишь бы угодить Бао Сы. Во время пьяных оргий вино лилось рекой, шуты развлекали двор всю ночь до рассвета. Но Бао Сы никогда не улыбалась. А Ю-вану хотелось рассмешить ее. Он перепробовал десять тысяч всяческих уловок, а она и не улыбнулась». Но, увидев, как пылают сигнальные огни, бьют барабаны, а удельные князья мчатся в столицу каждый со своим войском, Бао Сы наконец расхохоталась на радость Сыну Неба»³⁹.

С тех пор, «когда Ю-вану хотелось, чтобы Бао Сы смеялась, он приказывал бить в барабаны, и войскам чжухоу приходилось каждый раз спешить на помощь, но никаких разбойников не находить. Когда же через некоторое время жуны действительно напали и Ю-ван приказал бить в барабаны, чжухоу войск не прислали. А сам Ю-ван умер у подножия горы Лишань на забаву всей Поднебесной»⁴⁰.

Поражение, нанесенное *цюаньжунами* злополучному Ю-вану, было столь сокрушительным, что династия Западная Чжоу на этом пресеклась, а столицу государства перенесли на восток — так было положено начало династии Восточная Чжоу.

Впрочем, северные кочевники были не только врагами, но порою и желанными союзниками некоторых китайских властителей. По сообщению Сыма Цяня, в VII веке до н. э. чжоуский Сян-ван «женится на дочери вождя племен *жунов* и *ди*, сделав ее хоу (старшей женой. — *Авт.*)», чтобы вместе с новоявленными сородичами напасть на царство Чжэн. Но после того, как союзники помогли Сян-вану одержать победу, «он отдалил от себя супругу из *дисцев* [Ди-хоу], и она озлобилась». Озlobившись, оскорбленная супруга заключила тайный союз с мачехой своего мужа и ее сыном. Вместе они открыли *жунам* и *ди* ворота столицы, и неблагодарному мужу пришлось бежать из своих владений, а на престоле Сына Неба воцарился его сводный брат. Кочевники глубоко продвинулись в глубь Поднебесной, оттуда они целых четыре года «нападали на срединные царства и грабили их, принося беды населению», пока Сян-ван не разбил их с помощью очередных союзников — царства Цзинь⁴¹.

Вообще, надо отметить, что союзнические, матримониальные и прочие связи жителей Поднебесной с *жунами* были делом достаточно обычным. Никого особенно не удивляло и переселение китайцев к варварам — пресловутый Чунь-вэй отнюдь не был исключением. Известно, что во второй половине VII века до н. э. у правителя одного из жунских племен был советником некий Ю-юй, предки которого происходили из царства Цзинь. Сыма Цянь описывает, как повелитель *жунов* отправил Ю-юя послом в царство Цинь, дабы тот перенял полезный опыт у циньского правителя Ми-гуна, славившегося своей мудростью. Но когда два государственных мужа познакомились, выяснилось, что учиться должен не варвар у китайца, а китаец у варвара. Осмотрев богатый дворец царя, Ю-юй сказал: «Если вы заставляли духов все это сотворить, то утомили духов, а если заставляли людей создавать это, то просто замучили народ!» Гость преподавал своему венценосному хозяину нравственные принципы управления государством, и тот взволновался, понимая, что варварский

правитель, «обладая простотой и добродетелью», будет для него постоянным «источником тревоги».

Впрочем, проблема решилась просто: «Распросив у Ю-юя подробно о характере местности и военной силе *жунов*, [Му-гун] приказал своему секретарю Ляо отправить правителю *жунов* шестнадцать певичек. Правитель *жунов*, получив их, очень обрадовался и целый год не возвращал [певичек]». Разлагающее влияние цивилизации крайне пагубно действовало на неокрепшую варварскую душу. Возвратившийся на родину Ю-юй пытался увещевать своего повелителя, но безуспешно. «В конце концов Ю-юй бежал и перешел на сторону Цинь... На тридцать седьмом году (623 год) Цинь по плану Ю-юя напало на правителя *жунов*, присоединило к себе двенадцать царств, устроило земли на расстоянии в тысячу ли и стало главенствовать над западными *жунами*». Интересно, что в ознаменование этой победы, одержанной с помощью музыкальных див, Сын Неба (вассалом которого был Ми-гун) послал правителю Цинь музыкальный же подарок: гонги и барабаны⁴².

Однако успехи Ми-гуна не решили «жунского вопроса», ведь на северных границах Поднебесной обитало множество жунских племен. Сыма Цянь пишет: «...На запад от [гор] Лун[шань] стали жить мяньчжу[ские *жуны*], *гуньжуны*, *ди* и хуаньские *жуны*, а к северу от [гор] Цишань и Ляншань и рек Цзин и Ци поселились ицзюйские, далиские, ушиские и цюйяньские *жуны*. К северу от [княжества] Цзинь проживали жунские племена *линху* и *лоуфань*, к северу от [княжества] Янь — *дунху* и *шаньжуны*. Все они были рассеяны по горным долинам, и каждое имело своих правителей — вождей, и, хотя им время от времени удавалось собрать вместе более ста жунских [племен], объединить их никому не удалось»⁴³.

В середине VI века до н. э. «цзиньский Дао-гун послал Вэй Цзяна заключить мир с *жунами* и *ди*, и их послы стали являться к цзиньскому двору». Но военные стычки продолжались, и в V веке «ицзюйские *жуны*... стали сооружать для своей защиты городки, укрепленные стенами, однако Цинь постепенно, шаг за шагом, захватывало их»⁴⁴.

Несмотря на непрерывные войны, на рубеже IV и III веков до н. э. общение китайцев с *жунами* было уже настолько тесным, что вдова циньского правителя (Сыма Цянь называ-

ет ее Сюань-тайхоу) вступила в незаконную связь с правителем ицзюйских *жунов* и родила от него двух сыновей⁴⁵. Правда, эта властная дама исполняла роль регентши при своем малолетнем сыне-правителе, да и позднее она активно вмешивалась в политику⁴⁶, и общаться с варварскими вождями ей приходилось, так сказать, по долгу службы. И все же это, по-видимому, означает, что правитель ицзюйских *жунов* достаточно часто бывал при циньском дворе. Кстати, ничем хорошим для него это не кончилось: родив от варвара двоих детей, коварная китайка либо разочаровалась в своем любовнике, либо в конце концов решила поставить политические интересы выше личных. Сыма Цянь сообщает, что она, «прибегнув к хитрости, убила правителя ицзюйских *жунов* в Ганьцюане, а после этого, подняв войска, нанесла серьезный урон *ицзюйцам*». Вскоре циньцы стали «сооружать Великую стену для отпора *хусцам*» — еще относительно скромное сооружение, прикрывавшее только границу царства Цинь⁴⁷.

Примерно в эти же годы длинную оборонительную стену для защиты своих владений от северных варваров построил Улин-ван, правитель царства Чжао. Интересно, что он, как и циньская регентша, относился к варварам без свойственного китайцам высокомерия. Сыма Цянь пишет: «...чжаоский Улин-ван... изменил [существовавшие в его княжестве] обычаи, ввел хуские одежды, стал практиковать стрельбу из лука с лошади [на скаку]» — то есть дополнил свою армию конными стрелками... Стену для защиты от хусцев возвел и княжество Янь. Известно, что это княжество посылало хусцам заложников⁴⁸.

Позднее, при императоре Цинь Ши-хуанди, эти и другие оборонительные сооружения были объединены в Великую Китайскую стену.

Первое упоминание о сюнну, в котором они названы своим настоящим именем и встроены в исторический контекст, относится к 318 году до н. э. Сыма Цянь пишет, как в этот год «войска княжеств Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци, ведя за собой отряды сюнну, совместно напали на Цинь». Эта военная операция успеха не имела — войска союзников были разбиты и потеряли убитыми восемьдесят две тысячи человек⁴⁹. Впрочем, есть мнение, что Сыма Цянь ошибся, заменив на сюн-

ну этноним *ицйюй*⁵⁰. Но уже в событиях 314—312 годов до н. э. вновь упоминаются сюнну — на этот раз о них говорит Лю Сян, автор сборника «Шо юань». Он рассказывает, как яньский правитель Чжао-ван жаловался: «Мои земли утеснены, населения мало. *Цисцы* отобрали и уничтожили восемь [моих] крепостей, сюнну мчатся во весь опор на *лоуфаней*...»⁵¹

А в середине III века до н. э. сюнну уже предстают грозной силой, победа над которой дорого обошлась царству Чжао. Сыма Цянь рассказывает о том, как полководец Ли Му сдерживал натиск сюнну на северных границах Чжао:

«Вдоль границы были поставлены башни с сигнальными огнями [и] рассылалось множество лазутчиков и разведчиков. К бойцам своим он (Ли Му. — *Авт.*) относился хорошо. Ли Му наставлял их так: “Как только сюнну вторгнутся в наши земли и начнут грабить, немедленно уходите в свой лагерь и обороняйтесь; всякого, кто осмелится захватить пленных, я казню”. Каждый раз, когда вторгались сюнну, зажигались сигнальные огни, и его отряды уходили в лагерь, занимая оборонительные позиции, и не стремились вступить в бой. Так продолжалось несколько лет, и [Чжао] не несло никаких потерь. Однако сюнну считали, что Ли Му трусит; такого же мнения о Ли Му были и войска, расположенные на границах княжества. Чжаоский ван укорял Ли Му, однако тот вел себя по-прежнему. Чжаоский правитель разгневался, вызвал Ли Му к себе и заменил его другим военачальником».

Новый полководец был «храбрее», но результат от этого получился самый плачевный: ему оказалось не под силу победить сюнну и после нескольких поражений чжаоских войск пограничные земли царства были разорены. Правитель Чжао вновь призвал опального Ли Му и на этот раз предоставил ему полную свободу действий.

«Когда Ли Му прибыл [на границу], он восстановил прежние порядки. В течение нескольких лет сюнну ничего не добились, но, как и прежде, считали [Ли Му] трусливым. Стоявшие на границе воины [чжаоской армии], не участвуя в сражениях, постоянно получали поощрения и все рвались в бой. Тогда [Ли Му] отобрал в своей войске 1300 боевых колесниц, 13 тысяч всадников, 50 тысяч храбрых воинов, достойных награды в сто золотых, кроме того — 100 тысяч метких стрелков из лука, и всех их стал тренировать, готовя к боям. Тем временем

выросло поголовье скота, люди заселили все земли. Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел, сделав вид, что потерпел поражение, потеряв при этом несколько тысяч человек. Узнав об этом, сюннуский шаньюй (правитель. — *Авт.*) вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му, знавший многие удивительные способы ведения боя, развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннуских конников. Он уничтожил [племена] *даньлань*, разгромил [племена] *дунху*, принудил сдаться [племена] *линху*. Шаньюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао»⁵².

Китайские хронисты склонны были преувеличивать подвиги воинов Поднебесной, и число погибших сюннуских конников, возможно, не соответствует действительности. Но уже ясно, что сюнну к середине III века до н. э. располагали огромной армией. Они выступали в союзе с целым рядом племен, которые позднее войдут в состав сюннуской державы. У них имелся единый шаньюй — хотя не исключено, что в то время он был еще не полновластным правителем, а лишь военным вождем, возглавившим разрозненные племенные отряды в дни набегов на Чжао. Так или иначе, сюнну уже приблизились к созданию своего государства.

Китай в те годы тоже стоял на пороге централизации. Эпоха «борющихся царств» завершалась. В конце III века до н. э. правитель государства Цинь, по имени Ин Чжэн, объединил под своей властью разрозненные царства, на которые пятью веками ранее распалось Срединное государство, и принял имя Цинь Ши-хуанди. Новоявленный император очень быстро обессмертил это имя беспрецедентными реформами, приказав уничтожить на территории Поднебесной все книги, кроме тех, что повествовали о сельском хозяйстве, медицине и гадании, а недовольных конфуцианских ученых живыми зарыл в землю. Кроме того, император прославился активными поисками «эликсира бессмертия» — он собирался жить вечно, что не помешало ему с первых дней правления начать строительство своей грандиозной гробницы, в которой разместилась знаменитая «терракотовая армия».

Но были у Цинь Ши-хуанди и начинания иного рода: он потратил немало сил на завоевания северных земель и укрепление границ Поднебесной. Впрочем, историческая значимость этих побед уже в те годы вызывала сомнения. Ли Сы, советник Цинь Ши-хуанди, увещевал его:

«Нельзя [этого делать]. Сюнну не имеют для жительства городов, обнесенных внешними и внутренними стенами, у них нет запасов, чтобы защищать их; они кочуют с места на место, поднимаясь [легко] словно птицы, а поэтому их трудно прибрать к рукам и управлять ими. Если в их земли глубоко вторгнутся легковооруженные войска, им неизбежно будет не хватать продовольствия, а если войска прихватят с собой зерно, то обремененные грузом будут [везде] опаздывать. Приобретение принадлежащих им земель не принесет нам пользы, а присоединение народа не создаст возможности подчинить его и удержать под контролем. Если же, одержав победу, истребить их, то Вы не будете отцом и матерью для народа. [Война] утомит лишь Срединное государство и принесет радость сюнну, а это не дальновидный план»⁵³.

Но видимо, император имел другое мнение о том, как быть «отцом и матерью» для своего народа. Посланный им военачальник Мэн Тянь разбил варваров и отвоевал земли к югу от северной излучины Хуанхэ. Вероятно, тогда же ему довелось взять в плен сюннуского вождя — Сыма Цянь вскользь упоминал пленение некоего шаньюя войсками династии Цинь⁵⁴.

Оборонительные стены, защищавшие отдельные царства от кочевников, были реконструированы и объединены в Великую Китайскую стену. Вдоль Хуанхэ возникли 44 уездных города, их заселили ссыльными преступниками⁵⁵. Кстати, это отнюдь не означало, что на границе с кочевниками теперь обитали в основном люди с криминальными наклонностями — ведь по китайскому законодательству уголовному наказанию (вплоть до смертной казни!) могли подвергнуть не только самого осужденного, но и членов его семьи; в циньское время за государственные преступления казнили три поколения родственников преступника по линиям отца, матери и жены. Поэтому города на берегах Хуанхэ исправно заселялись хотя и ссыльными, но вполне благонамеренными китайцами.

Позднее сановник Чжүфу Янь резко критиковал завоевательную политику Цинь Ши-хуанди. В докладе трону он писал, что приобретенные земли «состояли из озер и солончаков, не производили пяти видов злака», тем не менее для их обороны требовалась огромная армия. «Более десяти лет солнце палило воинов, а роса увлажняла войска, погибло неисчислимое множество солдат, которым так и не удалось достичь северного берега Хуанхэ. Разве для этого не хватало людей или не было достаточного количества оружия и успехов? [Нет], не позволяли условия местности».

На содержание армии пришлось работать всей Поднебесной. «Хотя мужчины старательно обрабатывали поля, провианта [для войск] не хватало, и хотя женщины пряли, [полотна] для палаток не доставало. Народ утомился, сироты и одинокие, старики и дети были не в состоянии содержать друг друга, на дорогах повсюду валялись трупы, и, видимо, поэтому Поднебесная восстала против [династии] Цинь»⁵⁶.

Империя Цинь просуществовала около пятнадцати лет, и, хотя уничтожила ее внутренняя смута, северные варвары, точнее, разорительные войны с ними немало способствовали смене власти.

Описывая время правления Цинь Ши-хуанди, Сыма Цянь впервые начинает системно употреблять слово «сюнну». Хотя историк и утверждал, что Чунь-вэй, родоначальник этого племени, восходил к древней династии Ся, для предыдущих эпох он в своих обширных «Исторических записках» использовал преимущественно другие названия северных и северо-западных племен, и этноним *сюнну*, как мы уже говорили, изредка появляется на страницах этого труда лишь при описании событий середины III века до н. э. Даже в главе «Сюнну ле чжуань» («Повествование о сюнну») Сыма Цянь, вскользь помянув сюнну в самом начале, долго перечисляет события, связанные с *жунами*, *ди* и *ху* (завершив исторический экскурс словами: «От Шуньвэя до Тоуманя прошло более тысячи лет. За это время племена сюнну то усиливались, то, распадаясь, слабели»⁵⁷, подразумевая, что все они и есть сюнну). Но в конце III века до н. э., в годы правления императора Цинь Ши-хуанди, на страницах этой главы вновь появляются сюнну, а затем и их шаньюй Тоумань. С этого

момента историк отказывается от большинства прежних этнонимов и, говоря о подданных шаньюев, называет их *сюнну* или *ху*, употребляя эти слова как синонимы.

Сыма Цянь пишет: «У сюнну шаньюя звали Тоумань. Будучи не в силах одолеть Цинь, он перебрался на север. Прошло более десяти лет. (...) В Срединном государстве воцарилась смута (после смерти Цинь Ши-хуанди. — *Авт.*), и люди, поселенные в приграничных городах, вернулись назад. Тогда сюнну, почувствовав себя вольготно, снова переправились на южный берег Хуанхэ и стали соседствовать со Срединным государством по прежней укрепленной пограничной линии»⁵⁸.

С того времени (а если точнее, то с правления Маодуня, наследника Тоуманя) и начинается история державы сюнну. И примерно тогда же на северных границах Поднебесной появляются могильные сооружения, которые археологи уже уверенно интерпретируют как сюннуские.

Китайские хроники возводят корни сюнну к северным и северо-западным кочевникам середины III или уж по крайней мере первой половины II тысячелетия (сегодня мы знаем, что в ту эпоху кочевое скотоводство в лучшем случае только-только успело сформироваться). Если судить по одним лишь летописям, складывается впечатление, что на северных и западных границах Китая с давних пор существовало множество племен, которые в разные времена назывались по-разному и в III веке до н. э. (или к III веку до н. э.) объединились под общим названием «сюнну». Хотя легендарный беглец Чунь-вэй из династии Ся и считался родоначальником сюнну, но те же самые летописи, говоря о временах до создания сюннуского союза, упоминают этот этноним достаточно редко, предпочитая говорить о *сяньюнь*, *жунах*, *ди* и т. д.

Можно предположить, что представление о сюнну как об едином народе сложилось уже после объединения кочевых племен в единое государство и китайские историки, которым посчастливилось жить после этого знаменательного события, сами не знали, которое из этих племен назвать непосредственным предком современных им сюнну.

Описывая тысячелетний период, прошедший после жизни Чунь-вэя, Сыма Цянь сообщает: «За это время племена сюн-

ну то усиливались, то, распадаясь, слабели; так происходило издавна, и нет даже возможности последовательно изложить [раннюю] историю их родов и правлений»⁵⁹.

Современные историки, как правило, охотно соглашались с этим высказыванием, по крайней мере со второй его частью, потому что у них по поводу корней и ранней истории сюнну дело обстоит еще хуже, чем у Сыма Цяня. Ведь когда китайский хронист писал свои сочинения, он еще не должен был учитывать данные археологии. А данные эти столь же противоречивы, как и данные китайских летописей, поэтому вопрос о предках сюнну археологами до сих пор не решен — археологическая культура сюнну тех времен, когда они уже доподлинно известны под этим именем, не имеет единого достоверного корня ни на северных и западных границах Китая, ни где-либо еще.

Сюнну создали свое государство в III веке до н. э. — об этом мы подробно будем говорить ниже. В последующие века они оставили на территории Китая, Монголии и Забайкалья множество могил, принадлежавших как знати, так и простолюдинам. Для кочевников, у которых не было письменности и почти не было городов и селений (а те немногие, что были, возможно, принадлежали не самим сюнну, а подчиненным им народам), именно характером погребального обряда — устройством могилы, ее инвентарем — и определяется этническая принадлежность.

Если допустить, что предки сюнну испокон века жили на границе с Китаем, здесь должны были сохраниться могилы предыдущих эпох, конструкция и инвентарь которых в достаточной мере напоминали бы сюннуские. Однако явных аналогий археологи не обнаружили, а неявных обнаружили множество, причем в самых разных регионах, и это заставило их выдвинуть разнообразные и взаимоисключающие гипотезы о происхождении сюнну.

Среди ученых, пытающихся увести корни сюнну в достаточно далекое прошлое, можно назвать китайского археолога Тань Гуаньцзиня — он связывает их с так называемой «культурой ордосских бронз», которая складывалась в Ордосе с XIII века и достигла расцвета в XII—VI веках до н. э. Ученый подчеркивает, что именно в районе Ордоса обитали

племена, которые, согласно древним китайским хронистам, в разное время назывались *гуйфан*, *сяньюнь* и *ди* и считались предками сюнну. Эту точку зрения разделяют отдельные российские археологи, причем некоторые из них находят черты сходства между могилами «ордосских бронз» и местными же погребениями предшествующих эпох, что позволяет проследить возможные корни сюнну вплоть до неолита. Однако ученым до сих пор не вполне понятно, каким образом «культура ордосских бронз» трансформировалась в собственно «сюннускую», и это ставит под сомнение теорию в целом.

Некоторые исследователи (в том числе Л. Гумилев) считали, что корни сюнну надо искать в археологической «культуре плиточных могил». Для читателей, далеких от археологии, поясним, что существовало множество древних народов, названия которых до наших дней не дошли, и некоторым из них археологи дали имена по какой-то типичной черте связанных с ними археологических находок: предметов быта, произведений искусства, погребальных сооружений... Такова была и «культура плиточных могил» — именно этот народ, живший в том числе на территории современной Монголии и отделенный от Китая пустыней Гоби, и был, с точки зрения ряда археологов и историков, прародителем сюнну. По версии Л. Гумилева, народ этот возник в результате смешения китайских эмигрантов с кочевниками, населявшими северные границы Поднебесной, и их последующего переселения в Монголию (через Гоби), где они вновь смешались с местными племенами⁶⁰.

Российский исследователь С. Миняев относит формирование сюнну к лесостепным районам Юго-Западной Маньчжурии. Здесь были обнаружены погребения VIII—IV веков до н. э., относящиеся к культурам скифского круга, — они, по мнению исследователя, имеют много общих черт с погребениями сюнну III—I веков до н. э.⁶¹ Что же касается того, что ни *сяньюнь*, ни *сюньюй*, ни прочие народы, описанные в китайских хрониках как прародители сюнну, в этих местах никогда не обитали, эта проблема, по мнению С. Миняева, снимается современными исследованиями в области фонетики китайского языка: согласно им, названия племен древних скотоводов не могли трансформироваться в этноним *сюнну*, и, сле-

довательно, все эти племена, вопреки хронистам, к сюнну никакого отношения не имели. С. Миняев считает, что сюнну стали контактировать с китайцами лишь в III веке до н. э.⁶²

П. Коновалов предлагает версию, которая в какой-то мере примиряет несколько «археологических» точек зрения как между собой, так и с китайскими летописями. Он считает, что на юго-западе Маньчжурии существовал некий народ, который был общим предком и для сюнну, и для *дунху* (монголов). Мигрируя на запад, эти племена вступили в контакт с *жунами* и *ди*, обитавшими в районе Ордоса, в результате чего и образовался народ, получивший название «сюнну». Кроме того, Коновалов вслед за Гумилевым отмечает, что в формировании сюнну приняли немалое участие и китайцы⁶³.

Сюнну многое роднит не только с монгольскими и тюркскими народами, но и со скифскими. Н. Полосьмак высказала гипотезу о том, что в образовании сюнну сыграли роль сакские племена Центрального Казахстана, мигрировавшие на восток, — их влиянием она объясняет многие индоевропейские черты культуры сюнну. Она, как и некоторые другие ученые, видит большое сходство сюннусских памятников со «скифосибирскими»⁶⁴.

Впрочем, такое сходство совсем не обязательно говорит о миграции племен. По меткому замечанию американского археолога М. Фрачетти, «это вечная головная боль евразийской археологии: что перемещалось — люди или артефакты»⁶⁵. То же самое может касаться и некоторых культурных традиций. Так или иначе, кто бы и куда ни перемещался, очень многие ученые видят родство сюнну с индоевропейцами⁶⁶.

Свою лепту в решение вопроса о происхождении сюнну пытались внести и лингвисты. Но если у археологов обилие версий проистекает из многообразия находок (пусть не всегда убедительных), у лингвистов дело обстоит наоборот. Взаимоисключающих версий у них тоже хватает, но виной всему — почти полное отсутствие материала. Язык, на котором говорили древние сюнну, практически не сохранился — немногие дошедшие до нас слова не дают возможности уверенно привязать его к какой-либо группе языков. На сегодняшний день большинство специалистов склоняются

к тюркской гипотезе, но их доводы нельзя не признать достаточно шаткими. Кроме того, существуют и другие версии.

Антропологи, исследовавшие черепа из погребений сюнну, констатируют, что в ту эпоху, когда они уже сложились как народ (или, возможно, как союз племен), сюнну являли собой смешение не только разных монголоидных групп, но и двух больших рас — монголоидов и европеоидов⁶⁷. Район формирования сюнну, где бы именно оно ни происходило, располагается примерно между районами обитания монголоидов на востоке — и Западной Монголией и Тувой, где преобладали европеоиды, на западе. До возникновения сюннуской державы две расы жили не слишком смешиваясь, хотя четкой границы между ними не было, — просто количество монголоидов увеличивалось к востоку. Но с конца III века до н. э. на территории молодой державы начинается метисизация населения — смешение не только культур, но и рас⁶⁸. Хотя в целом в облике сюнну, а потом и гуннов в Европе преобладали монголоидные черты⁶⁹.

Огромное количество версий о предках сюнну, выдвинутых как древними китайскими историками, так и современными археологами, утвердило авторов настоящей книги в мысли (впрочем, не слишком оригинальной) о том, что, возможно, сама постановка вопроса не вполне корректна. С уверенностью говорить о сюнну как о народе можно лишь с III века до н. э. Возможно, как раз объединение племен и стало началом не только политической, но и этнической истории сюнну, ускорив расовое смешение и возникновение единой материальной культуры. Искать же предков сюнну только среди одной из предшествующих археологических культур — не имеет особых перспектив.

Впрочем, откуда бы ни взялись сюнну, в III веке до н. э. они активно заявили о себе, создав на границах Китая гигантскую, первую в истории кочевую империю. Но об этом — в следующей главе.

Глава 2 Создание империи

В те годы, когда император Цинь Ши-хуанди оттеснил кочевников на север, воздвиг Великую стену и построил вдоль границы сорок четыре новых города, власть над сюнну принадлежала шаньюю по имени Тоумань. Из текста «Исторических записок» не вполне понятно, существовал ли в это время какой-то союз их племен, или же Тоумань правил лишь одним из них. Судя по той огромной армии, которые сюнну и их союзники смогли выставить против царства Чжао в середине III века до н. э. (см. главу «Поиски предков»), процессы объединения у северных варваров уже шли полным ходом. Тем не менее их гигантская кочевая империя была создана поколением позднее. А пока Тоумань под натиском китайцев перебрался на север.

Старшего сына Тоуманя звали Маодунь (Модэ или Моду), он должен был наследовать отцу. Но шаньюй решил передать власть младшему сыну, рожденному любимой женой. Для того чтобы избавиться от нежелательного, хотя и законного претендента, Тоумань отправил своего наследника заложником к племенам *юэчжи*, а потом напал на них, рассчитывая, что заложник будет убит. *Юэчжи* действительно

собрались расправиться с юношей, однако Маодунь, «завладев прекрасным конем, сумел ускакать» и вернулся к отцу. Тот, как пишет Сыма Цянь, «оценил его мужество» и отдал под командование сына десять тысяч всадников. Быть может, Тоумань просто вынужден был сделать красивый жест, чтобы отвести от себя подозрения в попытке сыноубийства. Во всяком случае, Маодуня это не обмануло, и он стал тщательно готовить свою маленькую армию.

Маодунь приказал изготовить стрелы «минди» со свистящими наконечниками и издал приказ: «Каждый, кто не станет немедленно стрелять в направлении полета свистящей стрелы, будет обезглавлен». Сыма Цянь рассказывает:

«[Маодунь] отправился на охоту на диких птиц и зверей и всем, кто не стрелял туда, куда летели свистящие стрелы, он снес головы. В конце концов Маодунь выпустил свистящую стрелу в своего отличного коня, и некоторые из его приближенных не осмелились выстрелить в него. Маодунь тут же казнил тех, кто не стал стрелять в коня. Еще через некоторое время Маодунь выпустил свистящую стрелу в свою любимую жену. Некоторые из его приближенных страшно испугались и не осмелились стрелять, Маодунь казнил и их. Через какое-то время Маодунь поехал на охоту и послал свою свистящую стрелу в отличного скакуна, принадлежавшего шаньюю, все его приближенные выстрелили по нему. Тогда Маодунь понял, что все его приближенные годятся в дело. Как-то во время охоты со [своим] отцом Тоуманем он выпустил свистящую стрелу в Тоуманя, и все его приближенные тоже выстрелили свистящими стрелами в том же направлении и убили шаньюя Тоуманя. Затем [Маодунь] предал смерти мачеху, младшего брата, тех сановников, которые не повиновались ему, и объявил себя шаньюем»⁷⁰. Это случилось в 209 году до н. э.⁷¹

Ближайшими соседями сюнну в те годы были племена *дунху*, они «были сильны и процветали». Узнав о воцарении нового правителя, *дунху* направили к нему посла с требованием отдать «скакуна Тоуманя, который мог пробежать в день тысячу ли». Тысяча ли тогда составляла 432 километра⁷² (сегодня — строго 500 километров); это значительно больше, чем может проскакать за сутки даже очень хорошая лошадь (максимальный зарегистрированный результат — 311,6 километ-

ра в сутки⁷³), — вероятно, Сыма Цянь несколько приукрасил достоинства коня. Во всяком случае, приближенные Маодуня решительно воспротивились такому требованию. Однако сам Маодунь сказал: «Разве можно, живя по соседству с другим государством, пожалеть [для него] одного коня?» И лошадь была отправлена к новым хозяевам.

Через некоторое время осмелевшие *дунху* направили Маодуню очередное требование: они хотели получить одну из его жен. Приближенные шаньюя вновь воспротивились и обвинили соседей в том, что те «не знают правил поведения». «Маодунь [на это] ответил: “Разве можно, живя по соседству с другим государством, пожалеть для него одну женщину?” И он отдал свою любимую жену *дунху*».

Тогда *дунху*, «еще более возгордась», потребовали отдать им пограничные земли, лежавшие между ними и сюнну. Земли эти не были населены и по большому счету никому не были нужны; некоторые из советников Маодуня сказали: «Эти заброшенные земли можно отдать, а можно и не отдавать». Но на этот раз правитель пришел в «страшный гнев». Он сказал: «Земля — это основа государства, разве можно отдавать ее!» И отрубил головы всем, чья точка зрения не совпала с его собственной. Лишились голов и те, кто запоздал явиться на срочно объявленную мобилизацию.

Вероятно, Маодунь слегка покривил душой и дело было не столько в землях, сколько в том, что *дунху*, привыкшие к покладистости соседа, никак не ожидали от него такой реакции и не были готовы к нападению. «Маодунь во главе своих отрядов атаковал *дунху*, разгромил их и убил их предводителя, взяв в плен множество людей, скота и имущества».

Одержав первую победу, Маодунь разгромил племена *юэчжи* на западе, а на юге завоевал территории, занятые племенами *лоуфань* и *байян*. Он полностью вернул сюннуские земли, отобранные императором Цинь Ши-хуанди, и установил границу с Китаем по прежней укрепленной линии к югу от Хуанхэ. Потом он вторгся в земли Янь (в окрестностях современного Пекина) и Дай (во Внутренней Монголии). Теперь в его распоряжении имелось уже более трехсот тысяч лучников. На севере сюнну подчинили племена *хуньюй*, *цюйшэ*, *динлин*, *гэкунь* и *синьли*. С тех пор, пишет Сыма Цянь, «вся

сюннская знать и высшие сановники покорились Маодуню, посчитав его мудрым правителем»⁷⁴.

В научной литературе Маодуня часто отождествляют с Огуз-каганом, эпическим предком тюркского народа, — эту точку зрения впервые предложил Н. Я. Бичурин⁷⁵. Действительно, биографии обоих героев — исторического и эпического — в чем-то схожи⁷⁶. Конечно, Маодунь из китайских летописей, в отличие от Огуз-кагана, не мог похвастаться тем, что был зачат матерью от луча света, вырос за сорок дней и имел в помощниках говорящего волка⁷⁷. Но оба героя едва не погибли от козней своих отцов, оба пришли к власти, совершив отцеубийство, оба не слишком дорожили двумя своими первыми женами, оба провели схожие структурные преобразования в своих государствах⁷⁸.

Сыма Цянь отделял от его героя не такой уж долгий период времени — около ста лет. Тем не менее за этот короткий срок рассказы о Маодуне успели приобрести типичные для эпоса (или даже для сказки) черты: повтор аналогичных событий по три или четыре раза с нарастанием эффекта (стрельба вслед за свистящими стрелами, отсылка дани соседям); готовность героя ритуально пожертвовать такими традиционными для фольклора ценностями, как конь и жена; положительная оценка главного героя, хотя он совершает поступки безусловно аморальные (убийство отца, мачехи и младшего брата).

Отметим, что отцеубийство (несмотря на то что в данном случае его можно оправдать мстью) было тяжелейшим, практически невероятным преступлением в глазах любого китайца. Оно нарушало основы не только конфуцианской морали, но и самой структуры мироздания. И тот факт, что Сыма Цянь сообщает об убийстве Маодунем собственного отца совершенно спокойно, не давая этому преступлению никаких нравственных оценок и не выводя из него никаких грядущих катастроф, говорит о том, что историк, описывая юность будущего шаньюя, опирался не на китайские архивы, а на сюннуский эпос.

Кроме того, очень многое из того, что рассказывает Сыма Цянь о Маодуне, представляется попросту невозможным в реальной жизни — на это обращает внимание Н. Н. Крадин в книге «Империя хунну»⁷⁹. Во-первых, трудно представить, чтобы политический переворот и отцеубийство готовились

столь публично, с привлечением такого количество народа. Во-вторых, известно, что мужчины из рода шаньюев (Сюй-ляньти или, в другой транскрипции, Люаньди⁸⁰, Луяньти⁸¹) традиционно брали жен в других знатнейших сюннуских родах: Хуянь, Сюйбу, Цюлинь и Лань⁸². Конечно, среди многочисленных супругов шаньюя могли рано или поздно появляться и женщины иного происхождения. И все же есть все основания думать, что юноша, которому еще не исполнилось и 25 лет и который совсем недавно вернулся к своим соплеменникам, не успел обзавестись гаремом. Скорее всего, жена Маодуня была сосватана ему отцом, когда тот решил примириться с сыном, и, значит, она принадлежала к сюннуской знати. Беспричинное убийство этой женщины не могло остаться безнаказанным. В-третьих, непонятно, почему массовые казни воинов, не решившихся пустить стрелу в коня и в знатную женщину, не обратили на себя внимание шаньюя и его приближенных. Да и сами воины — свободные общинники — не стали бы терпеть подобный террор от человека, который был всего лишь одним из возможных наследников шаньюя. В-четвертых, невероятно, чтобы кто-либо, будь он даже и родным сыном, мог без последствий для себя убить любимую лошадь отца. Конь всегда был священным животным для кочевника, убийство чужого коня было вызовом и жесточайшим оскорблением. Не слишком вероятным представляется и сам факт отцеубийства, более типичный для фольклора, чем для реальной жизни. Конечно, всякое случилось, и все же в истории кочевого мира в борьбе за престол значительно чаще убивали братьев, кузенов, дядей и других родичей — то есть возможных претендентов, чем отца.

Но какими бы эпическими подробностями ни украсились образ и биография Маодуня, не вызывает сомнения одно: так или иначе, этот человек стал шаньюем, возглавил сюннуские племена и вернул земли, утраченные Тоуманем.

Китайцам же в те годы было не до северного соседа — в стране завершалась гражданская война. Генерал Сян Юй, разгромивший циньскую династию, теперь, в свою очередь, терпел поражения от новоявленного повстанческого вождя Лю Бана — вчерашнего крестьянина и будущего основателя дина-

стии Хань, которой на четыре последующих века было суждено утвердиться на троне Поднебесной. Маодунь решил воспользоваться смутой и двинуть свои войска на Китай.

В 202 году до н. э. Лю Бан, уже носивший титул Хань-вана, одержал окончательную победу над своими противниками и провозгласил себя императором (в китайских летописях он обычно фигурирует под посмертным именем Гао-ди или храмовым Гао-цзу⁸³). Но власть его еще не упрочилась, и на окраинах было беспокойно. Северные земли Поднебесной он отдал в управление военачальнику Хань Синю, которому был в значительной мере обязан и победами, и тронном. Благодарный император назначил Хань Синя «править землями к северу от Тайюани с резиденцией в Цзиньяне и [повелел] быть готовым к отражению [племен] ху». Но Хань Синь счел, что его резиденция находится слишком далеко от театра военных действий, и испросил высочайшего дозволения перенести ее в пограничный город Май. Возможно, он уже тогда замыслил измену, но ничего не подозревающий император дал согласие.

Осенью следующего года Маодунь со своим войском взял ставку Хань Синя в окружение. Китайский военачальник затеял с сюнну переговоры, но почему-то предпочел вести их тайно, и императорский двор, узнав, что он «неоднократно посылал тайком послов к ху», заподозрил Хань Синя в измене. В Май был послан чиновник для расследования этого дела. Тогда Хань Синь, уже не скрывая своих намерений, договорился с Маодунем о совместных военных действиях против бывших соотечественников. «Затем он поднял восстание, сдал Май хусцам [и] напал на Тайюань». Военачальники, служившие под началом Хань Синя, поддержали своего командира, и их армия объединилась с армией сюнну⁸⁴.

Император лично возглавил войска, чтобы покарать как изменников, так и северных варваров. Но погода не благоприятствовала китайцам. Сыма Цянь пишет: «Стояла зима, сильно похолодало, шли дожди и снега, и в каждой десятке ханьских солдат у двух или трех человек оказались обмороженными пальцы. Тогда Маодунь, притворившись побежденным, стал отходить, заманивая ханьские войска»⁸⁵.

Историю отступления Маодуня Сыма Цянь излагает по крайней мере в трех главах своих «Исторических записок», причем иногда оно описано как тактический ход⁸⁶, а ино-

гда — как реальное поражение⁸⁷. Сегодня трудно сказать, когда историк покривил душой, но, вероятно, он, будучи патриотом, несколько приукрасил победы китайского оружия. Во всяком случае, сюнну отступили, но император усомнился в том, что его армия может нанести им решающий удар, и послал во вражеский стан лазутчиков. Однако Маодунь предвосхитил намерения противника. «Спрятав своих боеспособных мужей, упитанных быков и лошадей, сюнну выставляли напоказ старых и слабых [мужчин] и истощенный скот. Посланцы, которых было около десяти человек, вернулись и доложили, что на сюнну можно нападать»⁸⁸.

«Тогда все ханьские войска, насчитывающие триста двадцать тысяч воинов, по преимуществу пехотинцев, бросились на север преследовать противника. Император Гао-ди первым достиг Пинчэна. Еще не прибыли все пехотные части, а Маодунь во главе отборных войск из четырехсот тысяч всадников окружил Гао-ди у [возвышенности] Байдэн. В течение семи суток ханьские войска не могли оказать осажденным ни военной помощи, ни помощи продовольствием. Что касается сюннуских всадников, то на западной стороне все они были на белых лошадях, на восточной стороне — на сивых лошадях, на северной стороне — на вороных скакунах, на южной стороне — на каурых».

Устрашенный этим зрелищем, император справедливо усомнился в своем военном превосходстве и решил перейти к дипломатии. Он отправил тайного гонца с подарками к яньчжи — старшей жене Маодуня. Та приняла дары благосклонно и не осталась в долгу. Она сказала мужу: «Вы, два правителя, не мешаете друг другу. Если даже вы, шаньюй, захватите ханьские земли, вы в конце концов все равно не сможете на них поселиться. Кроме того, ханьский ван пользуется покровительством духов. Вам, шаньюй, следует об этом подумать».

Так или иначе, Маодунь вместо того, чтобы воспользоваться плодами своей победы, разомкнул кольцо окружения и дал возможность императору и его людям соединиться с их главными силами. Затем оба военачальника отвели свои армии и прекратили военные действия⁸⁹.

Неизвестно, убедили ли шаньюя доводы супруги о непригодности для него китайских земель, или же он убоился духов. Скорее первое. Земли, которые лежали к югу от Вели-

кой Китайской стены, кочевникам были не нужны — стена очень четко фиксировала естественную границу между двумя гигантскими природными зонами: зоной, пригодной для кочевого скотоводства, и зоной, пригодной для земледелия. А становиться земледельцами и уподобляться китайцам сюнну не собирались.

Впрочем, какие-то начатки земледелия у них, возможно, имелись — об этом ученые спорят, и к этому вопросу мы еще вернемся в главе «Бытописание». Но в целом надо отметить, что за всю свою грядущую историю сюнну, несмотря на теснейшее общение, не переняли у жителей Поднебесной практически ничего из более или менее значимых хозяйственных и культурных достижений. Жители Кореи, Вьетнама, Японии, как бы они ни держались за свою национальную самобытность, очень многое заимствовали у китайцев — и модель государственной организации, и календарь, и иероглифическую письменность (в основе японской письменности и по сей день лежат китайские иероглифы). Что же касается сюнну, то они, казалось, не замечали своего великого соседа и обращали на него внимание лишь тогда, когда речь шла о получении материальных благ (продукты, ткани, металлы, предметы роскоши). Может быть, Маодунь и не задавался вопросом о национальной самобытности, но жить в пределах Великой стены и возделывать рис, хотя бы и руками покоренного народа, он не намеревался.

Кроме того, Маодунь уже тогда, вероятно, понимал: разгром Поднебесной ему абсолютно невыгоден. Дальнейшие события подтвердили, что сюнну могли извлекать немалую прибыль из благоденствия своего южного соседа. Богатый и преуспевающий Китай под видом подарков охотно выплачивал кочевникам дань, лишь бы они не слишком тревожили его границы. Если же эта дань не удовлетворяла сюнну, они грабили пограничные земли, и это опять-таки приносило им гораздо большую, причем регулярную, прибыль, чем могло бы принести завоевание Китая⁹⁰.

Так или иначе, Гао-ди был выпущен из окружения и благополучно вернулся в свою столицу. Империя уцелела, но набег сюнну на границы Поднебесной продолжались. Очень часто в этих набеггах участвовали вчерашние подданные ки-

тайского императора, которые охотно переходили на сторону сюнну.

Хань Синь стал сюннуским военачальником. Главкомандующим китайскими пограничными войсками в области Дай, непосредственно рядом с землями сюнну, был назначен некто Чэнь Си, но и с ним императору не повезло. Чэнь Си тоже поднял мятеж и, подстрекаемый Хань Синем, стал разорять северные области Поднебесной⁹¹. В конце концов оба мятежника были разбиты войсками императора и казнены, но проблемы с сюнну это не решило. Не решило это и проблемы с перебежчиками. Сыма Цянь пишет: «В этот период многие ханьские военачальники переходили на сторону сюнну, и поэтому Маодунь мог постоянно нападать и грабить земли Дай. Это очень тревожило ханьский дом»⁹².

Бегство китайских военных и чиновников к сюнну приняло столь массовый характер, что этой судьбы не избежал даже ближайший друг детства императора Лу Вань. Он был уроженцем того же селения, что и будущий владыка Поднебесной (напомним, что основатель династии Хань происходил из крестьянской семьи). Сыма Цянь пишет:

«Отец Лу Ваня и (...) отец Гао-цзу, были хорошими друзьями, и так случилось, что сыновья у них родились в один день, а жители селения пришли с [тушей] барана и вином поздравить обе семьи. Когда Гао-цзу и Лу Вань возмужали, они вместе учились, вместе читали книги и стали хорошими друзьями. (...) И когда будущий Гао-цзу был еще простолудином, и когда был мелким чиновником и скрывался, Лу Вань всегда находился с ним, куда бы он ни шел и что бы с ним ни случилось. И когда Гао-цзу впервые поднял восстание в Пэй, Лу Вань сопровождал его...»

Став императором, Гао-цзу высоко оценил преданность друга: «Лу Ваню подносились одежды, пища и питье, о которых не смели и подумать другие чиновники. Даже особо отмеченные за службу деятели (...) не могли сравниться с Лу Ванем в отношении благосклонности государя и близости к нему». Лу Ваню был пожалован титул Янь-вана — правителя княжества Янь. Но ни старая дружба, ни милости императора не удержали Лу Ваня от общего соблазна — начать сепаратные переговоры с сюнну и с мятежным Чэнь Си, который

в то время пребывал среди них. Узнав об этом, император вызвал Лу Ваня к себе, но он сказался больным. На борьбу с новоявленным мятежником были брошены войска, и тот уже собрался явиться к императору с повинной, но Гао-цзу умер, и Лу Вань, опасаясь преследований со стороны вдовствующей императрицы, «вместе со своими людьми бежал к сюнну» — здесь он получил титул «Лу-ван восточных ху»⁹³.

Китайские власти относились к перебежчикам, по крайней мере к тем, что возвращались с повинной, на удивление терпимо. Например, Хань Синь уже после того, как он долгое время разорял окраины Поднебесной в составе сюннуской армии, получил от одного из высокопоставленных китайских чиновников письмо с предложением вернуться на родину; в нем, в частности, говорилось: «...Ныне вы, ван, потерпев поражение, бежали к хусцам, но это не является крупным преступлением; поскорее изъясните свою покорность!»

Хань Синь не внял совету, но его потомки оказались бóльшими патриотами. Значительно позднее его младший сын и внук от старшего сына, рожденные уже у сюнну, сдались ханьцам вместе со своими отрядами. Напомним, что по китайскому законодательству ответственность за совершенные человеком преступления могли нести до трех поколений его ближайших родственников. Тем не менее оба потомка Хань Синя были не только прощены, но и пожалованы титулами⁹⁴.

Жена и дети другого перебежчика, Лу Ваня, тоже вернулись от сюнну и прибыли к императорскому дворцу. Фактическая правительница государства, вдовствующая императрица Гао-хоу была больна и не могла их принять, но велела разместить гостей со всеми удобствами и намеревалась устроить в их честь прием (чему помешала ее смерть). Позднее внук Лу Ваня, ван восточных ху, сдался дому Хань и был пожалован титулом Ягу-хоу⁹⁵.

Уже первый император династии Хань после того, как потерпел поражение от сюнну, понял, что проблему северных соседей надо как-то решать. Гражданская война отгремела совсем недавно, центральная власть была еще слаба, и окраинные княжества лелеяли мечты о независимости. Маодунь был опасен и сам по себе, и тем, что его держава служила веч-

ным соблазном для всех, кто был недоволен правлением новоявленной династии Хань. И тогда один из приближенных императора, Лю Цзин, выступил с инициативой:

«Если вы, Ваше Величество, сможете отдать Маодуню в жены свою старшую дочь от вашей первой жены, отправив ее с богатыми дарами, он поймет, что его уважают, и варвары непременно будут относиться к ней с почтением, провозгласят ее яньчи. Когда у нее родится сын, он непременно будет назначен наследником и [в свое время] сменит шаньюя. Почему так произойдет? А из-за жадности к ценным вещам. Вы же, Ваше Величество, ежегодно посезонно посылайте в дар то, что в Хань имеется в избытке, а у сюнну недостает, и каждый раз справляйтесь о здоровье шаньюя. Кроме того, направляйте к ним бяньши, чтобы они деликатно наставляли их в правилах поведения и в ритуале. Пока Маодунь жив, он будет вашим зятем, а когда умрет, шаньюем станет ваш внук. А разве видано, чтобы внук осмеливался относиться к деду как к равному?»⁹⁶

Забегая вперед (подробнее мы будем говорить об этом в главе, посвященной обычаям сюнну), скажем, что Лю Цзин ошибся в своих расчетах. Китайцы считали почтительное отношение к предкам высшей из возможных добродетелей, и мужчина, который продал жену и детей в рабство для того, чтобы содержать своих престарелых родителей, почитался конфуцианцами как образцовый семьянин. Но сюнну придерживались других традиций, у них взрослый внук-воин действительно относился к дряхлому деду не как к равному — он относился к нему как к низшему. Сыма Цянь писал о сюнну: «Они ценят мужество и силу, с пренебрежением относятся к старым и слабым»⁹⁷.

Однако узнать, насколько почтительным внуком стал бы сын сюннского шаньюя и китайской принцессы, императору не довелось. Поначалу он оценил совет Лю Цина, но его главная супруга Люй-хоу (во вдовстве носившая титул Гао-хоу) воспротивилась тому, чтобы ее единственную дочь отправили к варварам. Тогда было решено взять девушку из обычной семьи и отослать к Маодуню, выдав за дочь императора. Свадьба состоялась, и китайцы заключили с сюнну «договор о мире, основанный на родстве»⁹⁸. Кроме того, они обязались «ежегодно посылать сюнну определенное коли-

чество хлопка и шелка, вина, риса и других продуктов питания». Но надежды Гао-цзу на мир не оправдались: Сыма Цянь сообщает, что после свадьбы Маодунь всего лишь «несколько сократил» свои набеги на земли новых родственников⁹⁹. Не исключено, что шаньюй догадался о подмене. Правда, древние хроники, насколько известно авторам настоящей книги, об этом умалчивают, и лишь составленный в X веке географический трактат «Тайпин хуаньюйцзи»¹⁰⁰ сообщает: «Ложно поставили дочь титулованного лица вместо принцессы, а так как сюнну не поверили, то [все дело оказалось] бесполезным»¹⁰¹. И это очень похоже на правду, потому что лжепринцесса не оставила в истории взаимоотношения двух держав никакого следа. Наследником Маодуня стал сын от другой женщины. Сам же Маодунь, как будто забыв, что уже женат на императорской дочке, после смерти императора посватался к его вдове.

Отметим, что впоследствии китайцы в рамках «договоров о мире, основанных на родстве» неоднократно посылали в жены сюннуским шаньюям «принцесс императорского рода». Трудно допустить, что принцессы каждый раз оказывались подменными, тем не менее набеги сюнну на приграничные территории Поднебесной не прекращались — очередная стычка и даже серьезная война могли состояться уже через несколько лет после поступления в степь очередной невесты. Возможно, девушки эти были дочерьми императора не от главной жены, а от какой-либо из многочисленных обитательниц его гарема, поэтому шаньюи не слишком считались с таким родством. По крайней мере однажды, в 33 году до н. э., император Юань-ди в ответ на просьбу шаньюя о родстве с Хань пожаловал ему «наложницу Ван Лян по прозвищу Чжао-цзюнь, происходившую из добронравной семьи»¹⁰².

Сколько именно девушек было отослано в жены сюннуским шаньюям, сказать трудно. Несколько таких браков прямо названы хронистами. Гораздо чаще упоминается лишь заключение «договора о мире, основанного на родстве» — теоретически такой договор предполагал брачную церемонию, но не исключено, что она была необязательной¹⁰³. Впоследствии китайцы едва ли не каждые несколько лет заключали с сюнну подобные договоры, но хронисты да-

леко не всегда упоминают при этом принцесс, которых приносили в жертву большой политике, отправляя на вечное жителство к варварам.

«Договор о мире, основанный на родстве» предполагал равенство сторон, которые должны были вступить в «братские отношения». Правда, некоторые современные исследователи подчеркивают, что в китайском языке само слово «братья» (сюнди) подразумевает неравенство, потому что оно состоит из двух слов, значащих «старший брат» (сюн) и «младший брат» (ди). Надо полагать, что император Поднебесной во всяком случае относил себя к разряду старших¹⁰⁴. Впрочем, варвары могли иметь противоположную точку зрения. Что касается ежегодных поставок китайских тканей и продовольствия, которые всегда предусматривались договорами этого рода, их тоже можно было рассматривать двояко: и как подарки верному вассалу от богатого и могущественного сюзерена, и как дань, которую побежденные выплачивали победителям.

Гао-цзу не дожил до тех времен, когда шаньюем сюнну мог бы стать его внук, хотя бы и от подменной дочери, — Сын Неба умер в 195 году до н. э., еще при жизни своего «зятя». Фактическая власть в государстве перешла к его вдове Люй-хоу, получившей титул Гао-хоу. К этому времени сюнну были уже настолько сильны, что Маодунь решил претендовать на руку не скромной принцессы, а самой владительницы Поднебесной: он отправил вдовствующей императрице письмо с официальным предложением. Китайцы восприняли этот жест со стороны варвара как страшное оскорбление, но отомстить или хотя бы выразить протест не решились: война с Маодунем была для них не по силам. Содержание письма засекретили, и Сыма Цянь не решился даже намекнуть, чего же хотел варвар от правительницы Китая. Он сообщил лишь, что «Маодунь направил императрице Гао-хоу письмо, в котором было немало безрассудных [и оскорбительных] слов»¹⁰⁵.

Через два с лишним века после этих событий, когда официальное отношение к Гао-хоу изменилось и ее объявили недостойной своего супруга, переписку Маодуня и императрицы обнаружил другой китайский историк, Бань Гу. Маодунь писал:

«Я, одинокий и находящийся [от этого] в возбуждении, государь, родился среди низин и болот, вырос в краю степных волон и лошадей. Несколько раз я подходил к границам, желая подружиться со Срединным государством. Вы, Ваше Величество, сидите одна на престоле, а я, одинокий и возбужденный, не имею никого рядом. Обоим нам скучно, мы лишены того, чем бы могли потешить себя. Хотелось бы поменять то, что имею, на то чего не имею».

Получив это послание, которое варвар осмелился направить владычице Поднебесной, императрица пришла в ярость. Она вызвала сановников и «стала обсуждать с ними вопрос о казни гонца и отправке войск для нападения на Маодуня». Однако ей пояснили, что у китайцев может не хватить сил для победы, а кроме того, «варвары подобны диким зверям и птицам, их добрые слова не должны вызывать радости, а дурные слова не должны вызывать гнева». Императрицу эти доводы настолько убедили, что она отправила Маодуню крайне униженный ответ. Письмо Гао-хоу гласило:

«Шаньюй не забыл меня, возглавляющую бедное владение, и удостоил письмом. Я, стоящая во главе бедного владения, испугалась и, удалившись, обдумывала письмо. Я стара летами, моя душа одряхла, волосы и зубы выпали, походка утратила твердость. Вы, шаньюй, неверно слышали обо мне, вам не следует марать себя. Я, стоящая во главе бедной страны, не виновата и должна быть прощена [за отказ]. У меня есть две императорские колесницы и две четверки упряжных лошадей, которые подношу вам для обычных выездов»¹⁰⁶.

Гао-хоу в этом письме лукавила не только в том, что касалось ее «бедного владения». Дряхлой старушкой она, судя по всему, тоже не была. Овдовела императрица, по некоторым данным, в 46 лет (если считать годом ее рождения 241 год до н. э.¹⁰⁷). Да и умерла она не такой уж старой — вероятно, ей был 61 год. После смерти мужа Гао-хоу отнюдь не отказалась от личной жизни и имела фаворита — некоего Пиян-хоу Шэнь И-цзи. Правда, деликатные китайские хронисты о ее интимных взаимоотношениях с ним не говорят (хотя упоминают, что сановник «пользовался любовью» императрицы¹⁰⁸), но они пишут, что он был «в большом фаворе», и сообщают, что Пиян-хоу, нося титул первого советника, «своих

прямых обязанностей не выполнял», однако же «все чиновники решали свои дела только через него»¹⁰⁹. И это наводит на мысль, что вдовствующая императрица не слишком долго оплакивала усопшего супруга.

Тем не менее Маодуня ее письмо убедило. Во всяком случае, он счел за лучшее исправить совершенную бестактность. Бань Гу пишет:

«Маодунь, получив письмо, снова послал гонца принести извинения и сказать: “Я никогда не слышал о правилах приличия и поведения в Срединном государстве, но, к счастью, Ваше Величество простило меня”. Затем [гонец] поднес [в дар] лошадей, и таким образом мир, основанный на родстве, был продолжен»¹¹⁰.

Тем временем держава сюнну продолжала расти и крепнуть. Рассказывая о «власти дома Хань» времен императрицы Гао-хоу, Сыма Цянь пишет, что «сюнну относились к ней с высокомерием»¹¹¹. В 176 году до н. э., уже после смерти императрицы, Маодунь прислал недавно взошедшему на престол императору Сяо Вэню (Сяо Вэнь-ди или — кратко — Вэнь-ди) письмо, в котором в числе прочего сообщалось:

«Благодаря милостям Неба и тому, что командиры и солдаты были на высоте, а лошади в силе, [мы] смогли уничтожить *юэчжи*, которые были перебиты или сдались. Были усмирены также племена *лоуфань*, *усунь*, *хуцзе* и двадцать шесть соседних с ними владений, и все они подчинились сюнну. Так все народы, натягивающие луки со стрелами, оказались объединенными в одну семью»¹¹².

Власти Маодуня к этому времени покорилось множество кочевых племен, из которых начинал складываться новый народ, — теперь слово «сюнну» в той или иной мере относилось уже ко всей, пока еще сравнительно разнородной, массе подданных шаньюя.

На этом Маодунь, который именовал себя «Поставленный Небом Великий шаньюй сюнну», завершил свои завоевания. Он писал в Китай: «... [Я] хотел бы прекратить военные действия, дать отдых воинам, откормить лошадей, отринуть прошлое и возобновить наш прежний договор о мире, дабы принести покой населению, живущему на границах, как это было исстари, чтобы малолетние могли достигать зре-

лого возраста, а старики — жить спокойно на своих местах и чтобы люди из поколения в поколение пребывали в покое и радости»¹¹³.

Объединение сюнну практически совпадает во времени с объединением Китая. Существует мнение, что это вряд ли случайно и что циклы развития Поднебесной и окружающих ее кочевых государств, от державы сюнну до империи Чингисхана, были тесно связаны между собой; что усиление центральной власти в Поднебесной вызывало усиление кочевников и их объединение. Эту точку зрения высказал английский историк Т. Дж. Барфилд¹¹⁴, ее же придерживается российский ученый Н. Н. Крадин. Впрочем, еще Тай-цзу, император Северной Вэй (правил в 386—409 годах), ссылаясь на даосских мудрецов, говорил: «...Когда рождается совершенномудрый правитель, появляются крупные разбойники...»¹¹⁵.

В книге «Империя хунну» Крадин утверждает, что у кочевых народов не было внутренней потребности в создании государства. Такая потребность возникала лишь тогда, когда рядом возникала земледельческая цивилизация, — кочевники объединялись в племенные конфедерации или вождества, чтобы успешнее торговать и воевать со своими соседями. Чем сильнее было оседлое государство, тем большая централизация требовалась и кочевникам¹¹⁶.

С точки зрения авторов настоящей книги, это достаточно спорная точка зрения, поскольку, например, держава жужаней возникла и окрепла в IV — начале V века н. э., в период, когда Северный Китай был захвачен варварами и расколот на множество царств, непрерывно сражавшихся друг с другом. А в середине VI века н. э., когда на территории Китая существовало несколько государств, на его границах был создан Первый Тюркский каганат.

Впрочем, при изучении истории сюнну отмеченная Барфилдом и Крадиным закономерность действительно прослеживается. С VIII и по конец III века до н. э. Китай существовал в состоянии полнейшей раздробленности и непрерывных междоусобных войн. Соответственно и «северным варварам» не было никакой необходимости объединяться — они, как это следует из китайских хроник, успешно грабили погра-

нические территории без всякой централизации. Но как только Поднебесная была объединена под властью Цинь Ши-хуанди и кочевники под давлением мощных имперских сил были вытеснены на север, в хрониках впервые появляется единый сюннуский шаньюй Тоумань. А уже его сын смог вернуть Ордос и создать гигантскую кочевую империю, которая заставила содрогнуться Китай.

В 174 году до н. э. Маодунь скончался¹¹⁷, и на престол гигантской молодой державы взошел его сын Цзиюй, принявший титул Лаошан-шаньюй («Почтенный шаньюй»). Сын Неба немедленно послал ему в жены принцессу императорского рода в качестве супруги. Свои письма к великому соседу китайский владыка начинал словами: «Император с почтением справляется о благополучии Великого шаньюя сюнну». Шаньюй высокомерно отвечал: «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, Великий шаньюй сюнну с почтением справляется о благополучии ханьского императора»¹¹⁸.

Китайцы по-прежнему, как было заведено еще во времена Гао-цзу, посылали сюннускому правителю регулярные подарки, которые скорее напоминали дань. Император Сяо Вэнь в своем письме шаньюю дипломатично объяснял это так: «Владения сюнну расположены на северных землях, где рано наступают свирепые морозы, поэтому через год с небольшим я посылаю людей передавать в дар шаньюю определенное количество гаоляна, солода, золота, полотна и прочих вещей»¹¹⁹.

Срединное государство, привыкшее высокомерно взирать на многочисленных кочевых соседей, впервые за всю свою долгую историю оказалось в положении слабого. Впрочем, как показали дальнейшие события, силы двух великих империй в течение некоторого времени оставались более или менее равными.

К концу правления Маодуня и в период правления его преемника Лаошан-шаньюя держава сюнну достигла пика могущества. Она занимала огромную территорию, сердцем которой (но не географическим центром) были горы Иньшань к северу от Ордоса и сам Ордос в излучине Хуанхэ —

исконные сюннуские земли с прекрасными пастбищами. Маодуню удалось отвоевать их у китайцев, а также покорить племена *лоуфань* и *байян*, жившие в восточной части Ордоса.

На востоке сюннуская империя времен Маодуня включала в себя почти всю Маньчжурию и граничила с государством Чаосянь (на севере Корейского полуострова). Некоторые погребения, открытые на территории Чаосянь (в окрестностях современного Пхеньяна), археологи склонны считать сюннускими, что подтверждает сильное влияние сюнну и на корейские земли¹²⁰.

На севере Маодунь еще в начале своего правления покорил «всех северных варваров», а затем племена *хуньюй*, *цуйшэ*, *динлин*, *гэкунь* и *синьли*. Соотнесение этих народов с конкретными землями и археологическими культурами представляет проблему, вряд ли разрешимую в обозримом будущем. Но действительно, начиная с рубежа III–II веков до н. э. на огромных пространствах Забайкалья, Тувы, среднего течения Енисея археологи отмечают появление погребений и разнообразных изделий, характерных для культуры сюнну. Очевидно, в состав сюннуской державы с этого времени входили и Южное Прибайкалье и Верхний и Средний Енисей, включая Минусинскую котловину, населенную племенами самобытной и яркой тагарской культуры¹²¹.

На западе в конце правления Маодуня в зависимость от сюнну попали их соседи-кочевники *юэчжи*, жившие к западу от Ордоса и южнее пустыни Алашань, в так называемом Ганьсуском проходе в северных предгорьях Куньлуня. Эта полоса степей с благодатным для скотоводства климатом протянулась от юго-западного «угла» большой излучины Хуанхэ к оазисам — «царствам Западного края» в Восточном Туркестане (Синьцзян, Таримская котловина).

Лаошан завершил дело своего отца, окончательно разгромив *юэчжи*, убив их правителя и сделав из его черепа чашу для питья¹²². Эта победа дала ему возможность в 166 году до н. э. совершить с земель, еще недавно принадлежавших *юэчжи*, неожиданный для китайцев и крайне удачный набег на Срединное государство и разграбить два императорских дворца¹²³.

Юэчжи, оставив свои исконные земли, начали вынужденное переселение на запад. Окончательный их разгром сюнну, вероятно, совершили руками своих новых подданных — *усуней*, жаждавших отомстить *юэчжи* за старые обиды¹²⁴. После нескольких лет странствий изгнанники осели на землях царства Дася (Бактрии) на берегах Сырдарьи.

Разделавшись с *юэчжи*, сюнну поселились в Ганьсуском проходе¹²⁵, обладание которым было для них не менее ценно, чем обладание Ордосом. Эти земли имели огромное стратегическое значение: здесь проходили торговые пути, ведущие из Китая на Запад. Обойти Ганьсуский проход с юга китайцы не могли — мешали горы, кроме того, там обитали недружелюбные им *цяны*¹²⁶. Такое положение дел отрезало Хань от мира Средней Азии — богатых стран Давань (Фергана), Дася (Бактрия) и Аньси (Парфия).

Еще западнее Ганьсуского прохода, примыкая к нему, находились упомянутые выше «царства Западного края» китайских источников — небольшие оазисные княжества — преддверие крупных государств Средней Азии. Именно их, вероятно, имеет в виду Маодунь, когда в письме к императору Вэнь-ди упоминает 26 завоеванных им «владений»¹²⁷. В итоге на запад зависимые от сюнну земли простирались до государства Давань.

В течение примерно пятидесяти лет после завоеваний Маодуня и Лаошана границы сюннуской державы оставались практически неизменными. Неизменными в своей основе оставались и взаимоотношения сюнну с их соседями, из которых главным был, конечно, Китай.

Глава 3 Сообщество воинов

Сюнну, даже во времена их расцвета, были не слишком многочисленным народом. Чжунхан Юэ, советник шаньюя Лаошана, говорил: «Численность сюнну не может сравниться с численностью населения одной ханьской области...»¹²⁸ Правда, неизвестно, имел ли он в виду собственно сюнну или же всех жителей огромной, совсем недавно созданной империи.

Население даже самых крупных областей Китая во времена Хань составляло по два с лишним миллиона человек. Что же касается сюнну, то, по подсчетам современных исследователей, до распада их империи в ней проживало около полутора миллионов человек, что примерно совпадает с данными сюннуского советника¹²⁹.

Но не все эти полтора миллиона были этническими сюнну. Забегая вперед, скажем, что в империи Лю Цуна в начале IV века н. э. на 340 тысяч сюннусцев приходилось 1,4 миллиона *цзесцев*, *сяньбийцев*, *дисцев*, *цянов* и *ухуаней*. *Цзесцы* тоже относились к сюнну, но это было лишь одно из многочисленных сюннуских кочевий, и оно не могло слишком сильно повлиять на общую численность. То есть меньше по-

лумиллиона сюннусцев приходилось на миллион с лишним остальных кочевников. Вероятно, похожая пропорция существовала во все времена.

Численность населения нередко уменьшалась — китайские хронисты сообщают, что во времена природных катаклизмов от голода у сюнну умирало по три и даже по шесть-семь человек из десяти¹³⁰, — но потом быстро восстанавливалась.

На пять человек приходился один взрослый мужчина-воин, и, значит, сюннское войско в лучшие времена могло насчитывать около 300 тысяч конников. Эти расчеты вполне совпадают с максимальной численностью войска, которую приводит Сыма Цянь для времен Маодуня (300 или 400 тысяч человек)¹³¹.

Во главе войска и всего народа стоял шаньюй, который происходил из рода Сюйляньти¹³² (Люаньди¹³³, Луяньти¹³⁴). Империя его делилась на восточные (левые) и западные (правые) земли. Ставка самого шаньюя традиционно находилась в центре¹³⁵. Левая сторона у сюнну считалась более почетной, и правителем левых земель шаньюй обыкновенно назначал своего наследника. Помимо правящего рода Сюйляньти у сюнну существовало еще четыре знатнейших рода; из них клан Хуянь ведал вопросами (в частности, судопроизводством) левых земель, а кланы Лань и Сюйбу — правых земель. Чем занимался род Цюлинь, не вполне понятно, но он, во всяком случае, поставлял своих невест ко двору шаньюя. Фань Е пишет: «Эти четыре фамилии являлись в государстве сюнну наиболее знатными родами и постоянно вступали в брачные связи с шаньюем»¹³⁶.

Штат высших чиновников, которые вместе с шаньюем управляли империей, делился на две группы: левых и правых — ведавших соответственно восточными и западными землями. В каждой из них имелись по два князя («рога»), они назывались сянь-ван («мудрый князь») и лули-ван. Именно левый сянь-ван — высшее в государстве лицо после шаньюя — был его наследником. Кроме того, в каждой из земель имелся дацзян (командующий войском), дадувэй (главноуправляющий, вероятно, что-то вроде коменданта),

даданху (управляющий семьями, то есть народом) и гудухоу (князь второй степени). В то же время существует мнение, что все они (и гудухоу, и даданху, и даже дадувэи) были военачальниками, которые имели в своем распоряжении не менее 10 тысяч всадников каждый. Впрочем, возможно, они совмещали мирные труды с трудами на поле брани. Кроме того, среди высших сановников имелись еще шесть (три левых и три правых) князей, или ванов, или «рогов», более низкого ранга.

Все десять князей были ближайшими родственниками шаньюя, обычно — его сыновьями и младшими братьями. Остальные сановники к роду шаньюя не принадлежали. Сыма Цянь писал, что всего во главе сюннуского общества стоят «двадцать четыре предводителя», которые «сами назначают тысяцких, сотников, десятских, “малых” ванов...»¹³⁷

В трактате I века до н.э. «Спор о соли и железе» сказано: «Законы [правителя сюнну] кратки, и их легко понять; требованья [правителя сюнну] немногочисленны, и их легко удовлетворить. По этой причине, когда число наказаний невелико, то [сюнну] не совершают преступлений; когда команда подана, то [сюнну] следуют приказам»¹³⁸.

О том же писал и Сыма Цянь: «Их законы и установления несложны и легко осуществимы. Отношения между правителем и подданными просты, и поэтому они правят государством, как своим телом»¹³⁹. Тем не менее некоторые из сюннских уголовных уложений Сыма Цянь все-таки приводит:

«Согласно их законам, всякий без причины извлекший из ножен меч [хотя бы] на один чи (32 сантиметра. — *Авт.*), подлежал казни, у виновного в краже отбиралось все его имущество и семья. За мелкий проступок били палками, за крупное преступление предавали смерти. Срок тюремного заключения не превышал десяти дней, а во всем [сюннском] государстве число заключенных не превышало нескольких чело-
век»¹⁴⁰.

Все мужчины сюнну, чем бы они ни занимались в мирное время, были воинами, которые всегда находились в состоянии боевой готовности. Сыма Цянь пишет: «Зрелые мужчины, которые в состоянии натянуть лук, все становятся кон-

ными латниками»¹⁴¹. В «Споре о соли и железе» говорится: «[Каждая] семья принимает свои заблаговременные меры [по обороне, у каждого] ее члена есть [оружие], которым он пользуется. Когда однажды возникает близкая опасность, им [остается] только натянуть луки да сесть на коней — и все»¹⁴².

Основой войска была конница. В случае особой необходимости, как во времена войны Маодуня с императором Гао-ди, шаньюй, согласно данным Сыма Цяня, мог мобилизовать до 300–400 тысяч всадников¹⁴³. Во время «рядовых» войн с тем же Китаем численность сюннуских армий варьировалась очень сильно; в период от 166 до 80 года до н. э. в среднем она составляла около 90 тысяч человек — примерно треть военного потенциала страны. В годы кризиса Хань в таких огромных армиях не было необходимости, и сюнну вполне справлялись, действуя небольшими отрядами по 10–20 тысяч воинов¹⁴⁴.

Основным оружием сюнну были лук и стрелы. В «Споре о соли и железе» говорится, что «они не знают употребления длинных копий рогатиной и мощных самострелов», зато у них есть «боевые кони и добрые луки»¹⁴⁵. А цзиньский сановник Цзян Тун утверждает, что сюнну «в искусстве пользоваться луком и ездить на коне вдвое превосходят *дисцев* и *цянов*»¹⁴⁶.

Археологи подтверждают, что сюнну были прежде всего лучниками: остатки луков, стрел и колчанов найдены во многих погребениях. Кроме того, и китайские рисунки и скульптуры, и монгольские петроглифы изображают сюннуских воинов лучниками, стреляющими на скаку или скачущими с луком в налучье за спиной. Правда, до сих пор идут споры о том, какие именно типы луков они использовали. За две тысячи лет сами луки истлели, и сохранились лишь накладки, по которым не всегда можно восстановить конструкцию — почти все могилы, где найдено оружие, были ограблены, и костяные накладки оказались частично утрачены, а частично перемещены с первоначального места. Во всяком случае, сюннский лук был сложносоставным с костяными накладками¹⁴⁷.

Наконечники стрел использовались железные, бронзовые и костяные, причем самых многообразных форм. Ко-

стяные наконечники, судя по всему, изготавливались самими воинами — среди них археологи не смогли выделить ведущих форм, каждый делал их, как умел, сообразно своим навыкам и потребностям. Стрелы могли быть снабжены костяными шариками — свистунками, которые надевались на древко. Они применялись как сигнальные и для устрашения противника. Кроме того, шарик предотвращал раскалывание торцевой части древка. Стрелы оснащались орлиными перьями. Китайцы хотели отобрать у сюнну землю, о которой было известно, что «она дает изумительный лес, древки для стрел, и [там много] орлиных перьев»¹⁴⁸. Сюнну лес отстояли и перьями продолжали пользоваться сами, равно как и деревьями для изготовления древков — археологи считают, что это были березы¹⁴⁹.

Оружие ближнего боя археологи находят в сюннских могилах значительно реже¹⁵⁰. Это прямые однолезвийные палаши, копья, булавы. Для рукопашной схватки применяли трехгранный в сечении однолезвийный кинжал с прямым клинком.

Металлических доспехов, которые бы закрывали все тело, сюнну почти не знали — рядовые воины использовали только бронзовые наручи и железные поножи на войлочной подкладке. Тело защищали меховой или кожаной одеждой; возможно, войлочными доспехами и деревянными щитами. Поверх одежды мог надеваться пояс с железными и костяными бляхами, которые выполняли какую-то защитную функцию¹⁵¹. И лишь самые знатные воины имели нагрудные чешуйчатые панцири¹⁵².

Сыма Цянь писал о сюнну: «Из оружия дальнего боя у них имеются луки и стрелы, из оружия ближнего боя — мечи и короткие копья с железной рукояткой. [Если сражение складывается для них] благополучно, [они] продвигаются вперед, а если неблагоприятно, то отходят, [причем] не стыдятся и бежать»¹⁵³.

Основу тактики сюнну составлял дистанционный бой в рассыпном строю¹⁵⁴. В «Споре о соли и железе» говорится: «Сюнну пускаются в путь легко вооруженные и продвигаются вперед тайком, чтобы внезапно напасть в незащищенном месте...»¹⁵⁵ Тот же автор сообщает:

«Ныне сюнну пасут скот на бескрайнем пастбище, которое невозможно проехать все до конца, куда ни отправишься — на восток или на запад, на юг или на север; их не в состоянии поймать даже [войско, передвигающееся на] легких колесницах и резвых конях; что же говорить о [солдатах, которые] несут на спине тяжелую поклажу, а на плечах — оружие, занимаясь их поисками? Их положение [таково, что] они для нас недосыгаемы. О, как бескрайна [их степь]! Как будто движешься в глубь безбрежных болот и не знаешь, где остановишься. О, как необъятна [их степь]! [Ловить их в ней —] все равно что без сетей ловить рыбу в больших реках или море. Даже если настигнешь их, армия выбьется из сил и дойдет до изнеможения, станет точь-в-точь приманкой, оставленной [врагу]»¹⁵⁶.

Сыма Цянь так описывал воинские традиции сюнну: «Когда наступает полнолуние, ведут сражения, при ущербной луне отводят войска. Тому, кто во время наступательного боя отрубит голову неприятеля или возьмет его в плен, жалуются чара вина, вся захваченная добыча передается этому воину, а взятые в плен становятся его рабами. Поэтому, вступая в битву, каждый из сюннусцев преследует прежде всего выгоду. Они искусны в том, что, заманив в ловушку врага, обрушиваются на него неожиданно. Завидев противника, они устремляются за добычей, подобно стае диких птиц, а попадая в трудное положение и терпя поражение, они рассыпаются, подобно битой черепице, и рассеиваются, подобно облакам. К тому, кто из боя привезет тело убитого воина [сюнну], переходит все личное имущество погибшего»¹⁵⁷.

Сюнну умело использовали рельеф местности. В «Споре о соли и железе» говорится: «...Они пользуются горами и ущельями как крепостными стенами и рвами, пользуются [кочевьями с их] реками и травами как казенными житницами и амбарами для зерна»¹⁵⁸. Об этом же в середине II века до н. э. писал в своем докладе видный ханьский сановник Чао Цо:

«Ныне сюнну отличаются от “государства центра” в искусстве [приспособления] к рельефу местности. [Кони сюнну] поднимаются и спускаются по горным склонам, [переправляются через горные реки], входя и выходя из горных

потоков, — не то что кони “государства центра”. [Конники сюнну] то [мчатся] по опасным тропам, пригибаясь к земле, то стреляют из луков — не то что конница “государства центра”. [Они] не страдают [ни от] ветра и дождя, [ни от] усталости и утомления, [ни от] голода и жажды — не то что люди “государства центра”. Таковы преимущества сюнну».

В качестве недостатков сюннуской армии Чао Цо отмечал, что сюнну приходят в замешательство на равнинах, где их могут одолеть «легкие колесницы и ударные отряды конницы». Он писал, что сюннуские лучники не в состоянии противостоять мощным арбалетам и длинным копьям-рогатинам.

«Что касается применения крепких лат и острых клинков, то если применять и короткие, и длинные клинки, расставить повсюду арбалетчиков нерегулярных войск, наступать совместно отрядами по “пятеркам” и “десяткам”, то оружие сюнну не сможет противостоять им. Когда командир конных лучников ведет скорострельную стрельбу, стрелы летят [одна за другой] в одну и ту же цель, то кожаные латы и деревянные щиты сюнну не могут выдержать [удара]. Когда спешиваются и [вступают в] бой на земле, применяют и мечи и копьяз-рогатины, наступают и отступают, тесня друг друга, то ноги сюнну отказывают им. Таковы преимущества людей “государства центра”».

В своем докладе Чао Цо делает утешительный для китайцев вывод, что тактика сюнну имеет всего лишь три преимущества, а тактика воинов «государства центра», то есть Поднебесной, — целых пять преимуществ¹⁵⁹. Но надо сказать, что, несмотря на оптимизм сановника, сюнну еще в течение столетий оставались бичом китайских границ.

Глава 4 Войны с императором У-ди

В 162 или 161 году до н. э.¹⁶⁰ Лаошану наследовал его сын Цзюньчэнь, и вновь последовало заключение мирных договоров, основанных на родстве, — сначала с императором Сяо Вэнем, потом с Сяо Цзином (Цзин-ди) и, наконец, с императором У-ди, взошедшим на престол в 140 (или 141) году до н. э. Подарки и принцессы исправно поступали в степь, а сюнну столь же исправно разоряли окраинные земли Поднебесной. И У-ди, измученный постоянными набегами, решил положить конец унижительной и тяжелой для Поднебесной зависимости от кочевников.

Одним из постоянных требований сюнну было открытие рынков, на которых кочевники могли бы торговать с жителями Поднебесной. Китайцы, хотя и очень неохотно, такие рынки периодически открывали. В начале своего правления У-ди, как и два его предшественника, обеспечил сюнну «беспрепятственное прохождение застав и торговлю на рынках». Кочевники, «от шаньюя и ниже, все стали дружественно относиться к империи Хань и общались с ханьцами у Великой стены», однако набегов не прекращали. И тогда император пошел на провокацию: он предложил жителю погранично-

го города Май «выехать к сюнну с запрещенными к вывозу товарами, завязать с ними отношения и, чтобы завлечь шаньюя, сделать вид, что он может устроить сдачу Май». Сюнну прельстились «богатствами Май» и двинули на город сто-тысячную армию. Их ожидала засада, но захваченный ими китайский военный писарь выдал шаньюю планы императора. Писарь сделал это под угрозой смерти, тем не менее рас-троганный шаньюй пожаловал предателя почетным титулом Тянь-ван («Небесный князь») и отвел свои войска обратно.

После этого мирный договор был расторгнут, и сюнну стали «совершать бесконечные грабительские набеги на пограничные земли Хань». Но торговле это, как ни странно, не помешало. Сыма Цянь пишет: «...Будучи алчными, сюнну по-прежнему ценили торговлю на рынках при заставах, они любили китайские товары и изделия, а ханьская сторона тоже не прерывала торговли на пограничных рынках, считая ее полезной»¹⁶¹. Китайская администрация теперь покупала на этих рынках верховых лошадей для своей развивающейся конницы — сюнну снабжали Поднебесную стратегическим товаром, не предполагая, что У-ди имеет столь серьезные военные планы¹⁶².

Впрочем, у императора У-ди имелись и другие виды на пограничные рынки, где теперь массово скапливались кочевники. Через пять лет после событий под Май У-ди «послал четырех военачальников, у каждого из которых имелось по десять тысяч конников, для удара по сюнну у пограничных рынков». Но планы китайцев опять не сбылись: победу одержал лишь один из полководцев — он «достиг Лунчэна, убил и взял в плен семьсот хусцев». Второй полководец «ничего не добился», а еще два потерпели сокрушительное поражение¹⁶³.

Однако У-ди не оставил намерений решить «сюннускую проблему». В 127 году до н. э. он отправил полководца Вэй Цина на завоевание Ордоса. Сначала удача улыбнулась китайцам: ханьцы заняли Ордос, восстановили пограничную укрепленную линию, сооруженную еще при династии Цинь, и закрепились вдоль берегов Хуанхэ. Здесь они построили город Шофан.

Вскоре после этих печальных для сюнну событий их шаньюй Цзюньчэнь умер, и на нем мирная передача власти от отца к сыну закончилась. В 126 году до н. э., после смер-

ти Цзюньчэня, его младший брат Ичжисе объявил себя шаньюем и напал на Юйданя — старшего сына и наследника Цзюньчэня. Юйдань потерпел поражение и бежал в Китай. Император У-ди принял его тепло и пожаловал титулом, вероятно надеясь с помощью беглеца расколоть единство сюннуской державы. Однако через несколько месяцев Юйдань скончался.

Шаньюй Ичжисе был у власти тринадцать лет, и в его правление сюнну впервые ослабили железную хватку, которой они держали за горло Китай. Правда, уже в 125 году до н. э. Шофан, не простояв и двух лет, был разорен сюнну¹⁶⁴, но закрепиться в городе и отвоевать Ордос кочевникам не удалось. Забегая вперед отметим, что по иронии судьбы множество сюнну действительно вернулись в эти земли, причем в самые ближайшие годы, но уже не в качестве хозяев, а в качестве подданных китайского императора: в 121 году до н. э. он заселил Ордос сюннускими военнопленными и перебежчиками¹⁶⁵. Сыма Цянь пишет, что «сдавшиеся были расселены в пяти пограничных областях в пределах прежней пограничной укрепленной линии, к югу от Хуанхэ. Они сохраняли свои прежние обычаи, находясь в статусе жителей зависимых княжеств»¹⁶⁶.

У-ди не остановился на достигнутом и в 124 году до н. э. отправил «более чем стотысячную армию, которая выступила из Шофана и Гаоцюзэ¹⁶⁷ для удара по хусцам». Возглавил ее все тот же Вэй Цин. Сюннуский правый сянь-ван, который недавно разорил Шофан и пребывал по этому поводу в состоянии эйфории, полагал, что ханьские войска не в состоянии до него добраться, и, по сообщению Сыма Цяня, «предавался пьянству». Китайская армия, пройдя от приграничных укреплений шестьсот—семьсот ли, взяла его в окружение. Сянь-ван «страшно перепугался и, спасая свою жизнь, бежал, а его отборные конники в беспорядке последовали за ним». Ханьцы захватили в плен пятнадцать тысяч человек. Осенью того же года сюнну нанесли ответный удар, вторглись в область Дай и взяли в плен более тысячи человек.

Война шла с переменным успехом, но, в отличие от многочисленных стычек предыдущих семидесяти лет, на этот раз не сюнну грабили Поднебесную, а воины Поднебесной медленно, но верно теснили сюнну на север и на запад.

История этой войны, как, впрочем, и вся история сюннско-китайских взаимоотношений, пестрит перебежчиками, к которым обе стороны относились на удивление лояльно. Сыма Цянь рассказывает о некоем Чжао Сине, который «в прошлом был мелким хуским князьком», но перешел на сторону Хань и получил титул Си-хоу. Полководец Вэй Цин назначил перебежчика «командующим передовыми частями армии», но после неудачного сражения тот сдался своим бывшим соотечественникам. Шаньюю Ичжисе, вместо того чтобы казнить предателя, решил использовать его знакомство с китайской армией и сделал своим советником по военным вопросам. А для того, чтобы Чжао Синю не вздумалось в очередной раз поменять подданство, женил его на своей сестре и пожаловал титул второго после себя человека в государстве.

Чжао Синь рекомендовал шаньюю не приближаться к линии приграничных укреплений, а отступать на север, через пустыню Гоби, «изматывать ханьские войска, а когда их усталость дойдет до предела, напасть на них». Отметим, что эта тактика на многие годы стала для сюнну основной, — впрочем, ничего особо оригинального в ней не было. Но в те девять лет, что длилась военная кампания императора У-ди, отступление стало для сюнну не только тактическим ходом — это была вынужденная сдача собственной территории. В этих войнах китайцы впервые стали предпринимать дальние походы в глубину сюннских земель.

В 121 году до н. э. сюнну потеряли вторые по значимости земли, входившие в состав их державы, — Ганьсуский проход. Девятнадцатилетний китайский полководец Хо Цюй-бин выступил на них с небольшой десятитысячной армией и «убил и взял в плен свыше восемнадцати тысяч сюннских конников», а также захватил «золотую статую человека, использовавшуюся при жертвоприношениях Небу». После этого Небо действительно отвернулось от сюнну, и в том же году Хо Цюй-бин атаковал их позиции в горах Цилян. Он убил и пленил «более тридцати тысяч хусцев, в том числе более семидесяти князьков и других лиц более низкого положения».

Это были тяжелые потери, но у сюнну еще оставался шанс удержать за собой территорию, за которую шла такая оже-

сточенная борьба. Однако шаньюй допустил серьезную психологическую ошибку. Сыма Цянь пишет: «Осенью этого же года шаньюй разгневался на Хуньсе-вана и Сючу-вана за то, что они, находясь на западных землях, в боях с ханьцами потеряли убитыми и пленными несколько десятков тысяч человек. Он хотел призвать их к ответу и казнить. Хуньсе-ван и Сючу-ван испугались и задумали перейти на сторону Хань». Опальные князья что-то не поделили между собой, но это не изменило общей ситуации: «Хуньсе-ван убил Сючу-вана, присоединил к себе его воинов и подданных и сдался ханьцам».

По сообщению самого Хуньсе-вана, он привел в Поднебесную 100 тысяч человек. Сыма Цянь считает, что перебежчик лукавил и на самом деле их было 40 тысяч. Так или иначе, учитывая огромные военные потери, которые сюнну понесли в боях с Хо Цюй-бином, ни населять, ни охранять Ганьсуский проход теперь было некому.

В 119 году до н. э. сюнну были вытеснены уже на территорию нынешней Монголии — теперь между ними и Поднебесной лежала пустыня Гоби. Чжао Синь, а вслед за ним и шаньюй полагали, что китайские войска не решатся пересечь пустыню. Однако ханьцы «откормили лошадей и отправили сто тысяч всадников, их сопровождало сто сорок тысяч коней для перевозки личных вещей, не считая [лошадей, необходимых для] провианта и обоза». Шаньюй отогнал собственные обозы в тыл и встретил китайцев во главе отборных войск, но попал в окружение и с трудом прорвался на северо-запад с несколькими сотнями конников. Армия его была разбита, самого Ичжисе сочли погибшим, и один из его сановников объявил себя шаньюем — впрочем, узнав о том, что истинный правитель жив, он добровольно сложил с себя этот титул.

Спротивление сюнну было сломлено. Сыма Цянь пишет: «После всего этого сюнну бежали [еще] дальше, и к югу от пустынь уже не было ставки их правителя. Ханьцы же, перейдя Хуанхэ, от Шофана и далее на запад до Линцзюя¹⁶⁸, повсюду стали сооружать оросительные каналы и разбивать поля, [поселили на завоеванных землях] пятьдесят—шестьдесят тысяч чиновников и солдат, постепенно, пядь за пядью, за-

хватывали и осваивали земли, непосредственно соседствуя с сюнну на севере».

Территориальные потери сюнну в войнах с императором У-ди были огромны. Они утратили Ордос и горы Иньшань, и позднее Бань Гу с удовлетворением сообщал: «После того как сюнну потеряли горы Иньшань, они всегда плачут, когда проходят мимо них»¹⁶⁹. К китайцам перешел Ганьсуский проход — он открывал им караванные пути в страны Восточного Туркестана и Средней Азии. Хань начала немедленное освоение земель Ганьсуского прохода, переселяя сюда бедняков из Поднебесной. Правда, дело у них шло медленно, тем не менее блокада сюнну владений Хань на северо-западе была прорвана, и отныне Поднебесная контролировала территорию вплоть до юго-востока Восточного Туркестана¹⁷⁰. Что касается гор Цилян в Ганьсуском проходе, то сюнну даже сложили о них горестную песню. В ней говорилось: «Потеря наших гор Цилян привела к тому, что шесть видов нашего домашнего скота перестали размножаться»¹⁷¹.

Отчаявшись победить китайцев силой оружия, сюнну решили применить свой испытанный метод: они отправили к императору посла, который «стал произносить хорошие слова и просить о восстановлении мира, основанного на родстве»¹⁷². Сын Неба передал это предложение на рассмотрение сановников, и тут мнения разделились. Некоторые предлагали согласиться на заключение мира, другие настаивали на том, чтобы превратить сюнну в подданных империи. В конце концов возобладало следующее мнение: «Сюнну недавно потерпели поражение, находятся в трудном положении, [сейчас] удобно сделать их нашими вассалами, чтобы [их представители весной и осенью] являлись на границу с выражением своей верности Хань». Сюнну действительно находились в непростом положении. И все же до того, чтобы становиться вассалами Хань, они еще не дошли — время покажет, что, несмотря на потерю части своих территорий, они еще очень долго будут разговаривать с Поднебесной на равных. Выслушав китайского посла, шаньюй «пришел в ярость и задержал его у себя, не отпуская обратно»¹⁷³.

Китайцы стали готовиться к новой войне, но ее предотвратило печальное событие: в 23- или 24-летнем возрасте скон-

чался полководец Хо Цюй-бин, проведший шесть успешных операций против сюнну¹⁷⁴. Наверное, в Поднебесной и без него имелись талантливые полководцы, тем не менее со смертью Хо Цюй-бина ситуация как-то зависла, и между двумя державами на несколько лет воцарился мир. В 114 году до н. э. умер шаньюй Ичжисе, и державой стал править его сын Увэй. Китайцы в то время воевали с *юэсцами*, и им было не до сюнну. А когда они, разгромив одно из двух юэских государств, вспомнили о своих давних северных врагах, выяснилось, что сюнну и близко не подходят к новым рубежам. Два полководца с небольшими армиями были отправлены от границ Поднебесной: один — на север, другой — на запад. Первый прошел более двух тысяч ли, второй — несколько тысяч ли, и оба вернулись, «не встретив ни одного сюннуца».

Результаты разведки вдохновили китайцев. Император прибыл в Шофан и на вновь отвоеванных землях устроил смотр своим войскам. Он собрал сто восемьдесят тысяч конников, «чтобы продемонстрировать свою военную мощь». Однако продемонстрировать ее было некому, поскольку сюнну находились в тысячах ли от его владений. Тогда к шаньюю был направлен посол со следующим заявлением:

«Голова правителя южноюэского царства уже висит на северных воротах ханьского дворца. Если вы, шаньюй, в настоящее время в состоянии вступить в войну с хань[ским государством, то наш] Сын Неба лично возглавит войска, чтобы встретить [вас] на границах. Если же вы, шаньюй, не в состоянии вступить в борьбу, то обратитесь лицом к югу и признайте себя подданным Хань. К чему так далеко убегать и скрываться в местах к северу от пустыни, где жить трудно и холодно, на землях, лишенных воды и трав! Так делать не следует».

Но молодой шаньюй Увэй еще не терпел поражений от Китая и считал, что сам знает, что ему следует и чего не следует делать. Он пришел в ярость. Казнить посла он все-таки не рискнул и поэтому казнил собственного чиновника, который ведал приемом гостей и допустил дерзкого китайца в его юрту. Посла же шаньюй сослал на берега Байкала. Однако, поостыв, Увэй «так и не решился напасть на ханьское пограничье» и вместо этого стал посылать в Хань своих

послов «сладкими речами просить мир, основанный на родственных отношениях». Он даже пообещал послать своего старшего сына-наследника в Хань в качестве заложника¹⁷⁵.

Тем временем китайцы продолжали укреплять свои позиции в оставленных сюнну землях к северу и северо-западу от Ордоса, а также в Ганьсуском проходе: в северо-западной части прохода были основаны города Дуньхуан и Цзюцюань, а затем и область Цзюцюань-цзюнь — это должно было перерезать пути сообщений между сюнну и *цянами*¹⁷⁶. Одновременно Хань налаживает отношения с царствами Средней Азии (Давань, Дася, Аньси) и с переселившимися в район к северу от Сырдарьи и еще находившимися в подчинении у Дася *юэчжи*¹⁷⁷. Тогда же император У-ди отдал свою внучку замуж за правителя *усуней*, «чтобы отделить сюнну от западных государств, которые им оказывали помощь». *Усуни* принцессу приняли, хотя окончательно отпадать от сюнну они еще не собирались. Впрочем, китайцы, не дожидаясь, пока *усуни* перейдут на их сторону, стали «расширять на север свои пахотные поля, вплоть до укреплений Сяньлэя» — то есть распахали пограничные с *усунями* земли¹⁷⁸.

Однако сюнну не торопились признать растущую силу Поднебесной. Увэй тянул время, отказывался от обещания прислать заложника, поминал былые времена, когда китайцы присылали в степь принцесс, ткани и съестные припасы, требовал, чтобы к нему направляли послов более высокого ранга. Он заявил, что «хотел бы поехать в Хань, встретиться с Сыном Неба и лично договориться о братских отношениях». Император даже приказал построить специальные апартаменты для встречи высокого гостя. А тем временем конные отряды сюнну совершали набеги на пограничные земли.

После смерти Увэя в 105 году до н. э. в державе сюнну начались внутренние проблемы: за короткий восьмилетний период сменилось три шаньюя, из которых по крайней мере один был очень молод. Но это не мешало кочевникам регулярно разорять пограничные земли Поднебесной¹⁷⁹.

Еще при жизни Увэя, в 110 году до н. э., ханьские войска, расположенные на северном направлении, начинают покидать свои рубежи (хотя и не до прежних границ). На западе дела обстояли чуть более успешно, и китайцы еще некоторое

время продолжали свою экспансию. В 102 году до н. э. они захватили Давань и установили контроль над большей частью Восточного Туркестана¹⁸⁰. Но уже через год даваньцы, сочтя, что поставленный китайцами правитель «излишне угождает [ханьцам] и является виновником разорения страны», убили его. И хотя новый правитель послал своего сына заложником в Хань, контроль китайцев над Давань, безусловно, ослаб¹⁸¹. А через несколько лет Ли Гуан-ли, военачальник города Эрши, потерпев поражение от сюнну, а заодно обидевшись на императора, который казнил его родственников по обвинению в колдовстве, сдался в плен со всей своей армией¹⁸². Ситуация все больше начинала напоминать старые времена бесконечных набегов, бесполезных договоров и переговоров о них. Только утраченные земли Ордоса и столь любезный их сердцам Иньшань сюнну не вернули уже никогда.

Глава 5 Большая политика

История державы сюнну — это прежде всего история ее взаимоотношений с Китаем. И дело не только в том, что мы знаем ее в основном по китайским источникам. Данные археологии свидетельствуют о том же: поток китайских изделий у сюнну сильно превосходил поток изделий с запада. Ни с одним крупным государством, кроме Китая, сюнну никогда не граничили, и их основные интересы — конечно, помимо традиционного скотоводства — были сосредоточены на границах Поднебесной. С Китаем сюнну воевали и торговали, из Китая получали — когда добром, когда силой — продукты земледелия и ремесел, из пограничных княжеств угоняли рабов, к императору Поднебесной обращались за поддержкой в случае внутренних неурядиц и гражданских войн...

После того как Маодунь заключил с Китаем первый «договор о мире, основанный на родстве», женился на присланной ему китайской невесте, оговорил размер ежегодных подарков (которые точнее было бы назвать ежегодной данью) и продолжил, несмотря ни на что, регулярные грабительские набеги на приграничные земли, эта модель взаимоотношений

стала базовой для его преемников. При вступлении на престол очередного шаньюя (или очередного императора), договор перезаключался, и Сын Неба начинал отправлять в степь богатые подношения, причем, помимо ежегодных, ему вменялось в обязанность делать еще и особые подарки шаньюю по самым разным поводам — их размер мог во много раз превосходить регулярную дань. Иногда к подаркам прилагалась очередная невеста из императорского рода. После заключения договора сюнну на несколько лет прекращали набеги, но потом возобновляли их, и китайцы отправляли в степь очередного посла с мольбой о мире и обещанием новых поставок риса, вина, шелка...

Завоевывать Китай сюнну не собирались, и в Поднебесной это понимали. При императорском дворе постоянно шли дебаты по сюннуской проблеме, но вопрос об угрозе завоевания не ставился ни разу¹⁸³. Было ясно, что ни возделывать землю, ни руководить сельхозработами на китайской территории кочевники не хотят. Их вполне устраивало, что этим занимаются сами китайцы, а они имеют под боком постоянный источник дармовых товаров.

Обычно купленный китайцами мир длился не более трех-четырёх, максимум десяти лет. Ли Гуан (не путать с упоминавшимся выше полководцем Ли Гуан-ли), вступивший в 166 году до н. э. в императорскую армию, «чтобы бороться с хусцами», и дослужившийся до крупного военачальника, говорил, что за полвека службы он «провел с сюнну более семидесяти крупных и мелких сражений»¹⁸⁴ — а ведь это были годы, когда «договоры о мире, основанные на родстве» заключались постоянно. Достаточно просмотреть китайские хроники, чтобы понять, что сюнну не придавали особого значения ни договорам, ни бракам с принцессами, ни любезным письмам, которыми их шаньюи обменивались со своими «братьями» императорами. Сыма Цянь пишет:

«Когда на престол взошел император Сяо Вэнь, он вновь стал принимать меры к поддержанию мирных и родственных отношений с сюнну. В пятой луне третьего года его правления (177 год до н. э.) сюннуский правый сянь-ван вторгся в земли, лежащие к югу от Хуанхэ, и поселился там, нападая оттуда на Шанцзюнь, [на стоявшие там] укрепленные пунк-

ты, [на племена] *мань* и *и*, грабя, убивая и захватывая в плен население».

Китайцы были вынуждены послать против сюнну восемьдесят пять тысяч «всадников и воинов на колесницах» и вытеснили захватчиков за пределы Великой стены. На следующий год (176 год до н. э.) Маодунь послал императору письмо, в котором говорилось: «Поставленный Небом Великий шаньюю сюнну почтительно справляется о здоровье императора и желает ему счастья...» — и предлагалось «возобновить... прежний договор о мире, дабы принести покой населению, живущему на границах, как это было исстари». Намек был понят, и в ответном послании император писал: «Хань договорилась быть с сюнну братьями, и поэтому мы посылаем шаньюю щедрые дары».

В 174 году до н. э. на сюннуский престол взошел Лаошан, и «император Сяо Вэнь отправил ему принцессу из императорского рода в качестве супруги». Семейного счастья шаньюя хватило на восемь лет мира (и ежегодной дани), после чего в 166 году до н. э. «сто сорок тысяч всадников сюннуского шаньюя вторглись [в уезд] Чжаоно и [на заставу] Сяогуань. [Они] убили дувэя [области] Бэйди [по имени] Ан, захватили очень много людей и скота и затем дошли до Пэнъяна. Оттуда сюнну выслали конный отряд, который разграбил и сжег дворец Хуйчжун, а кавалерийские разъезды дошли до [дворца] Ганьцюань в Юн». Император направил на борьбу с зятем сто тысяч всадников и тысячу колесниц и вытеснил его за пограничную линию, «не убив никого». Однако сюнну не оценили императорской гуманности. С тех пор они «ежегодно вторгались на [ханьские] пограничные земли, убивали и захватывали большое количество людей, скота и имущества, особенно тяжело пришлось [областям] Юньчжун и Ляодун, а в области Дай пострадало более десяти тысяч человек».

Китайцы не выдержали, и начался очередной виток обмена любезными письмами и заключение очередного мирного договора. В 162 году до н.э. император Сяо Вэнь подтвердил свое обязательство ежегодно «передавать в дар шаньюю определенное количество гаоляна, солода, золота, полотна и прочих вещей». Он называл прошедшие войны «мелкими неурядицами прошлого» и радовался тому, что «мелкие де-

ла и ничтожные основания, неудачные замыслы советников оказались не в состоянии разбить радость наших братских отношений». Император писал о счастливых последствиях, которые он предвкушал от нового мирного договора: «В результате множество добропорядочных людей, а также рыбы и черепахи, плавающие внизу, крылатые птицы, парящие вверх, все живое, передвигающееся с помощью ног по земле, все дышащее ртом и пресмыкающееся по земле — все обретет спокойствие и избавится от опасностей и бед».

Однако обещанным миром два народа, равно как и рыбы и черепахи, смогли наслаждаться весьма недолго. В 262 или 161 году до н. э. на престол взошел сын Лаошана, Цзюньчэнь. Он вновь заключил с Китаем «мирный договор, основанный на родстве», но на четвертом году своего правления нарушил его, «осуществив крупное вторжение в Шанцзюнь и Юньчжун: в каждую из [областей] вторглось по тридцать тысяч конников. Они убили и взяли в плен множество людей, после чего ушли обратно». На борьбу с «братом» были брошены ханьские войска, но сюнну без боев отступили в свои земли. Вероятно, Сяо Вэнь был бы принужден к очередному договору и внеочередным выплатам, но он умер, и после новых боев на границе договор о мире и родстве заключил его приемник в 157 году до н. э.:

«...Император Сяо Цзин снова заключил с сюнну мир, основанный на родственных отношениях, открыл рынки на заставах, послал сюнну дары, отправил принцессу в жены шаньюю, согласно прежним договоренностям». За тринадцать лет правления Сяо Цзина крупных вторжений сюнну Сыма Цянь не называет, но он пишет, что они «время от времени совершали небольшие набеги и грабили пограничное население...»¹⁸⁵

Приведенная выше хроника охватывает всего лишь около тридцати лет сюннуско-китайских отношений. Но по этой же схеме они строились в течение по крайней мере трех веков (с редкими перерывами). В 89 году до н. э. очередной шаньюй после очередного разгрома ханьских войск писал императору: «На юге есть великая Хань, а на севере могущественные хусцы, хусцы — любимые Сыны Неба, [поэтому] отбросим мелкие правила приличия. Ныне я хочу открыть вместе с Хань большие заставы [для торговли], взять в жены дочь из дома

Хань, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное согласно прежнему договору, в этом случае на границах не будет взаимных грабежей»¹⁸⁶.

В пересчете на современные меры шаньюй хотел ежегодно получать 200 000 литров вина и 170 000 литров (около 120 тонн) проса. Что касается «кусков» ткани, то по существующим в ханьском Китае стандартам (они в разное время менялись, но не слишком сильно) «кусок», или «пи», должен был иметь ширину около полуметра и длину 9 метров¹⁸⁷. «Куска» с избытком хватало, чтобы одеть одного человека «с головы до ног» — например, сшить длинный и широкий халат с такими же рукавами или штаны и рубаху.

Помимо традиционного риса, проса, вина и шелка, сюнну требовали от китайцев самых разнообразных товаров, вплоть до музыкальных инструментов — их в 52 году н. э. запросил шаньюй северных сюнну (сюннская держава к тому времени успела расколоться). Он сообщал, что ранее присланные инструменты «пришли в негодность», и просил «о пожаловании новых в соответствующем количестве». Правда, в этом подарке ему было отказано — в ответном письме император писал: «Памятуя, что в государстве шаньюя еще не восстановлено спокойствие и происходят жестокие сражения, когда главным занятием является война, считаю, что хорошие луки и острые мечи более необходимы, чем [музыкальные инструменты] юй и сэ, а поэтому не посылаю их». Вместо инструментов император отправил своему венценосному собрату набор стрелкового оружия и «500 кусков разного шелка», а его сановникам — «по 400 кусков разного шелка и по одному мечу, которыми можно разрубить лошадь»¹⁸⁸.

Нападая на приграничные земли Китая, сюнну преследовали две цели: они не только вывозили оттуда богатую добычу, но и уничтожали во время этих набегов все, чего не могли вывезти, запугивая китайцев и вынуждая их идти на очередные выплаты. Набеги чаще всего совершались осенью, когда кони у сюнну успевали откормиться за лето. Для китайцев же это время, напротив, было самым не подходящим для войны — у них шел сбор урожая. Сюнну вытапывали поля и выжигали посеы и селения — они знали, что ханьская ад-

министрация заинтересована в стабильности приграничных районов и вынуждена будет все восстановить — до следующего набега¹⁸⁹.

Чжунхан Юэ — китаец по происхождению, служивший советником у сюннуских шаньюев и принимавший участие в переговорах двух держав, — не стеснялся прямо угрожать от имени сюнну императорским послам. «...Если ханьские послы хотели затеять спор, Чжунхан Юэ сразу обрывал их: “Ханьский посланник! Не нужны пространные разговоры, лучше позаботьтесь о том, чтобы доставляемые сюнну шелковые ткани, пряжа, рис и солод были в достаточном количестве и лучшего качества. К чему тут разговоры? Если все поставляемое вами в достатке и прекрасного качества, то на этом все и кончается. Если обнаружатся нехватки и плохое качество, то осенью, когда урожай созреет, мы пошлем конницу для сбора урожая!”»¹⁹⁰

Интересно, что поначалу Чжунхан Юэ предостерегал Лаошана — первого из шаньюев, которому ему довелось служить, — от увлечения китайскими товарами. Он сказал ему: «Численность сюнну не может сравниться с численностью населения одной ханьской области, но сила сюнну состоит в том, что они иначе одеваются и питаются, поэтому не зависят от ханьцев. Ныне вы, шаньюй, изменяя обычаям, проявляете любовь к ханьским вещам, но как только ханьские вещи составят две десятых, сюнну полностью перекинутся на сторону ханьцев. Если в полученных от Хань узорчатых тканях и полотне промчатся по колючим травам ваших земель, то верхняя одежда и штаны порвутся в клочья. Это ясно показывает, что их ткани не так прочны и хороши, как одежда из войлока и сюннуские шубы. Получаемые вами от ханьцев съестные продукты надо выкидывать, показывая этим, что они не так хороши и вкусны, как кумыс и сыры»¹⁹¹.

Тем не менее сюнну охотно пользовались китайскими изделиями, носили китайские ткани и ели китайский рис, не говоря уж о рисовом вине (рисовую водку тогда еще не изобрели). Впрочем, у них не было другого выхода. Дело в том, что кочевое скотоводство само по себе, хотя и обеспечивает людям «жизненный минимум», не допускает никаких излишеств¹⁹². Кочевник не может в полной мере обеспечить себя

ни растительными продуктами, ни сложными ремесленными изделиями, требующими стационарных мастерских. Да и территории, на которых обитали сюнну, в основном не годились для земледелия. Кроме того, традиции свободолюбивых кочевников не позволяли сюнну жить оседло.

Конечно, на огромной территории, завоеванной Маодунем, существовали поселения земледельцев и даже города — но их было очень мало. Сюнну пытались исправить положение и, не удовлетворяясь грабежами и китайскими подарками, пытались наладить и свое производство зерна и ремесленных изделий. Но сами они, по крайней мере в большинстве своем, отказываться от кочевания не собирались и заселяли мало-мальски пригодные для земледелия участки, а также вновь создаваемые города пленными китайцами и перебежчиками¹⁹³. Перебежчиков этих было достаточно много. «Сведущий в пограничных делах» сановник Хоу Ин в 30-е годы I века до н. э. говорил императору:

«Многие из участвовавших в прошлых походах [против сюнну] затерялись [в их землях] и не вернулись назад, поэтому их сыновья и внуки, которые живут в бедности и находятся в стесненном положении, могут однажды бежать к своим родственникам. (...) Кроме того, рабы и рабыни пограничных жителей печалются о своей тяжелой жизни, среди них много желающих бежать, и они говорят: “Ходят слухи, у сюнну спокойная жизнь, но что подделаешь, если поставлены строгие караулы?” Несмотря на это, иногда они все же убегают за укрепленную линию. (...) Воры и разбойники жестоки и лукавы, они нарушают законы, объединяются в шайки, и, если, попав в безвыходное положение, [они] убегут на север за укрепленную линию, их уже нельзя будет наказать»¹⁹⁴.

И все же силами случайных беглецов, разбойников и неквалифицированных рабов невозможно было развить земледелие и ремесла, хотя бы и исполнявшие подсобную роль в скотоводческом государстве. Поэтому сюнну использовали для этих целей пленных китайцев¹⁹⁵. Среди них могли быть мирные жители — Бань Гу сообщает о том, как в 91 году до н. э. «сюнну вторглись в округа Шангу и Уюань, перебили и угнали в плен чиновников и народ»¹⁹⁶. Но могли

быть и сдавшиеся в плен солдаты. Мы уже упоминали о том, как император У-ди отправил воевать против сюнну Ли Гуан-ли, военачальника города Эрши, «во главе шестидесяти тысяч всадников и ста тысяч пехотинцев». Война продолжалась всего лишь десять дней, после чего китайский главнокомандующий узнал, что, пока он сражался за своего императора, тот казнил всю его семью по подозрению в колдовстве. Ли Гуан-ли немедленно прекратил военные действия и «вместе со своими войсками сдался сюнну». В результате огромное количество китайских солдат стали подданными (или рабами) сюннуского шаньюя: «[В Хань] удалось вернуться только одному-двум воинам из тысячи»¹⁹⁷.

Такого рода сообщениями — об угоне мирных пограничных жителей и о сдаче в плен целых китайских армий — пестрят исторические хроники. Эти люди в основном и становились обитателями земледельческих и ремесленных поселений на территории сюннуской державы.

Еще одним источником китайских товаров для сюнну были рынки, располагавшиеся на таможенных заставах. Но открытия и работы этих рынков кочевникам приходилось добиваться с боем — точно так же, как и «подарков». Сюнну, да и любые кочевники, были кровно заинтересованы в торговле с оседлыми жителями. Дело в том, что в случае удачных сезонов, когда поголовье скота увеличивается, его избыток надо немедленно продавать — земля не прокормит больше определенного количества животных. Кроме того, засуха, снежная буря или мор в любой момент могут погубить все богатство кочевника, а такие катаклизмы случаются в степях Центральной Азии регулярно, с периодичностью примерно раз в 10–12 лет¹⁹⁸. Земледелец в этом смысле чувствует себя в большей безопасности: природа не всегда посылает богатый урожай, но уж если он собран, ему мало что угрожает. Кроме того, земледелец в значительной мере автономен — в древности любая деревня, как правило, производила почти все, что было нужно ее жителям, и могла обойтись без торговли. Кочевник — не мог.

Что же касается политики ханьской администрации, она состояла в том, чтобы оградить жителей от контактов со степью, максимально привязав их к центру¹⁹⁹. В огромном и по-

рой достаточно рыхлом государстве, которым являлся Китай, окраины и так слишком часто стремились к отделению и к сепаратным переговорам с кочевниками, и поощрять их экономическую самостоятельность император не собирался. Недаром в сочинении «Спор о соли и железе», составленном по материалам реального придворного диспута о законах, регулирующих торговлю, есть такие слова: «Истинный царь закрывает [доступ] к “ [дарованным] Небом богатствам”, накладывает запрет на [торговлю на] рынках на пограничных заставах»²⁰⁰.

Тем не менее Китаю пришлось пойти на уступки, и уже Сяо Вэнь (правил в 179—157 годах до н. э.) «открыл торговлю на пограничных пропускных пунктах»²⁰¹. Эту традицию продолжили его преемники Сяо Цзин и У-ди²⁰². Они разрешили своим подданным торговлю, хотя и в ограниченном ассортименте (было запрещено продавать кочевникам стратегические товары — как сырье, так и готовые изделия, в том числе железо и оружие)²⁰³.

Несмотря на то что У-ди использовал открытие рынков как средство усыпить бдительность сюнну и возле этих же самых рынков наносил по ним военные удары, кочевники высоко ценили возможность торговать с жителями Поднебесной. Прошло не так уж много лет после нападения четырех китайских армий на сюннуских торговцев, и очередной шаньюй, вступив на престол, писал все тому же У-ди: «Ныне я хочу открыть вместе с Хань большие заставы [для торговли]...»²⁰⁴ Да и сами китайцы, хотя и рассматривали открытие рынков прежде всего как средство политического влияния на сюнну, экономическую пользу от этого тоже имели, и немалую. В «Споре о соли и железе» говорится:

«Золото [из района рек] Жу и Хань, дань [тканью из] тонких волокон конопля — вот чем завлекают государства периферии и выуживают ценности у варваров *цян* и *ху*. Ведь за одну штуку простого неузорчатого шелка из государства центра [мы] получаем от сюнну товар стоимостью в несколько слитков золота²⁰⁵ и таким образом сокращаем средства для расходов вражеского государства. По этой причине мулы, ослы и верблюды вступают [к нам за пограничную линию] укреплений непрерывной чередой, [так что задние животные] дер-

жат во рту хвосты [передних]; кулан и рыжие лошади с белым брюхом все без исключения становятся нашим домашним скотом»²⁰⁶.

Итак, сюнну благодаря ханьцам имели по крайней мере четыре источника, из которых в степь поступали продукты земледелия и ремесленные товары. Это труд захваченных в плен (или бежавших из Поднебесной) китайцев, рынки на пограничных заставах, императорские «подарки» и, наконец, добыча, полученная при набегах. Последняя составляла самую крупную «статью» из всего вышеперечисленного. Об этом можно судить хотя бы из рассказа Бань Гу о шаньюе Сяне (13–18 годы н. э.). Историк пишет, что шаньюй совершал набеги на китайцев, потому что «стоимость захваченного грабежами исчислялась миллионами монет в год, в то время как подарки по договору о мире, основанному на родстве, не превышали 1000 цзиней (около 250 килограммов²⁰⁷. — *Авт.*) золота».

Китайская бронзовая монета (а золотых и серебряных в Поднебесной не чеканили) по стандарту, установленному У-ди, весила 3,35 грамма²⁰⁸. Золото стоило дороже бронзы в сто раз²⁰⁹, и миллион бронзовых монет соответствовал 33,5 килограмма золота. Видимо, Бань Гу подразумевал «десятки миллионов».

Так или иначе, поживиться в приграничных районах Поднебесной можно было столь многим, что ради этой прибыли Сянь готов был отказаться не только от мира и от сопутствующих этому миру подарков, но и от собственного сына. К тому времени во взаимоотношениях китайцев и сюнну произошел некоторый сдвиг, и шаньюи уже не столь уверенно диктовали свои условия Срединному государству: теперь не только они получали из Поднебесной принцесс, но и их собственным сыновьям приходилось отправляться ко двору императоров в качестве заложников. Впрочем, дань, которую Китай выплачивал сюнну по мирным договорам, сохранялась. Но прибыль, получаемая в результате набегов, была так велика, что даже добродетельный историограф Бань Гу понял и не осудил корыстолюбивого шаньюя, признав: «Как при этих условиях он мог не отказаться от заложника и не пойти на потерю даваемых ему подарков?»²¹⁰

Оценить общую прибыль от грабежей в цифрах, конечно, невозможно. Но объемы китайских подарков, отсылаемых в степь, известны. Как мы уже говорили, ежегодные выплаты по «договору о мире, основанному на родстве» составляли, по крайней мере в начале I века до н. э., 10 000 даней рисового вина, 5000 ху проса, 10 000 кусков различных шелковых тканей. К этому присовокуплялось «все остальное согласно прежнему договору»²¹¹. «Всем остальным», вероятно, были рис, солод, хлопок, пряжа и шелковая вата, которая шла на изготовление теплых халатов и одеял; иногда — золото.

Цифры эти производят внушительное впечатление, пока не подсчитаешь, какое, в сущности, незначительное количество едоков можно было накормить присланными продуктами. Нам известны нормы выдачи зерна в ханьской армии: согласно табличкам, найденным в Дзюйяне, солдаты ежемесячно получали, в пересчете на современные меры, 66,5 литра неочищенного зерна, то есть около 800 литров зерна в год²¹².

Бань Гу приводит схожие нормы, он пишет: «...на одного человека на 300 дней нужно 18 ху высушенного вареного риса» (из контекста ясно, что этот рис составлял едва ли ни единственную пищу воина в походе)²¹³. К его времени значение «ху», которое неоднократно менялось и в раннеханьское время составляло 34 литра, было стандартизовано и приравнено к 19,81 литра²¹⁴. Следовательно, за год солдату выдавалось 438 литров зерна. Это почти в два раза меньше, чем по дзюйянским нормам, но надо не забывать, что неочищенное зерно занимает значительно больший объем, чем очищенное (например, для проса эти объемы различаются в два раза).

Надо думать, сунну ели примерно столько же, сколько китайцы, и значит, присланным просом, если оно было неочищенным, можно было в течение года прокормить чуть больше двухсот человек. А если просо было очищенным и к тому же составляло лишь добавку к рациону (скажем, около 20 процентов), то не более двух тысяч. Это наводит на мысль, что присланные китайцами продукты шли только ближайшему окружению шаньюя. Если же просо раздавали и рядовым кочевникам, то оно оставалось лишь случайным лакомством, которым можно было один раз в год накормить около

миллиона тысяч человек (это, по очень приблизительным прикидкам, как раз и составляло численность сюннуской державы²¹⁵). Каждый сюнну мог бы запить просяную кашу одной кружкой дареного рисового вина... и ждать следующего года. Впрочем, скорее всего, эти продукты распределялись лишь среди верхушки сюннуского общества.

Но помимо регулярной дани императоры посылали шаньюям еще и огромное количество подарков по любым поводам и даже без особого повода. Иногда это были предметы роскоши, предназначенные лично шаньюю, его семье и ближайшему окружению, иногда, особенно после засухи или других природных катаклизмов, — крупные партии продуктов, которых должно было хватить уже не только приближенным шаньюя, но и рядовым кочевникам. Объем подарков рос из года в год, и аппетиты сюнну не сократились даже после того, как их держава в середине I века до н. э. на некоторое время раскололась надвое и обе части признали вассальную зависимость от Китая. Назовем лишь некоторые из подарков.

Сяо Вэнь в свое время послал Маодуню «длинный халат на подкладке из шелковой ткани с вышитым цветным узором, теплую короткую куртку с вышивкой, стеганный парчовый халат с узорами — по одной штучке, один гребень, золотой пояс, украшенный раковинами, золотую пряжку для пояса, десять кусков узорчатой ткани для одежд чиновникам, тридцать кусков вышитой парчи и по сорок кусков красного атласа и плотного зеленого шелка»²¹⁶.

В 52 году до н. э. император Сюань-ди пожаловал своему гостю, шаньюю Хуханье, «головной убор и пояс, верхнее и нижнее одеяние, золотую печать на зеленом шнуре, украшенный яшмой меч, кинжал, лук, четыре комплекта стрел, 10 алебард в чехлах, колесницу с сиденьем, седло и уздечку, 15 лошадей, 20 цзиней золота (около 5 килограммов), 200 тыс. монет, 77 комплектов одежды, 8 тыс. кусков шелковых тканей с затканым и вышитым узором, узорчатой тафты, крепа и разного шелка, а также 6 тыс. цзиней (около полутора тонн) шелковой ваты». Кроме того, «в разное время было отправлено 34 тыс. ху зерна, риса и сушеного вареного риса (около тысячи тонн²¹⁷. — *Авт.*), чтобы помочь шаньюю удовольствием».

Через три года «шаньюй Хуханье снова явился ко двору и был принят и одарен, как и первый раз, получил дополнительно 110 комплектов одежды, 9 тыс. кусков шелковых тканей и 8 тыс. цзиней шелковой ваты».

Через год, когда на китайский престол вступил император Юань-ди, Хуханье, вместо поздравления, направил молодому владыке письмо, в котором сообщал, что «его народ устал до изнурения». Напуганный император понял намек и «приказал округам Юньчжун и Уюань отвезти ему 50 тыс. ху зерна».

В 33 году до н. э., во время очередного визита, он был «одарен, как и в первый раз, а количество одежды, шелка с затканым узором, обычного шелка и шелковой ваты было увеличено вдвое» против пожалованного раньше.

Преемник шаньюя Хуханье, явившийся ко двору в 25 году до н. э., получил такие же подарки, какие были вручены при последнем визите его предшественнику; кроме того, ему было «дополнительно пожаловано 20 тыс. кусков различных шелковых тканей и 20 тыс. цзиней шелковой ваты». Объем подарков рос, и очередной шаньюй, прибывший к императорскому двору в 1 году до н. э., получил все то же самое, плюс «370 комплектов одежды, 30 тыс. кусков различного шелка и 30 тыс. цзиней шелковой ваты»²¹⁸.

В 50 году н. э. шаньюй южных сюнну (уже бывших вассалами Китая), помимо личных подарков, среди которых были в том числе музыкальные инструменты, алебарды в чехах, доспехи, оружие, посуда, «коляска с сиденьем и зонтом из перьев» и «коляска с барабаном», получил еще и продовольственную помощь: «25 тыс. ху сушеного вареного риса и 36 тыс. голов крупного рогатого скота и овец». А вскоре по поводу празднования Нового года император пожаловал шаньюю «тысячу кусков шелка, четыре куска парчи, 10 цзиней золота, сою, апельсины, мандарины, луньянь и личжи (орехи. — *Авт.*), которые поставлялись стольником к императорскому столу». Матери шаньюя, его женам, сыновьям, высшим должностным лицам, «а также лицам, имеющим заслуги», жаловалось в общей сложности 10 000 кусков шелка. «Так поступали неизменно каждый год»²¹⁹.

Иногда подарки посылались и по печальным поводам — в случае кончины очередного шаньюя, «для соверше-

ния жертвоприношения и выражения соболезнования»²²⁰. Даже по случаю смерти сюннуского посла, умершего от болезни во время пребывания в Китае, император отправил в степь «щедрое похоронное подношение стоимостью в несколько тысяч цзиней [золота]»²²¹ (напомним, что одна тысяча цзиней равнялась примерно 250 килограммам).

Политика династии Хань в отношении сюнну была не слишком последовательной и редко оказывалась эффективной. Единственное, в чем преуспели ханьские императоры, — они не позволяли сюнну захватить исконно китайские территории (не считая земель, которые заселялись военнопленными сюнну, и земель, которые были выделены тем, кто пожелал покориться императору и поселиться в Среднем государстве). Но если учесть, что сюнну никогда и не стремились к захвату Поднебесной, предпочитая использовать ее как дойную корову, нельзя не признать, что успехи китайцев в обуздании сюнну долгое время были весьма скромными.

Впрочем, ханьцев не стоит обвинять в неумении разобрататься со своими не слишком многочисленными (по сравнению с самими китайцами) и не слишком богатыми соседями — просто земледельческой цивилизации всегда трудно противостоять кочевникам. Разгромить сюнну и решить проблему радикально китайцы не могли не потому, что их армия была слабее армии шаньюев, а потому, что у кочевников им нечего было захватывать. Сюнну применяли ту же тактику, какую в свое время скифы, по свидетельству Геродота, применяли к войскам Дария, — не вступая в бой, они рассеивались по степи со своими кочевьями, заставляя противника бесконечно гоняться за собой по вражеской территории, где ему нечем было кормить ни своих солдат, ни своих коней. В «Споре о соли и железе» говорится:

«[Сюнну] собираются, как ветер, и рассеиваются, как тучи; когда приблизишься к ним, то бегут; когда нападешь на них, то бросаются врасыпную. Их [территорию] нельзя захватить силой и за одно поколение. (...) Земли сюнну обширны и просторны, а ноги их боевых коней легки и резвы; их сила [такова, что они] легко вызывают волнения [в государстве центра]. Когда им сопутствует успех, то ташат [добычу],

как тигры; когда им приходится туго, то улетают [прочь], как птицы; они избегают [встреч с нашими] отборными войсками, а громят [наши отряды], изнуренные до предела...»²²²

Один из китайских сановников на совете, созванном императором в 134 году до н. э., так охарактеризовал возможную войну с сюнну на их территории: «...При передвижении вдоль границ [на нас] будут давить с флангов, при передвижении в глубь [неприятельских земель] потеряется связь с основными силами, при быстром движении возникнет нехватка в продовольствии, при медленном — будут упущены благоприятные возможности. Не пройдут войска и 1000 ли, как солдаты и лошади начнут страдать от недостатка в пище и корме»²²³.

Поскольку сюнну были очень мобильны, они могли в любое время и в любом месте собрать армию, достаточную для разгрома любого пограничного укрепления. Китайцы же не могли предвидеть место вторжения и сосредоточить там нужное количество войск. Поэтому набеги сюнну на Китай почти всегда были успешными. Надо сказать, что ответные действия императорской армии тоже нередко приводили к большим потерям у кочевников. Иногда китайцы очень неплохо воевали и на вражеской территории, убивая и увозя в плен большие группы противников. Но, в отличие от китайцев, потери сюнну ограничивались только людьми и лошадьми, реже — угнанным скотом. У них почти не было ни городов, которые надо было бы восстанавливать, ни амбаров, потеря которых грозила бы им голодной смертью. А те немногочисленные города и житницы, которые все-таки имелись, выполняли в их хозяйстве вспомогательную роль. Их семьи и их стада были достаточно мобильны и, как правило, успевали исчезнуть в степи при появлении противника. Мужчины гибли на войне, но их братья брали в жены их вдов (у сюнну были приняты многоженство и браки со вдовами родственников), и новые поколения воинов, столь же многочисленные, что и прежние, вновь нарушали границы Поднебесной.

Единственным, что китайцы могли отнять у сюнну, была территория. Но захваченные земли плохо подходили для китайских методов хозяйствования и для привычного им земледелия. Кроме того, здесь надо было возводить укрепления

и наблюдательные вышки, содержать гарнизоны. В результате китайцы имели от этих «приобретений» больше проблем, чем пользы. А сюнну, отступив и отдав врагам часть своих земель, мало что теряли — степь велика, а пасти стада можно и не вблизи Великой Китайской стены. В результате стратегия императора У-ди, который успешно оттеснил сюнну на север, была признана ханьцами худшей из всех возможных.

В начале I века н. э. военачальник Янь Ю сделал императору Ван Ману доклад по истории китайско-сюннской политики. Он сказал:

«...Три династии Чжоу, Цинь и Хань против них ходили войной, но ни одна из них не смогла выработать лучшего плана действий. Династия Чжоу имела средний [план], династия Хань — худший, а династия Цинь вообще не имела плана. Когда во времена чжоуского Сюань-вана *сяньюни* вторглись [в Срединное государство] и дошли до Цзиньяна, военачальникам было приказано выступить против них, но, достигнув границы, войска возвратились обратно. Сюаньван смотрел на вторжение *жунов* и *дисцев* как на укусы комара или овода и только отгонял их. Поэтому Поднебесная назвала его мудрым, и его поступки считались средним планом действий.

Ханьский император У-ди назначил военачальников и обучил воинов, которые с небольшими обозами и малым количеством провианта глубоко вторглись в земли сюнну, поставили там далекие гарнизоны, и, хотя была одержана победа и захвачена добыча, *хусцы* немедленно стали мстить за это. Более 30 лет продолжались бедствия, связанные с затянувшейся войной, Срединное государство устало и истощилось. Но и сюнну приобрели печальный опыт. Поэтому Поднебесная назвала императора воинственным, а его действия являются худшими.

Циньский император Ши-хуан, будучи не в состоянии терпеть мелкие поношения и пренебрегая силами народа, стал строить Великую стену, которая тянулась на 10 тыс. ли, причем непрерывная вереница перевозившихся грузов началась от берега моря. Однако, когда было закончено создание сильно укрепленной границы, Срединное государство

истощилось, а династия погибла, и это показывает, что у нее не было никакого плана»²²⁴.

Надо сказать, что затратную политику Цинь Ши-хуанди в отношении сюнну критиковали очень многие. Сыма Цянь писал, что под конец его правления страна впала в нищету: «Сыну Неба не могли даже предоставить четверку одномастных лошадей для выезда, а военачальники и первые советники часто ездили на повозках, запряженных быками. Что же касается простого народа, то у него совсем не было никаких накоплений и запасов»²²⁵.

В 134 году до н. э. Чжифу Янь подал императору У-ди доклад, в котором писал: «В древнем трактате о военном искусстве сказано: “Чтобы содержать стотысячное войско, необходимо тратить в день тысячу [цзиней] золота”. Тем не менее [династия] Цинь постоянно имела огромные войска, держала под [палящим] солнцем несколько сот тысяч воинов, и хотя ей удалось опрокинуть войска [противника], перебить [неприятельских] военачальников и взять в плен шаньюя, этого хватило лишь на то, чтобы посеять вражду и углубить ненависть, но было недостаточно, чтобы покрыть издержки Поднебесной. Опустошать же [государственные] кладовые и утомлять народ, всецело посвящая себя делам, связанным с другим владением, не есть совершенное действие»²²⁶.

Однако какая именно политика есть «совершенное действие» в случае с сюнну, китайцы не вполне себе представляли. Иногда они вспоминали древних правителей, которые якобы умели управляться с северными варварами. Но про этих достойных владык было известно лишь, что они «относились к ним как к диким птицам и зверям, не заключали с ними договоров и не ходили против них в походы». Бань Гу не без оснований предполагает, что «заключение договоров заставило бы только тратиться на подарки и принесло обман, а нападения утомили бы войска и вызвали набеги»²²⁷. Однако как надо действовать в существующих условиях, когда варвары сами совершают регулярные нападения, было не вполне понятно.

В «Споре о соли и железе» одним из спорщиков, названным «Знаток писаний», было высказано предположение, что сюнну можно смирить благодеяниями, исходящими от «внутренней духовной силы» тогдашнего императора Чжао-ди.

Поскольку на тот момент Поднебесная, по сообщению Знатока, была объединена, Его Величество на досуге прогуливался по галереям дворца, просматривал тексты «исчерпывающих речей» сановников, слушал пение гимнов и «ездил на колеснице под звон колокольчиков», — из этого делался неопровержимый вывод, что «чистая внутренняя духовная сила» государя явлена «во всем блеске» и стоит наравне с духовными силами государей древности. Правда, император в те годы находился еще в раннем подростковом возрасте, но это не смущало Знатока писаний. В этих условиях варвары, по его мнению, не стоили того, «чтобы чувствовать из-за них беспокойство и иметь заботу». Знаток предполагал, что если император «не оставит их, а удостоит их благодеяний, исходящих от его внутренней духовной силы, и окажет им милости», то северные варвары «непрерывно обратятся [сердцем] к внутренней [области мира], постучатся в [ворота Пограничной линии] укреплений и по собственному почину придут [с изъявлением покорности]...»²²⁸ Но эта нехитрая политика почему-то не вдохновила Хо Гуана — всемогущего регента при подростке-императоре, — вероятно, он имел более реалистические взгляды на «духовную силу» своего венценосного подопечного.

Споры о том, какова должна быть политика в отношениях с сюнну, не утихали при дворе в течение всей истории династии Хань. Считается, что китайцы в какой-то мере придерживались в этом вопросе так называемой концепции «три манеры поведения, пять приманок», разработанной еще в первой половине II века до н. э. императорским советником Цзя И, который подал трону серию докладов о положении дел в Поднебесной. Большое внимание там было уделено и китайско-сюннуской политике. И хотя современным людям (по крайней мере, авторам настоящей книги) текст этих докладов, равно как и сама концепция, представляются скорее забавными, китайцы относились к ним весьма почитательно и в течение нескольких веков основывали на них свою внешнюю политику.

Цзя И горестно констатирует, что «положение Поднебесной такое, как у человека, который висит вниз головой», ведь император, как ее глава, должен находиться сверху, а варва-

ры — внизу, однако на деле все обстоит наоборот. «[Варвары от восточных] *и* [до северных] *ди* призывают нас к себе и отдают приказы, а это составляет прерогативу владыки и высшего. Сын Неба подносит дань, а это подобает подчиненному и низшему. Ноги вопреки всему оказываются наверху, а голова, наоборот, внизу. Поднебесная висит вот так вниз головой, и никто не в состоянии ей помочь... А еще говорят, что в государстве есть достойные люди...» — восклицает Цзя И. Впрочем, достойного человека сановник все-таки нашел. Он пишет: «Ваше Величество, почему бы Вам не попробовать сделать меня, Вашего подданного, чиновником, управляющим зависимым государством, ведающим сюнну. Осуществите мой план, и я с Вашего дозволения приведу шаньюя со шнуром на шее, отдам его жизнь в Вашу власть, брошу перед Вами ниц Чжунхан Юэ (советник шаньюя. — *Авт.*) и стану бить его палками по спине. Вся орда сюнну станет подчиняться только приказам Верховного [правителя]».

Для осуществления это плана Цзя И предлагает императору прежде всего придерживаться трех разработанных им «манер поведения». Первая «манера» заключалась в том, что Сын Неба должен завоевать доверие варваров. Вторая — в том, что он должен возвестить варварам свою любовь: если они «сами убедятся, что они любимы Сыном Неба, то [потянутся к нему], как малое дитя к любящей матери». И наконец, варваров следовало проинформировать о том, что именно «приятно» императору: «Пусть варвары-ху сами увидят: если они в чем-то умелы и искусны, то всем этим можно прийти по вкусу Сыну Неба». С точки зрения сановника, этих нехитрых психологических приемов было достаточно для того, чтобы подчинить сюнну столь же легко, как стряхнуть с дерева привлеченных ярким светом цикад.

Но для полной надежности задуманного предприятия, Цзя И разработал еще и «пять приманок», которые должны были пленить глаза, уста, уши, желудки и сердца наивных степных жителей. На глаза следовало воздействовать следующим образом: «Прибывшие к нам сюнну от глав кланов и выше пусть непременно будут одеты в расшитые шелковые одежды, а их жены и дети — в узорные парчовые платья. Пусть представят им пять серебряных колесниц, разукрашенных

крупными резными узорами, запряженных каждая четверкой лошадей, снабженных зелеными тентами. Пусть прибудут им эскорт из нескольких всадников и каждому, кроме кучера, еще и сопровождающего...» Цзя И был уверен, что сюнну станут из уст в уста передавать слухи о роскошной жизни тех, кто прибыл к императорскому двору: «Люди станут уповать на Вашу милость, полагая, что если сами придут к нам, то смогут получить то же. Тем самым мы наведем порчу на их глаза. [Это] — одна “приманка”».

Вторая приманка заключалась в том, что избранных сюннских гостей следовало принародно кормить «великолепными кусками вареного и жареного мяса, приготовленного в маринадах». Цзя И пишет: «Варвары-ху, исчисляемые сотнями, пожелавшие посмотреть [на пир], будут стоять рядом. Те, кто отведал яства, обрадуются, будут есть и посмеиваться. А еда будет на вкус такой, какой им и пробовать-то никогда не приходилось... В целом государстве, кто это слышал и видел, пуская слюни, расскажут об этом другим. Люди станут алкать того же, полагая, что если сами придут к нам, то смогут это получить. Тем самым мы наведем порчу на их уста. [Это еще] одна “приманка”».

Третья приманка, назначенная для варварских ушей, заключалась в том, что сюнну следовало приглашать на музыкальные вечера: «Пусть музыканты дудят в маленькие флейты, бьют в барабаны и барабанчики, а актеры и акробаты сменяют друг друга. Пусть время от времени выступают танцоры и плясуны, а вслед за ними под грохот барабанов исполняет свой танец человек-кукла». Представление должны были поддерживать придворные дамы «в количестве десяти и более» — им належало напудриться, подвести брови и надеть расшитые шелковые одежды. При виде этих красавиц варвары не могли бы остаться равнодушными к музыке. «Тем самым мы наведем порчу на их уши, — обещает Цзя И. — [Это еще] одна “приманка”».

«Приманку для желудка» Цзя И трактовал в широком смысле. По мысли сановника, сюнну, прибывшие к императорскому двору, должны были получить множество материальных благ, от «высокой залы и отдельного флигеля» до «боевой колесницы в личном хранении». Входили в эту

«приманку» и рабы с рабынями, и домашний скот, и хорошая кухня.

И наконец, «пятая приманка» должна была «навести порчу» на сюннские сердца. Для этого императору надлежало воздействовать на них «родительской лаской», особое внимание оказывая сюннским детям: «Известно, что старшие варвары-ху — грубые родители. Так пусть же Верховный [правитель] к младенцам-ху будет так же добр и любвеобилен, как к сыновьям своих высокопоставленных [подданных]». Цзя И рисует картину идиллических отношений императора с маленькими сюнну: «Верховный [правитель] милостиво изволит ласкать мальчиков-варваров, похлопывает их, играет с ними в кольцо. А когда подают жареное мясо, милостиво изволит кормить их. [Верховный правитель] снимает с себя великолепные одежды и лично одаривает их. [Когда] Верховный [правитель] встает, мальчики-варвары [находятся] кто сзади, кто спереди него». Присутствуют при этом и взрослые знатные варвары «в платье с казенной печатью на шнурке» — «им будет дозволено подносить вино». Устоять перед такими милостями, по мнению Цзя И, не сможет никто: «В целом государстве, кто увидит и услышит [это], широко раскроют глаза от изумления, возжелают [того же]. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы не опоздать с прибытием к нам. Тем самым мы наведем порчу на их сердца. [Это еще] одна “приманка”».

Свое сочинение Цзя И заканчивает на оптимистической ноте: «Итак, привлечем, притянем к себе их уши, привлечем их глаза, привлечем их рты, привлечем их желудки. И они окажутся в четырех отношениях привлечены. А еще мы привлечем к себе их сердца. Так разве же мы не подчиним варваров-ху, не принудим их упасть [к нашим ногам]?! Это и называется “пять приманок”»²²⁹.

Однако ни узорные платья, ни мясо в маринаде, ни флейты, ни «человек-кукла», ни «платье с казенной печатью на шнурке», ни игры «в кольцо» с императором не приносили желаемого результата. Сюнну действительно отнеслись к этим и прочим благам цивилизации с большим вниманием. Но они предпочитали пользоваться ими в родных степях,

а не в императорском дворце. А военные набеги продолжали считать лучшим средством для получения этих благ.

Впрочем, известны отдельные примеры того, как сюнну-цы, привлеченные императором, действительно оставались при его дворе и становились там не последними людьми. Но они теряли связь со своими соотечественниками и особого влияния на сюннуско-китайскую политику не оказывали. Например, Цзинь Миди, юный сын Сючу-вана, в результате сюннуских междоусобиц примерно в 120 году до н. э. оказался в Хань на положении раба. Вначале он был конюхом, но однажды попался на глаза императору У-ди и понравился ему — так началась его служебная карьера. Цзинь Миди служил У-ди до самой его смерти и прославился своей преданностью. По завещанию императора он был назначен в число сановников, помогавших его малолетнему наследнику, и руководил государственной канцелярией²³⁰.

Но, несмотря на такие отдельные случаи, в течение по крайней мере трех веков китайцы так и не смогли найти приемлемой политики в отношениях с сюнну. С помощью подарков они покупали себе короткие периоды нестабильного мира (но не спокойствия, потому что мир этот мог быть нарушен в любой момент). Им приходилось держать огромную армию на границах, и это стоило им очень дорого (не говоря уже о том, что было не слишком результативно). Мы не знаем, во сколько обходилось китайской казне содержание гарнизонов во времена противостояния с сюнну, но известно, что в середине VIII века н. э., во времена могущества династии Тан, для оплаты пограничных войск одних только шелковых тканей выделялось ежегодно 10 200 000 кусков²³¹. Вероятно, эти цифры не слишком отличались от аналогичных показателей в годы китайско-сюннуских войн. Известно, что ханьским ткачихам для изготовления одного куска ткани требовалось около трех дней²³². Значит, для изготовления ткани, которая ежегодно шла в пограничные гарнизоны, постоянно работало более 80 тысяч женщин (или даже около ста тысяч, если учесть, что у них были выходные дни). Не говоря уже о том, что шелковые нити, с которыми имели дело ткачихи, сначала надо было получить, и в этом тоже было

задействовано немало людей. А ведь гарнизонам требовался не только шелк, но и продовольствие, и деньги...

Сыма Цянь пишет о годах правления императора Сяо-вэня: «В это время сюнну много раз вторгались на наши северные окраины и бесчинствовали там, поэтому было создано множество военных поселений и гарнизонов, однако зерна, производимого на окраинах, не хватало, чтобы накормить всех едоков. Тогда всем, кто мог привлечь народ для перевозок зерна по воде и для переброски зерна по суше в район границ, стали даровать ранги знатности, причем давали ранги вплоть до дашучжана»²³³. Видимо, проблема со снабжением гарнизонов действительно стояла остро — дашучжан был высоким рангом, восемнадцатым из двадцати возможных.

Военные кампании против сюнну тоже были очень затратными. В 127 году до н. э. император У-ди начал с сюнну затяжную войну, которую китайцы впервые со времен Цинь Ши-хуанди и Тоуманя вели не на своей территории (все предыдущее столетие им доводилось лишь ненадолго вторгаться в степь). Нельзя не признать, что политический успех китайцами был достигнут: мы уже говорили о том, что в результате этой войны сюнну потеряли Ордос, Иньшань и Ганьсуский проход и были вытеснены на север за пустыню Гоби. Теперь посмотрим, чего стоила Поднебесной эта победа.

Вначале все обстояло не так уж и плохо. В результате первой же военной операции китайцы убили и взяли в плен несколько тысяч варваров и захватили свыше миллиона голов крупного рогатого скота и баранов. В 124 году до н. э. император двинул на сюнну армию, насчитывавшую более ста тысяч человек. Они «убили или захватили в плен 15 тысяч врагов». На следующий год была проведена новая кампания, и потери сюнну составили 19 тысяч убитыми и пленными. Но при этом, по словам Сыма Цяня, «в армии Хань тоже погибло более ста тысяч солдат и лошадей, не считая потерь военного снаряжения и расходов на перевозку зерна по воде и суше». Кроме того, ханьским воинам за убийство противников на поле брани и захват пленных было выдано 200 тысяч цзинь золота — около 50 тонн. Пришлось китайцам позаботиться и о пленных врагах — видимо, во исполнение политики «пяти приманок»: «Несколько десятков ты-

сяч пленных [сюнну] были щедро одарены, одежду и пищу им предоставили местные власти». В результате этой разорительной «победы» «собранные подушные подати и налоги истощились так, что уже не хватало средств для выдачи воевавшим солдатам».

Отчаявшийся император, чтобы хоть как-то пополнить казну, издал указ «о позволении народу покупать титулы и откупаться от заключения [в тюрьме]». Выставленные на продажу титулы именовались «титулы за военные заслуги» и стоили 170 тысяч монет за одну степень. По недоступной авторам настоящей книги логике предполагалось, что «таким образом будут прославляться военные заслуги».

Военная кампания 121 года до н. э., усиленная идеями «пяти приманок», была еще «успешней»: «Осенью этого года сюннуский Хуньсе-ван (или Хунье. — *Авт.*) во главе массы своих сородичей, числом в несколько десятков тысяч человек, прибыл сдать [дому Хань], тогда император Хань выслал навстречу им двадцать тысяч повозок. Когда сдавшие прибыли, они получили вознаграждение в том же размере, как воины, имевшие заслуги. За этот год было израсходовано [на эти цели] более сотни раз по десять миллионов монет». В пересчете на золото, эта сумма могла составлять примерно 25 или 33,5 тонны²³⁴. «...Сдавшиеся хусцы одевались и кормились за счет казны, которая уже не справлялась со снабжением. Тогда Сын Неба [повелел] сократить яства [двора], отказался от использования колесниц, запряженных четверками лошадей, изъял из императорских кладовых хранившийся там неприкосновенный запас, чтобы восполнить нехватку».

Все это весьма напоминает старый анекдот о том, как Китай, сразу после объявления войны, победит Советский Союз: в первый день сдастся в плен первый миллион китайцев, во второй день — второй миллион, в третий — еще один... А еще через несколько дней Советский Союз сдастся сам...

Но У-ди, не знакомый с анекдотами советского времени, не оставлял надежды расправиться с сюнну. В 119 году до н. э. император вновь отправил свою армию на север гоняться за кочевниками по бескрайним степям. Очередная победа стоила ему от 80 до 90 тысяч человек убитыми и пленными и более 100 тысяч потерянных лошадей, «не счи-

тая расходов на перевозки по суше и воде провианта, на колесницы и оружие». Кроме того, для награждения оставшихся в живых воинов императору пришлось выделить 500 тысяч цзиней золота. Тем не менее для солдат поход оказался убыточным: «К этому времени средства казны оскудели настолько, что воевавшие солдаты почти совсем не получали своего жалованья»²³⁵.

В результате, несмотря на безусловные победы, военная политика У-ди была признана ошибочной, причем ее признал таковой и сам император, несмотря на то что сюнну были отброшены от границ Китая и потеряли часть своих земель, некоторые из них — навсегда.

Когда вскоре сановники обратились к императору с предложением силами китайских переселенцев освоить земли к востоку от владения Луньтай²³⁶ в Западном крае и построить там «наблюдательные вышки и сигнальные маяки», он ответил: «Не могу слышать об этом». В так называемом «Луньтайском указе» император «раскаивался в проведении дальних походов» и объяснял, что затеял их «по неразумению». В какой-то мере он оправдывал свое «неразумение» тем, что «при гадании по “Книге перемен” выпала гексаграмма “Перерождение великого”, а черта — девятка пятая, что сулило для сюнну неудачи и поражение». Не только стебли тысячелистника, но и звезды, и облака, и трещины на панцирях черепах — «все сулили удачу, говоря, что сюнну будут непременно разбиты и более благоприятного времени больше не представится». Причем особая удача, согласно предсказаниям, ожидала именно Эршиского военачальника Ли Гуан-ли. Но, как признал император в своем указе, «значения гексаграмм оказались ошибочными». Объяснял он это тем, что сюнну тоже призвали на помощь потусторонние силы: «Услышав, что должны прийти ханьские войска, сюнну велели шаманам на всех дорогах, по которым они могли следовать, а также в местах около воды закопать в землю овец и быков и просить духов ниспослать на ханьские войска погибель».

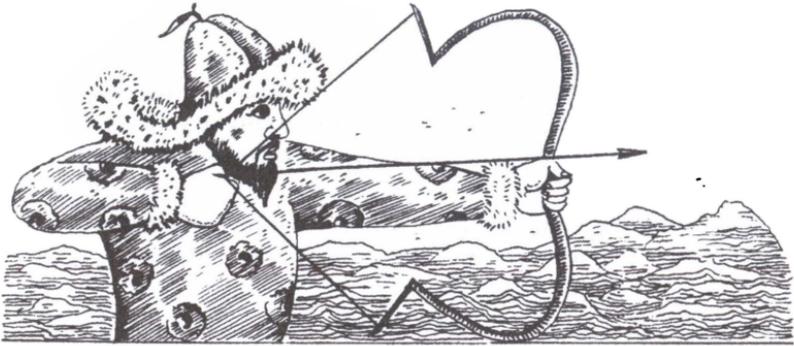
Сюннуские шаманы оказались сильнее китайских. Новое предсказание, полученное императором, гласило: «Одного из ханьских военачальников ожидает несчастье», — но было уже поздно. В «Луньтайском указе» говорилось: «Эр-

шиский военачальник потерпел поражение, войны были либо перебиты, либо взяты в плен, либо рассеялись, что постоянно вызывает в моем сердце огромную скорбь». Отныне Владыка Поднебесной предлагал отказаться от военных действий, «усиленно заниматься земледелием как основным занятием», обратить особое внимание на разведение лошадей и «дать отдых стране»²³⁷.

После чего китайцам не оставалось другого выхода, как вернуться к испытанной, хотя и не слишком действенной политике «пяти приманок». Что же касается сюнну, они продолжили свою, тоже испытанную и значительно более результативную политику набегов и пограничного террора.

Таковы были в общих чертах взаимоотношения сюнну и Китая вплоть до раскола державы сюнну в середине I века н. э.

Глава 6
Ослабление державы.
Начало I века до н. э.

В 96 году до н. э. шаньюем сюнну стал Хулугу. Его восхождение на престол сопровождалось борьбой между претендентами — самим Хулугу и его братом, однако борьбой весьма нетрадиционной: оба наследника благородно пытались уступить власть друг другу.

Шаньюй Цзюйди-хоу завещал державу старшему сыну, Хулугу, но тот после смерти отца не смог приехать в ставку из-за болезни, и высокопоставленные сановники возвели на престол младшего сына. Новый шаньюй, однако, усомнился в справедливости такого решения и послал за братом, предлагая отказаться от власти в его пользу. Хулугу сначала возражал, ссылаясь на болезнь, однако младший брат сказал: «Если, к несчастью, ты умрешь, то престол перейдет ко мне». На том и порешили.

На правление Хулугу пришлось последние военные кампании императора У-ди, включая столь неудачную для китайцев историю со сдачей Эршиского военачальника Ли Гуан-ли. На следующий год после этой катастрофы, которая окончательно подорвала боеспособность Поднебесной,

шаньюй обратился к императору с предложением заключить «договор о мире, основанный на родстве» и потребовал традиционной дани, включая принцессу из дома Хань. Это было неслыханной наглостью: в войне, начатой императором У-ди, сюнну безусловно потерпели поражение и потеряли часть своих исконных земель. Бань Гу пишет, что «ханьские войска совершали дальние походы, не давая покоя сюнну, из-за чего приплод скота у сюнну погибал еще до рождения, а сами они были крайне утомлены от этих вторжений». Но Китай, формально одержав победу, был измотан еще больше. Начались вялотекущие переговоры о мире²³⁸.

В эти годы сюнну, не в силах самостоятельно сдерживать натиск Китая, пытаются искать союзников среди других племен. Бань Гу сообщает, что в 88 году до н. э. они отправили посольство к малым *юэчжи*, чтобы те передали «различным племенам *цянов*»: «Более ста тысяч солдат ханьского Эршиского военачальника сдались сюнну, *цяны* страдают от повинностей, налагаемых Хань, а между тем округа Чжанье и Цзюцюань являются нашими землями; эти земли обильны и прекрасны, мы можем вместе напасть [на Хань] и совместно жить на них»²³⁹. Но союзное войско не сложилось — вероятно, идея о том, чтобы жить где-либо «совместно» с сюнну, никого не прельщала.

В 87 году до н. э. У-ди умер, передав трон восьмилетнему сыну — рожденному наложницей позднему ребенку, который стал императором Чжао-ди. Тремя годами позже умер и Хулугу, так и не заключив с Поднебесной желанного договора. Благородного брата шаньюя, который, по их соглашению, должен был ему наследовать, уже не было в живых. А среди новых претендентов на трон, и особенно среди их высокопоставленных сторонников, далеко не все отличались благородством. Один из оставшихся братьев Хулугу, который мог бы претендовать на власть, был убит, второй — обманом отстранен от наследования. Вдова шаньюя, пользуясь поддержкой могущественного сановника Вэй Люя, вопреки воле покойного мужа возвела на трон своего юного сына Хуяньти. Бань Гу пишет:

«Шаньюй, недавно вступивший на престол, был [очень] молод, яньчжи — его мать — не отличалась безупречным пове-

дением, в государстве начались распри: поэтому [сюнну] все время ожидали нападения ханьских войск. В связи с этим Вэй Люй посоветовал шаньюю: “Выкопайте колодцы, постройте окруженные стенами города, воздвигните для хранения зерна башни и обороняйте города совместно с циньцами (циньцами... сюнну обозначали живших среди них китайцев. — *Прим. переводчика*); если и придут ханьские войска, они ничего не смогут поделать”. Когда было выкопано несколько сот колодцев и срублено несколько тысяч деревьев, кто-то сказал: “Хусцы не могут оборонять города, и мы только подарим зерно Хань”. Тогда Вэй Люй прекратил [постройку городов]».

Легко видеть, что политика сюнну в эти годы не отличалась особой продуманностью и последовательностью. Тогда же молодой шаньюй отпустил на родину двух ханьских послов, которые томились в плену у сюнну (и шаньюи, и императоры, желая досадить друг другу, частенько задерживали послов на многие годы). Бань Гу сообщает, что «сюнну, возвращая этих двух человек, хотели показать свои добрые намерения». Но, несмотря на «добрые намерения», уже в следующем, 80 году до н. э., «сюнну направили из левых и правых земель четыре отряда в 25 тыс. всадников, которые одновременно вторглись в пограничные районы с целью грабежа». Однако же идея мирного договора витала в воздухе, и шаньюй «постоянно приказывал своим приближенным намекать об этом ханьским послам». Кроме того, он «стал реже совершать грабительские набеги и старался еще лучше принимать ханьских послов, желая постепенно добиться договора о мире, основанного на родстве». Император, по словам Бань Гу, хотел того же самого, однако договор все не заключался²⁴⁰. Впрочем, юный Чжао-ди мало что решал в собственном государстве — фактически Поднебесной управлял всемогущий регент Хо Гуан.

В 80 году до н. э. произошло весьма обидное для сюнну событие: их восточные соседи, *ухуани* (потомки когда-то разгромленных и подчиненных Маодунем *дунху*), разграбили могилу одного из сюннуских шаньюев²⁴¹. Это само по себе неприятное происшествие кроме всего прочего свидетельствовало о том, что влияние и власть сюнну уменьшались. *Ухуани* в течение многих лет не смели восставать против своих завоева-

телей. Они ежегодно отправляли им дань: крупный рогатый скот, лошадей и шкуры овец; если же дань задерживалась, сюнну отбирали у них жен и детей.

После того как в 119 году Хо Цюй-бин, военачальник императора У-ди, разбил сюнну в их восточных землях и вытеснил на север от пустыни Гоби, китайцы переселили на их место *ухуаней*. Им выделили земли вдоль укрепленной линии пяти северо-восточных округов — «следить в интересах династии Хань за передвижением сюнну». К ним был приставлен «надзирающий за *ухуанями* полковник», которому вменялось в обязанности не только «надзирать», но и «руководить ими, чтобы не допустить сношений с сюнну»²⁴².

Несмотря на усилия полковника, *ухуани* иногда нарушали границы Поднебесной. И все же под ее стенами они чувствовали себя значительно уверенней и решили отомстить сюнну за победу Маодуня и за сто лет поборов и унижений. Сразиться со своими давними врагами им, конечно, было не по силам даже сейчас, и они ограничились разграблением могилы.

Возмущенные сюнну отправили к *ухуаням* карательный отряд в 20 тысяч всадников. Китайцы после некоторых колебаний решили вмешаться, и полководец Фань Мин-ю выступил со своей армией для перехвата сюнну. Но поскольку *ухуани* недавно нарушили границу Китая, регент императора, он же старший военачальник Хо Гуан, «предупредил Фань Мин-ю о том, чтобы войска не ходили в поход напрасно, если они не успеют перехватить сюнну, то должны напасть на *ухуаней*». Китайцы запоздали, и сюнну отомстили за оскверненную могилу. После чего Фань Мин-ю, «воспользовавшись усталостью *ухуаней*, напал на них, порубил более шести тысяч человек, обезглавил трех князей и возвратился обратно». Таким образом, шаньюй, чью могилу осквернили *ухуани*, был полностью отомщен²⁴³.

Совсем иначе складывалась судьба других вассалов сюнну, *усуней*, — они, несмотря на свое зависимое положение, сумели поставить себя и с шаньюями, и с Сынами Неба. И именно их усилиями к 60-м годам I века до н. э. держава сюнну оказалась в глубочайшем кризисе.

Надежду уничтожить сюнну руками *усуней* китайцы вынашивали давно; для укрепления военного союза они посылали к *усуням* своих невест, причем не подменных, как к Маодуню, а самых что ни на есть близких родственниц императора. Еще в 107 году до н. э.²⁴⁴ *усуни* заключили с У-ди «договор о мире, основанный на родстве», и их правитель (носивший титул гуньмо, или гуньми) получил в жены внучку императора по имени Сицзюнь (дочь Цзянду-вана). Ханьский двор дал невесте богатое приданое и свиту: «...пожаловал [ей] колесницу, платья, императорские вещи, снабдил официальным штатом евнухов, [чиновников], прислужников и возниц в количестве нескольких сот человек» и даже приставил верхового музыканта «для успокоения ее дорожных раздумий». Тогда же и сюнну послали *усуням* свою невесту. Несмотря на то что сюнну уже многие годы терпели от китайцев поражение за поражением, гуньмо отдал предпочтение кочевнице и сделал ее старшей (левой) женой, а китаянку младшей (правой). Предпочтение это было, вероятно, вызвано не личными качествами невест, а политической ситуацией. Так или иначе, супруг не баловал императорскую внучку своим вниманием, он навещал ее один или два раза в год, и радости от этих встреч было мало: «Гуньмо был годами стар, [китайского] языка не понимал»²⁴⁵. Сицзюнь очень тосковала и даже воспела свою тоску в стихах:

Родные выдали меня замуж
И принудили жить в далекой стране,
Дворцом служит мне бедная юрта,
Которой стены обиты войлоком.
Сырое мясо служит мне пищей,
А кислое молоко напитком.
К отечеству стремятся мои чувства,
И сердце мое уязвлено глубоко.
О, если б я могла быть перелетной птичкой,
Как быстро понеслась бы я туда²⁴⁶.

Через некоторое время усуньский правитель решил передать ненужную ему младшую жену своему внуку и наследнику Цэньцзоу (Цэньцюю²⁴⁷), но это не устроило китаянку, и она «подала письменную жалобу» императору. Сын Неба ответил: «Следуй обычаям этой страны, я хочу вместе с усун-

нями уничтожить ху [сюнну]». Оказалась ли Сицзюнь послушной внучкой или решила, что, способствуя уничтожению сюнну, она отомстит старшей жене, — в конце концов она вышла замуж за Цэньцзоу²⁴⁸. Но ее жертва оказалась напрасной — усунь против сюнну не выступили.

Сицзюнь умерла в самом конце II века до н. э. Но У-ди, не терявший надежды разгромить сюнну руками усуней, немедленно послал в степь другую принцессу, по имени Цзею. После смерти Цэньцзоу она стала женой его единокровного брата Вэньгуйми, нового правителя усуней, причем женой любимой (в отличие от его же сюннуской жены). Цзею, не в пример своей предшественнице, была вполне удовлетворена семейной жизнью среди усуней, однако в дело опять вмешалась большая политика. Сюннуские шаньюи вот уже много лет не могли добиться от Китая ни невест, ни «договора о мире, основанного на родстве». Шаньюи Хуяньти решил исправить положение и отвоевать невесту сам. Он потребовал, чтобы усуньский Вэньгуйми отослал ему свою собственную жену. Тот факт, что китайской принцессе уже исполнилось 44 года²⁴⁹, она жила среди усуней уже около тридцати лет (известно, что к 60 году она «была в Усунь 40 с лишком лет»)²⁵⁰ и родила мужу трех сыновей и двух дочерей, нимало не смущал шаньюя. Он стал совершать набеги на владения усуней, и Цзею обратилась за помощью к императору — им тогда уже был Чжао-ди. Император передал письмо принцессы сановникам, «но решение так и не было принято»²⁵¹.

В 74 году до н. э. двадцатилетний Чжао-ди умер, не оказав помощи своей родственнице. Император Сюань-ди, взойдя на престол, вместо чаемой военной поддержки отправил к усуням посла. Принцесса и ее супруг снова написали в Китай: «Сюнну несколько раз подряд посылали крупные войска для нападения на усуней, они захватили [наши] земли Чэяньуши, угнали живший там народ и прислали посла, который угрожает и требует выдать им принцессу и порвать отношения с Хань. Я, гуньми, выражаю желание собрать половину имеющегося в стране войска, выставить 50 тыс. всадников, взяв на себя их содержание, и со всей энергией напасть на сюнну, если только Сын Неба пошлет войска спасти принцессу и [меня], гуньми».

Сюань-ди сжалился над принцессой, а скорее всего — попросту понял, что наконец сбываются планы У-ди, который не зря отдавал своих юных родственниц за *усуньских* правителей. В 72 году до н. э. он отправил на сюнну «150 тыс. всадников и пять военачальников, которые выступили в поход по разным направлениям». *Усуньский* Вэньгуйми сдержал слово и возглавил войско, в котором было свыше 50 тысяч всадников²⁵².

«Услышав, что ханьские войска выступили в поход крупными силами, сюнну, старые и малые, бежали, угнав далеко скот», поэтому успехи всех пяти китайских армий оказались весьма скромными. Так, про одного из ханьских военачальников Бань Гу сообщает, что он «порубил и взял в плен 19 человек и захватил свыше 100 голов крупного рогатого скота, лошадей и овец». «Победы», одержанные остальными, были немногим более впечатляющими. Правда, военачальник, носивший титул «имеющий зубы тигра», «порубил и взял в плен более 1900 человек, захватил свыше 10 тыс. голов лошадей, крупного рогатого скота и овец», но это, учитывая задуманные масштабы операции, было столь незначительным достижением, что полководец, вернувшись в Китай, преувеличил свои трофеи. Приписки вскрылись, и незадачливый «владелец зубов тигра» вынужден был покончить жизнь самоубийством.

Но неудачи китайцев с избытком были восполнены грандиозной победой, которую одержало войско *усуней*. Они разгромили ставку правого лули-вана и взяли в плен более 39 тысяч человек, в том числе тестя шаньюя, старшую невестку, сюннускую принцессу, «знаменитых князей, ...тысячников и военачальников». Кроме того, они захватили свыше 700 тысяч голов лошадей, крупного рогатого скота, овец, ослов, мулов и верблюдов. «Количество сюннусцев, которые бежали и понесли потери убитыми и ранеными, а также скота, павшего в результате дальних перегонов, невозможно было даже сосчитать; после этого сюнну ослабли и были злы на *усуней*».

Так для сюнну началась полоса невезения, причем невезения гораздо более серьезного, чем неудачи времен войн с У-ди. В тот же год шаньюй Хуяньти решил отомстить *усуням* и совершил набег на их земли. Сама по себе военная операция прошла сравнительно успешно — сюнну захватили «большое количество старых и малых» и скот. Но когда они

двинулись в обратный путь, начался сильный снегопад. Если верить Бань Гу, «высота снежного покрова, выпавшего за день, превысила 1 чжан (около двух с половиной метров. — *Авт.*)». Вероятно, историк слегка приукрасил этот снегопад, потому что за всю историю метеорологии максимальная зафиксированная высота снега, выпавшего за сутки, составила около двух метров. Но как бы то ни было, непогода сделала то, чего не смогло сделать усуньское войско: «...люди и скот замерзали от холода, из каждого десятка назад возвратился один человек и уцелела одна голова скота».

Бань Гу пишет: «Пользуясь слабостью сюнну, *динлины* напали на них с севера, *ухуани* вторглись в их земли с востока, а *усуни* — с запада. Эти три владения всего уничтожили десятки тысяч человек, [захватили] несколько десятков тысяч лошадей и очень много рогатого скота и овец. Кроме того, от голода у сюнну умерло из каждого десятка три человека, а из каждого десятка скота пало пять голов. Сюнну совсем обессилели, все зависимые от них владения отложились, и они уже не в состоянии были совершать грабительские набег».

Тогда [император] Хань отправил более трех тысяч всадников, которые одновременно вторглись в земли сюнну с трех сторон, взяли в плен несколько тысяч человек и возвратились обратно. Однако сюнну не осмеливались отплатить тем же...»²⁵³

В 68 году до н. э. шаньюй Хуяньти умер, оставив страну в самом бедственном положении. В землях сюнну снова начался голод: «...из каждого десятка населения умерло шесть-семь человек, а из каждого десятка скота пало шесть-семь голов». Сюнну продолжали терять данников и территорию. В том же году покоренное ими ранее племя *сизу* в полном составе покинуло насиженные земли, двинулось на юг и «изъявило покорность Хань». На следующий год княжества Западного края, объединив свои силы, совершили набег на подвластное сюнну владение Чэши и «захватили в плен его правителя и народ». Новый шаньюй Сюйлюйцюаньцзюй поставил в Чэши другого правителя, но тот, опасаясь оставаться в этих местах, «собрал оставшийся народ и переселился на восток».

А обезлюдившие земли достались императору Хань, который немедленно отправил туда «пахотных поселенцев».

Робкие попытки Сюйлюйцюаньцзюя повторить военные подвиги своих предшественников ни к чему не приводили. В 64 году до н. э. он дважды посылал войска на город Чэ-шичэн в Чэши, но они «не смогли взять города». В 61 году шаньюй отправил 10 тысяч всадников на обуздание *динлинов*, которые в течение последних трех лет совершали набеги на сюннуские земли, но его всадники «ничего не добились». Наконец, в 60 году до н. э. шаньюй со 100 тысячами всадников решил вторгнуться в ханьские земли «для грабежа». Но перебежчик сообщил императору о намерениях сюнну, и тот послал армию для охраны границы, а сам шаньюй заболел кровохарканьем. «Не осмеливаясь вторгаться [в ханьские земли], он возвратился обратно» и вскоре умер.

После смерти шаньюя в государстве, которое и без того находилось в глубоком кризисе, вспыхнула смута. Еще девять лет назад, когда Сюйлюйцюаньцзюй только взшел на трон, он обидел вдову своего предшественника, носившую титул главной жены, — она, как и прочие жены, досталась ему вместе с верховной властью, но он оказал предпочтение другой женщине. Оскорбленная вдова вступила в тайную связь с правым сянь-ваном и ждала своего часа все девять лет. Когда Сюйлюйцюаньцзюй заболел, она предупредила любовника, что «шаньюй опасно болен и ему не следует уезжать далеко», и после смерти правителя, не дождавшись собрания князей, при поддержке своего младшего брата Дулунци возвела правого сянь-вана на трон. Он получил имя шаньюй Уяньцзюйди. Права нового шаньюя на престол были более чем сомнительны — он не приходился ни сыном, ни братом, ни даже внуком никому из ранее правивших сюннуских властителей. Единственное, чем он мог обосновать свою легитимность, — его прадедом был шаньюй Увэй.

Вступив на престол, Уяньцзюйди, по сообщению Бань Гу, «вел себя жестоко и зло». Он казнил всех приближенных своего предшественника, отстранил от власти всех его родственников, а на их место поставил своих сыновей и младших братьев. Особую власть получил Дулунци. Сын и наследник предыдущего шаньюя Цзихоусянь (позднее известный

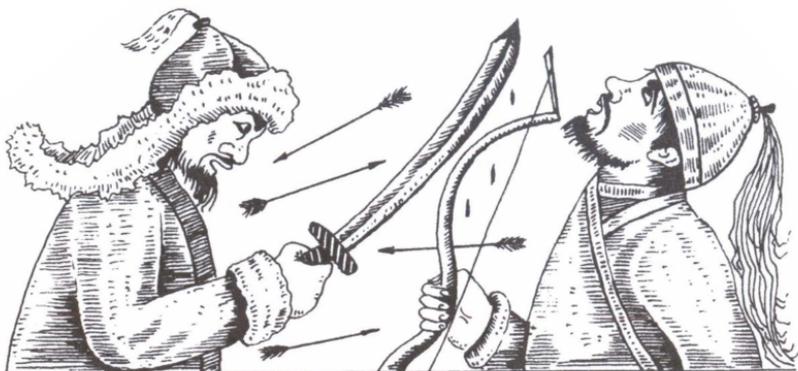
под именем Хуханье) бежал к своему тестю по имени Учаньму, который управлял небольшим подвластным сюнну народом. Другой возможный претендент на престол, Сяньсяньшань (сын того самого шаньюя, что добровольно уступил власть своему брату Хулугу), давно враждовал с Уяньцзюйди и в конце концов во главе своего войска в несколько десятков тысяч всадников перешел на сторону Хань. Тогда шаньюй казнил двух его младших братьев.

Бань Гу пишет: «В течение двух лет шаньюй находился на престоле и творил насилия и убийства, в связи с этим в государстве возникло недовольство. Когда же наследник престола, левый сянь-ван, несколько раз оклеветал знатных лиц левых земель, все знатные лица левых земель возроптали».

Последней каплей, переполнившей чашу терпения если не всего сюннуского народа, то, во всяком случае, сюннуской знати, стало нападение *ухуаней* на подчиненное шаньюям княжество Гуси. До сих пор *ухуани* вели себя по отношению к сюнну достаточно осторожно; они дорого заплатили за осквернение могилы шаньюя и после этого рискнули напасть на своих соседей лишь однажды — в союзе с двумя другими народами и лишь после того, как сюннуская армия была разгромлена *усунями* и почти уничтожена неожиданной непогодой. Теперь же ослабленное усобицами государство не представляло опасности даже для *ухуаней*. И тогда князь Гуси вместе с уже упомянутым Учаньму и со «знатными лицами левых земель» возвели на престол нового шаньюя Ци-хоусяня, который получил тронное имя Хуханье.

На Уяньцзюйди из восточных земель выступила 40- или 50-тысячная армия. Но дело обошлось без кровопролития: еще до начала сражений войска ненавистного шаньюя-узурпатора обратились в бегство. Уяньцзюйди послал к своему младшему брату гонца с мольбой о помощи. Он писал: «Сюнну, объединившись, напали на меня, согласишься ли ты прислать мне на помощь войска?» Брат, носивший титул правого сянь-вана, ответил: «Ты не любил людей, убивал братьев и знатных, так умри [теперь] сам [там], где находишься, а меня не впутывай в грязное дело». Оставшийся без поддержки шаньюй Уяньцзюйди покончил жизнь самоубийством на третьем году своего правления. Это случилось в 58 году до н. э.²⁵⁴

Глава 7 Гражданская война

Шаньюй Хуханье вернулся в ставку²⁵⁵, распустил войска и «приказал всем вернуться в родные места». Он призвал к себе своего старшего брата Хутуусы, «жившего среди [простого] народа», и сделал его князем восточных земель. Но Хуханье рано расслабился — сановники предыдущего шаньюя, обосновавшиеся на западе державы, не пожелали признать его власть и возвели на трон двоюродного брата своего бывшего властителя — он получил имя шаньюй Дучи. Это было начало полномасштабной гражданской войны. Войска Дучи разбили армию Хуханье, но скоро в ставке победителя возник раскол: один из недавних сторонников Дучи «поднял восстание и объявил себя шаньюем Хуче». Узнав об этом и прельстившись легкостью, с которой стал обретаться шаньюйский титул, его присвоили себе еще два западных сановника. Бань Гу пишет: «Всего таким образом оказалось пять шаньюев».

В течение следующих двух-трех лет все пять шаньюев воевали между собой. Время от времени они объединялись по двое или по трое, кто-то слагал с себя звание шаньюя, а потом вновь принимал его. Один из шаньюев покончил с собой

после поражения, другой был обезглавлен. Остатки разбитых армий присоединялись к победителям или уходили на юг и отдавались под юрисдикцию Китая. Тем временем на западе объявился еще один шаньюй, Жунчжэн, шестой по счету. Хуханье, одержав очередную (но не окончательную) победу, «снова поселился в ставке шаньюя, однако количество народа сократилось у него на несколько десятков тысяч человек».

В конце концов в изрядно обескровленной стране осталось лишь два основных претендента: Хуханье на востоке и Жунчжэн на западе. Перевес сил был на стороне Хуханье, но тут судьба нанесла ему неожиданный удар: его брат Хутуусы, которого он сам возвысил и сделал своим ближайшим сподвижником, также объявил себя шаньюем под именем Чжичжи и разместил свою ставку на востоке.

В 54 году до н. э. новоявленный шаньюй Чжичжи разбил войска другого самозваного шаньюя Жунчжэна, убил его и присоединил к себе его воинов. «Затем он напал на Хуханье и разбил его войска. Хуханье бежал, а Чжичжи поселился в ставке шаньюя». Противостояние двух братьев — единственных двух шаньюев, оставшихся у власти после нескольких лет гражданской войны, — определило историю сюннуской державы на ближайшие два десятилетия.

После поражения Хуханье один из его сановников предложил шаньюю «признать себя вассалом, явиться к императорскому двору и служить Хань, а за это просить у Хань помощи, что дало бы возможность восстановить спокойствие среди сюнну». Остальные сановники категорически воспротивились этой идее. Они, как пишет Бань Гу, заявили:

«По своим обычаям сюнну выше всего ставят гордость и силу, а ниже всего исполнение повинностей; они создают государство, сражаясь на коне, и поэтому пользуются влиянием и славятся среди всех народов. Смерть в бою — удел сильного воина. Ныне между братьями происходит борьба за власть в государстве, и если она не достанется старшему брату, то перейдет к младшему. Пусть один из них будет даже убит, влияние и слава сохранятся, и наши сыновья и внуки будут вечно главенствовать над всеми владениями. Хотя Хань сильна, она не в состоянии поглотить сюнну, и разве можно в нарушение древних установлений служить [династии] Хань

в качестве вассала, позорить имена умерших шаньюев и подвергать себя осмеянию со стороны всех владений! Хотя и воцарится спокойствие, как мы будем главенствовать в будущем над всеми народами?»

Но Хуханье не столь философски относился к идее, что для государства не так уж и важно, кто из двух братьев будет убит. Он повел народ на юг, к границам Китая, и послал своего сына «прислуживать императору» — то есть отдал его в заложники. Чжичжи последовал примеру брата и отправил ко двору своего сына.

Тем временем Хуханье «выразил желание представиться императору». В 52 году до н. э. состоялась первая в истории двух держав встреча венценосных особ. Шаньюю гостил в Поднебесной целый месяц. Его принимали с исключительной пышностью. В каждом из семи округов Китая, через которые он проезжал, его встречал выстроенный вдоль дорог почетный караул из двух тысяч всадников. Император Сюань-ди вручил гостю богатые подарки, а после его отъезда отправил из пограничных округов огромное количество продуктов — оно во много раз превышало дань, которую Китай выплачивал сюнну раньше. Но за все эти удовольствия Хуханье пришлось поплатиться гордостью: теперь он признал себя вассалом императора — именно так его именовали на официальном приеме, устроенном в его честь. Правда, «император разрешил шаньюю не совершать земного поклона», но совсем недавно сама мысль о возможности такого поклона не пришла бы в голову ни сюнну, ни китайцам.

В знак того, что власть шаньюя над сюнну теперь делегирована ему императором, он получил в подарок «золотую печать на зеленом шнуре», текст ее гласил «Императорская печать шаньюя сюнну»²⁵⁶.

Впрочем, хотя формально сюнну признали над собой власть императора, фактически все осталось по-прежнему. Лишь объем подарков, отсылаемых в степь, увеличился — ведь теперь китайцы платили не только за мир, но и за удовлетворенное самолюбие.

Хуханье, опасавшийся своего брата, не хотел уходить далеко от китайской границы. Он испросил разрешения обосноваться вдоль очередной укрепленной линии, построенной

китайцами в 102 году до н. э., «а в случае опасности укрываться в ханьском городе Шоусянчэн». Сюань-ди позволил это и для обеспечения безопасности шаньюя (а на самом деле, вероятно, для спокойствия своих границ) выделил немалую армию: двум воеводам «с 16 тыс. всадников а также с тысячами воинов и лошадей... было приказано остаться [в землях сюнну] охранять шаньюя и содействовать в наказании непокорных».

Мятежный Чжичжи, узнав о тесных связях своего соперника с владыкой Поднебесной, отправил к императору послов с подношениями, и тот «принял их очень ласково». Но когда позднее оба шаньюя направили ко двору своих послов, император «отнесся к послу Хуханье с бóльшим вниманием». Подходить к границам Поднебесной Чжичжи не стал; напротив, он двинулся на запад. По дороге он разгромил армию какого-то очередного новоявленного шаньюя, присоединил к себе остатки его войск и утвердился в западных землях. Чжичжи не боялся Хуханье, считая, что тот «ослабел в военном отношении», однако же сомневался, что сможет сам «водворить спокойствие среди сюнну». Он направил посла к *усуням*, «желая объединиться с ними», но *усуни*, зная, что Китай поддерживает Хуханье, отрубили послу голову и двинули на Чжичжи 8000 всадников.

Поначалу удача сопутствовала Чжичжи. Он разгромил *усуней*, на севере покорил племя *уцзе*, «послал войска на запад, разбил *цзяньгуней*, а на севере принудил сдаться *динлинов*». *Уцзе*, *цзяньгуней* и *динлинов* он присоединил к себе, а на *усуней* продолжал ходить набегами. Ставку свою он перенес в земли *цзяньгуней* (*гяньгуней* — предков средневековых енисейских кыргызов и современных хакасов), обитавших на восточных отрогах Тянь-Шаня, севернее Таримской котловины.

В 49 году до н. э. Хуханье вновь навестил императора Сюань-ди — это была их последняя встреча. Вскоре Сын Неба скончался. Вступивший на престол император Юань-ди продолжил политику своего отца и отправил Хуханье 50 000 ху зерна²⁵⁷.

Что же касается Чжичжи, он теперь чувствовал себя уверенно и не искал милостей китайского императора. Кроме того, он был обижен, что Хань оказывает явное покрови-

тельство Хуханье. И тогда он направил к императору послов с весьма противоречивыми поручениями. Бань Гу пишет: «Чжичжи прислал послов с подношениями, потребовал вернуть сына, прислуживавшего императору, и выразил желание подчиниться Хань».

Несмотря на подношения и на намерение Чжичжи принять вассальную зависимость, в Китае к этому посольству отнеслись настолько недоверчиво, что при дворе опасались за жизнь сановника Гу Цзи, который должен был сопровождать заложника. Было высказано мнение, что «шаньюй Чжичжи еще не полностью поддался доброму влиянию [Хань], находится очень далеко, поэтому послу следует приказать провезти его сына до укрепленной линии и вернуться назад».

Однако Гу Цзи хотел исполнить свою миссию до конца. Он представил императору доклад, в котором говорилось: «Срединное государство должно все время держать варваров на привязи, но если ныне, после того как Вы десять лет, проявляя большую милость, содержали сына Чжичжи, зачеркнуть все и не проводить его, а вернуть посла с ближайшей укрепленной линии — значит показать Чжичжи, что Вы отвергаете и не любите его; это лишит его желания поддаться Вашему доброму влиянию и исполнять Ваши приказания. (...) К счастью, я получу верительный знак могущественной [династии] Хань, у меня будет указ мудрейшего императора, я объявлю [Чжичжи] о щедрых милостях, и он вряд ли посмеет проявить жестокость».

Заложник был отправлен обратно к отцу, но опасения сановников оказались справедливыми: «Когда [Гу Цзи] прибыл, шаньюй Чжичжи, охваченный злобой, убил его вместе с другими». Поступок этот был совершенно необъяснимым: хотя Китай и оказывал предпочтение Хуханье, у Чжичжи были с Поднебесной вполне дипломатические отношения и портить их явно не следовало, тем более что Чжичжи только что выражал желание «подчиниться Хань». Срединное государство оставалось главной политической силой региона, особенно после раскола державы сюнну, и впоследствии шаньюй поплатился жизнью за свою самоуверенность. Впрочем, скорее всего, убийство китайских посланников было вызвано не политическими соображениями, а плохим ха-

рактором Чжичжи и его полным неумением вести себя последовательно. Когда разгневанный Юань-ди направил к нему послов с требованием выдать тела убитых, шаньюй «оскорбил послов и не согласился исполнить императорский указ». Но в то же самое время он отправил в Китай письмо, в котором говорилось: «Я живу в большой нужде, хочу изъявить покорность могущественной [династии] Хань, подчиняться ее указаниям и послать сына прислуживать императору»²⁵⁸.

Шаньюю Хуханье император тоже вернул сына-заложника — с ним в ставку шаньюя прибыли два важных сановника: воевода колесниц и конницы Хань Чан и дворцовый советник Чжан Мэн. То, что китайцы увидели у сюнну, им не понравилось. Они отметили, «что у шаньюя много народа, который стал жить лучше, чем прежде» и что «шаньюй обладает достаточной силой, чтобы защитить себя, и не боится Чжичжи». Местность вдоль китайской границы, где жили подданные Хуханье, оказалась изрядно разоренной — сановники сообщили, что «возле укрепленной линии не осталось птиц и зверей», и приближенные шаньюя уговаривали его вернуться на север.

Китайские посланники побоялись, что после ухода Хуханье на север «его трудно будет удерживать в повиновении», и они на свой страх и риск, не посоветовавшись с Юань-ди, заключили с Хуханье договор от имени Хань. В нем говорилось:

«Отныне и впредь [династия] Хань и сюнну составляют одну семью и никогда не должны больше обманывать или нападать друг на друга. Если случится воровство, обе стороны обязаны сообщать об этом друг другу, наказывать виновных и возмещать украденное; если случится нападение, высылать друг другу войска на помощь. Тот, кто первый, династия Хань или сюнну, осмелится нарушить договор, подвергнется несчастьям, ниспосланным небом. Пусть наши сыновья и внуки из поколения в поколение во всем поступают согласно данной клятве».

Для скрепления клятвы Хань Чан и Чжан Мэн вместе с Хуханье поднялись на гору Дуншань в землях сюнну и закололи белую лошадь. Вино и кровь были размешаны мечом и золотой ложкой и выпиты из черепа правителя *юэчжи*, разбитого еще шаньюем Лаошаном.

Когда послы вернулись ко двору императора, их инициатива вызвала возмущение сановников: Была высказана точка зрения, что сюнну Хуханье не опасны для Хань и что самоуправство послов, которые вынудили шаньюя «обратиться с дурными словами к небу», должно быть наказано. Это «опозорило государство и нанесло ущерб величию страны», а посему следовало отправить к сюнну нового посла, «который бы принес жертву небу и расторг клятву». Но Юань-ди «нашел совершенный проступок незначительным» и приказал провинившимся «откупиться от наказания, а от клятвы не отказываться».

Хуханье действительно откочевал на север, «народ постепенно признал его власть, и в государстве установилось спокойствие». В то же время он сдержал клятву и сохранил мирные отношения с Хань, несмотря на то что его положение как шаньюя укрепилось, а мощь его державы постепенно возросла²⁵⁹.

Что касается Чжичжи, его ставки падали день ото дня. Понимая, что отношения с Хань безвозвратно испорчены, и услышав об усилении Хуханье, он бежал на запад в Канцзюй (Кангюй) — царство кочевников, расположенное к северу от Давань (Фергана) и к западу от Усунь. В дороге часть его людей погибла от холода, и в Канцзюй пришло только три тысячи человек²⁶⁰. Тем не менее местный правитель согласился породниться с беглецом, женившись на его дочери и в свою очередь отдав ему в жены свою. Два союзника стали вместе разорять земли *усуней*. Если бы Чжичжи удовлетворился этими мелкими грабежами, он, возможно, еще достаточно долго сохранял бы жизнь и остатки власти. Но он сумел не только настроить против себя местных жителей, но и окончательно вывести из себя китайцев. Бань Гу пишет:

«Чжичжи, полагая, что он, глава большого государства, пользуется уважением за свое могущество, проникся благодаря одержанным победам высокомерием и относился к правителю Канцзюй без должного почтения. В гневе он убил дочь правителя Канцзюй и несколько сот знатных и простого народа. Некоторые из них были четвертованы и брошены в реку Дулай (река Или)²⁶¹. — *Авт.*)». Он посылал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 че-

ловек, которые закончили постройку в два года. Кроме того, он отправил послов в Хэсу²⁶², Давань и другие владения, требуя представления ежегодных подарков, и ни одно из владений не осмелилось отказать ему».

Китайцы понимали, что если не обращать внимания на Чжичжи, то «он, несомненно, станет источником бедствий для Западного края», а Западный край давно уже контролировался Поднебесной, и упускать этот контроль они не собирались.

В 36 году до н. э. два императорских чиновника, Чэнь Тан и Гань Янь-шоу, выехали на запад. Никаких специальных полномочий по поводу мятежного шаньюя у них не было, но Чэнь Тан был человеком авантюрного склада. Он сказал своему спутнику: «Хотя шаньюй Чжичжи находится очень далеко, но у варваров нет прочных городских стен и тугих саможелов для обороны. Если собрать командиров и воинов, находящихся в пахотных поселениях, принудить последовать за ними войска *усуней* и подойти прямо к его городу, то бежать ему некуда, а обороняться у него не хватит сил. Так в один день будет совершен подвиг, о котором мечтали тысячу лет».

Гань Янь-шоу предложил отправить на этот счет доклад императору, но Чэнь Тан справедливо рассудил, что сановникам «не понять великого плана, поэтому дело будет непременно погублено». В это время спутник авантюриста неожиданно заболел, и тот сам написал подложный императорский указ о мобилизации.

Войско Чэнь Тана, набранное в пахотных поселениях и среди союзных варваров, насчитывало 40 тысяч человек. Вскочивший по этому поводу с постели Гань Янь-шоу сначала ужаснулся происходящему, но потом согласился с доводами коллеги.

Чтобы их не обвинили в измене, два авантюриста сострепали доклад, в котором заранее признавались во всем, «обвиняли себя в подделке императорского указа и излагали военную обстановку», и в тот же день двинули войска на Канцзюй. Там они привлекли в свой лагерь двух знатных *канцзюйцев*, ненавидевших шаньюя и располагавших ценной информацией, и осадили город, где была ставка Чжич-

жи. Бань Гу пишет: «...Вначале шаньюй, услышав о приходе ханьских войск, хотел бежать. Однако он подозревал, что *канцзюйцы* ненавидят его и окажут поддержку Хань; кроме того, узнав, что *усуни* и различные владения выслали войска, он понял, что ему некуда идти».

Чжичжи решил оборонять город. Видимо, с надежными войсками дело у него обстояло плохо, потому что он поставил у бойниц своих жен и наложниц, многие из которых были убиты во время штурма. Сам шаньюй был ранен стрелой в нос и удалился во дворец. Видимо, не все *канцзюйцы* ненавидели своего сюннуского правителя (или они ненавидели китайцев еще больше), потому что на помощь осажденному городу пришли свыше десяти тысяч всадников, но они были отброшены китайцами.

Город был взят, дворец шаньюя подожжен, а сам он был найден умершим от ран; позднее победители отрубили ему голову. Всего было убито около полутора тысяч человек, включая жену и старшего сына Чжичжи и известных князей. С оружием в руках было захвачено 145 человек и свыше 1000 сдались сами. Это случилось в 36 году до н. э. или, может быть, одним-двумя годами позже.

Одержав победу, Чэнь Тан и Гань Янь-шоу представили императору доклад, в котором без особой логики обосновывали свои действия велением Неба, мудростью императора и хорошей погодой. Они писали: «...Мы, ваши слуги, [Гань] Янь-шоу и [Чэнь] Тан, возглавили войска, борющиеся за справедливость, чтобы осуществить определенную небом кару. Благодаря необыкновенной мудрости Вашего Величества, содействию положительного и отрицательного начала в природе и ясной погоде мы ворвались в укрепление противника, победили его и отрубили головы Чжичжи, знатным князьям и другим людям более низкого происхождения. Головы следует вывесить в подворье для варваров по улице Гаоцзе, чтобы показать всем живущим на расстоянии 10 тыс. ли от столицы, что виновные в преступлениях против могущественной династии Хань непременно будут казнены, как бы далеко они ни находились».

При дворе разразилась бурная дискуссия. Некоторые сановники считали, что авантюристов следует казнить за са-

мовольное ведение войны и подделку императорского указа. Другие, напротив, высказывались в том смысле, что победителей не судят и что они, если не по форме, то по духу, выполняли «высочайшую волю» и опирались на «необыкновенную мудрость» самого Сына Неба.

В конце концов Юань-ди издал по поводу самоуправцев указ: «Хотя они нарушили долг и преступили закон, но не потеряли ни одного ханьского солдата и не притронулись к запасам в кладовых, а, снабжая войска продовольствием, взятым у противника, совершали подвиги в землях, отстоящих на 10 тыс. ли от столицы, вселили страх в варваров и прославили свое имя в пределах четырех морей. Уничтожив в интересах государства зло, они погасили источник войны, благодаря чему пограничные земли обрели спокойствие. Однако, несмотря на это, они не избавили себя от смерти и должны ответить за свое преступление по закону, но мне очень жаль их. Приказываю поэтому простить преступление [Гань] Яньшоу и [Чэнь] Тана и не наказывать их».

Дело закончилось ко всеобщему ликованию: оба авантюриста получили награды, «обо всем было доложено Небу и в храме предков, а в Поднебесной была объявлена общая амнистия»²⁶³.

Глава 8 Под протекторатом Поднебесной

Хуханье, который избавился от главного врага и соперника, понимал, что с ним самим, если он не проявит должной покорности, могут расправиться таким же образом. Узнав о гибели Чжичжи, он, по словам Бань Гу, испытал «и радость, и страх» и отправил Юань-ди письмо, в котором просил о новой встрече. В 33 году до н. э. шаньюй опять явился ко двору, где получил очередную порцию подарков и императорскую наложницу, «происходившую из добронравной семьи»²⁶⁴. Точнее, подарены шаньюю были целых пять наложниц, но лишь одна из них, Ван Чжао-цзюнь, оставила след в истории. Китайский историк V века Фань Е рассказывает о ней:

«При императоре Юань-ди, как девушка из добронравной семьи, она была выбрана в императорские наложницы. Во время приезда Хуханье император приказал подарить ему пять дворцовых девушек. Чжао-цзюнь, которая пробыла во дворце несколько лет, но так и не видела императора, горько сетовала на судьбу, а поэтому попросила начальника женской половины дворца отправить ее к сюнну. Когда Хуханье явился на большое торжество, устроенное по случаю его отъезда, император захотел показать ему пять девушек. Чжао-цзюнь,

с красивым лицом, украшенная дорогими украшениями, затмила своим блеском остальных обитательниц ханьского дворца. Она расхаживала взад и вперед, рассматривала обстановку и привела в восхищение всех присутствующих.

Увидев [Чжао-цзюнь], изумленный император хотел оставить девушку себе, но, не решаясь нарушить данное слово, отправил ее к сюнну. [Чжао-цзюнь] родила двух сыновей».

Забегая вперед, скажем, что красавице китаянке не слишком понравилась жизнь у кочевников и после смерти мужа она послала императору письмо с просьбой дозволить ей вернуться на родину. Но тот приказал Чжао-цзюнь «следовать обычаям хусцев», и она стала женой нового шаньюя²⁶⁵. От него Чжао-цзюнь родила двух дочерей, одна из которых, Юнь (она же Имо), во времена императора Ван Мана активно (хотя и безрезультатно) занималась политикой, пытаясь добиться мира между сюнну и Поднебесной²⁶⁶.

А пока дружба между двумя державами дошла до того, что Хуханье предложил императору снять охрану укрепленной линии едва ли не вдоль всей северной границы Поднебесной, от Шангу (в районе современного Пекина) до Дуньхуана (преддверие Западного края), «чтобы дать отдых народу Сына Неба», — шаньюй брался сам защищать этот район Поднебесной от возможных врагов. Предложение это было очень выгодным для Хань — Китай тратил на содержание пограничных гарнизонов огромные средства. Сановники, на обсуждение которых император вынес этот вопрос, готовы были согласиться с Хуханье, но телохранитель Хоу Ин, «сведущий в пограничных делах», высказался категорически против. Он привел тому целых десять причин, начиная от нелестной характеристики «врожденных свойств» варваров и заканчивая соображением, что «шаньюй, поскольку он будет оборонять и защищать укрепленную линию, несомненно станет считать, что оказывает Хань большую милость, а поэтому его требованиям не будет конца...».

Император вполне проникся доводами своего телохранителя, но теперь перед ним стояла нелегкая задача отказать шаньюю так, чтобы варвар не обиделся. В конце концов он отправил к сюнну посла — ему надлежало восхвалить «правила приличия и поведения», которых придерживался шань-

юй, его «крайне великодушный план» и «дальновидную политику». Посол должен был также объяснить Хуханье, что граница охраняется «не только для предосторожности против живущих за укрепленной линией, но и против своевольства злонамеренных и порочных, имеющихся в Срединном государстве, которые переходят границу для грабежа» — то есть для защиты самого Хуханье от неблагонадежных китайцев. Трудно представить, чтобы шаньюй поверил в стремление императора защитить воинственных кочевников от случайных нарушителей границы. Во всяком случае, он ответил ему в столь же изысканном духе. Бань Гу пишет: «Шаньюй, извинившись, сказал: “Я не знал подобных мудрых расчетов, но, к счастью, Сын Неба послал сановника рассказать о них, проявив крайнюю милость”»²⁶⁷.

Несмотря на дружественные отношения, связывавшие теперь двух венценосных особ, встреча Юань-ди и Хуханье в 33 году до н. э. была единственной и последней — император умер вскоре после нее, шаньюй пережил его на два года. Сын Хуханье вступил на престол под именем «Фучжулэй жоти». «Жоти» в переводе с языка сюнну означает «почтительный к родителям»²⁶⁸.

Китайцы именовали сыновью почтительность «сяо», вслед за Конфуцием считали ее высочайшей из возможных добродетелей, и династия Хань включала это слово в посмертное имя своих императоров²⁶⁹ (хотя на практике его, краткости ради, часто пропускали). Сюнну к родителям относились со значительно меньшим почтением, чем китайцы, во всяком случае, они, в отличие от конфуцианцев, не делали из этого культа. Но теперь сюнну были так тесно связаны с Поднебесной, что решили перенять у южных соседей если не саму почтительность, то хотя бы титул. Императоры официально становились «сяо» после смерти, но поскольку шаньюи хотели достойно выглядеть в глазах китайцев еще при жизни, они начинали именоваться «жоти» после вступления на престол. Позднее и без того короткое слово «жоти» сократилось еще сильнее, и шаньюи южных сюнну включали в свои титулы слово «ти»²⁷⁰.

В 28 году до н. э. Фучжулэй отправил к императору Чэн-ди посольство, во главе которого стоял сюннуский сановник

Исемоянь. Посол исполнил поручение, вручил императору подношения от шаньюя, но, когда его собрались с почетом проводить домой, неожиданно заявил: «Хочу перейти на сторону Хань. Если не примете, покончу жизнь самоубийством, но обратно ни за что не вернусь».

Император оказался в неловком положении и собрал своих советников для обсуждения проблемы. С одной стороны, Хань всегда приветствовала перебежчиков, им и даже военнопленным — всем кочевникам, которые согласны были перейти под владычество императора, — щедро раздавались награды и титулы. С другой стороны, шаньюи сунну признали себя вассалами Сына Неба, грабежи на границах прекратились, и было бы недальновидным «поддерживать слугу, совершившего преступление, и рвать с его господином, склонным к верности». Кроме того, китайцы опасались, что предательство Исемояня могло совершиться с ведома и по приказанию самого шаньюя — дабы испытать надежность сюзерена и внедрить шпиона в его ставку.

Порешили на том, что перебежчика лучше не принимать — это позволит «распространить, подобно лучам солнца или луны» славу о надежности императорского слова и «поддержать в шаньюе дружественные чувства». Отвергнутый Исемоянь замял вопрос о самоубийстве. Он объявил: «Мой рассудок помутился от болезни, и я наговорил глупостей» — после чего вернулся к своему прежнему повелителю. Шаньюй простил предателя и даже сохранил за ним прежнюю должность, «ему только не позволяли встречаться с ханьскими послами». А сам Фучжулэй вскоре навестил императора и уехал из Поднебесной с богатыми подарками.

И Фучжулэй, и два его преемника, последовательно занимавшие суннуский трон вплоть до 8 года до н. э., никак не проявили себя в большой политике (что, возможно, говорит только в их пользу). Все трое поддерживали мир с Поднебесной и посылали туда своих сыновей «прислуживать» императору Чэн-ди²⁷¹.

В 8 году до н. э. на престол взошел Учжулю жоти шаньюй²⁷². Правил он достаточно долго, 21 год, и эти годы пришлись на сложный период в истории его великого соседа. Царство-

вание императора Чэн-ди было не слишком успешным — в стране назревал кризис, чудовищных размеров достигла коррупция, сам же Сын Неба, вместо того чтобы наводить порядок в государстве, «предавался различным видам разврата»²⁷³. В 7 году до н. э. Чэн-ди неожиданно умер, не оставив наследника. Трон достался его племяннику Ай-ди, но тот правил всего лишь шесть лет, и уже тогда началось возвышение Ван Мана — племянника вдовствующей императрицы и будущего узурпатора. При дворе шла отчаянная борьба за власть. В 1 году до н. э. престол Поднебесной переходит к малолетнему императору Пин-ди, а фактическая власть — к его регенту Ван Ману. Через шесть лет, после загадочной смерти подрастающего императора, престол снова достается ребенку, а власть — все тому же регенту. И наконец, в 9 году н. э. Ван Ман объявляет себя императором и провозглашает создание новой династии Синь.

Правление Ван Мана было достаточно разумным, а его реформы — прогрессивными, но ему не везло. В 11 году н. э. Хуанхэ изменила свое русло на несколько сот километров, вызвав гибель множества людей и страшный голод, — от этой катастрофы Поднебесная не могла оправиться еще много лет. По стране прокатилась серия бунтов. В результате гражданской войны в 23 году н. э. Ван Ман был убит, род Лю вернулся к власти, в Поднебесной была реставрирована династия Хань и возникла империя Восточная, или Поздняя, Хань.

Все эти пертурбации постепенно ослабляли Срединное государство, но поначалу шаньюй Учжулю, стоявший у власти до 13 года н. э., еще не смел общаться с Хань на равных. Более того, именно на большую часть его правления (пока чаша терпения шаньюя не переполнилась) пришлось множество мелких, но крайне унижительных требований, которые Хань неосмотрительно предъявляла к своему вассалу и которые тот, как правило, беспрекословно выполнял.

Учжулю, как и его предшественники, отправлял своих сыновей «прислуживать императору». Но Ван Ману, который пользовался огромным влиянием при дворе, этого показалось мало. «Желая доставить удовольствие вдовствующей императрице и показать, что ее величие и добродетели весь-

ма высоки и более значительны, чем у правивших прежде», Ван Ман намекнул шаньюю, что тот должен прислать ко двору еще и женщину — для службы императрице. Выбор Ван Мана пал на двоюродную сестру шаньюя, и тот не посмел отказать сановнику.

Когда сюнну, после очередной военной стычки с усунями, взяли в заложники сына их правителя, император направил послов, чтобы «выразить шаньюю порицание и передать распоряжение возвратить сына Биюанчжи, принятого заложником», — и шаньюй подчинился этому требованию.

Однажды два правителя Западного края, не поладив с Хань, «бежали и перешли на сторону сюнну с женами, детьми и народом». Учжюлю принял их и поселил в своих землях, о чем честно поставил в известность Хань. Ответ императора гласил: «Западный край находится в подчинении Хань, поэтому вы не имеете права принимать перебежчиков и должны отправить их назад». Шаньюй пытался спорить, доказывая, что он обязан выдавать только перебежчиков из Поднебесной, «сейчас же пришли из чужеземных владений, и я имел право принять их». Однако императорские послы не согласились с его доводами, и шаньюй, «отвесив земной поклон», выдал им перебежчиков (правда, не всех, а только двух правителей).

Напомним, что еще совсем недавно Хуханье на приеме у императора Сюань-ди был избавлен от земного поклона. Учжюлю был вынужден кланяться, причем не самому императору, а всего лишь послам, но это унижение ему не помогло. Выдавая доверившихся ему союзников, он «отправил посла проводить перебежчиков в Хань и просить об их помиловании». Однако император «издал указ отказать в его просьбе, собрать правителей различных владений Западного края и обезглавить перед ними перебежчиков в назидание другим».

Кроме того, император издал «четыре статьи», согласно которым «жители Срединного государства, бежавшие к сюнну, усуню, бежавшие к сюнну, переходящие на сторону сюнну жители различных владений Западного края, правители которых получили печать и пояс от Срединного государства, и ухуани, переходящие на сторону сюнну, — не должны при-

ниматься [ими]». Послы императора вручили шаньюю ящик с текстом статей и «приказали действовать согласно полученным указаниям». При этом они изъяли старый договор о мире, заключенный еще императором Сюань-ди.

Последним унижением, которое пришлось претерпеть злополучному Учжулю, была смена его личного имени (Нанчжиясы) по указу из Поднебесной. Незадолго до окончания своего регентства и узурпации власти Ван Ман провел реформу, согласно которой в Срединном государстве было запрещено носить имена, состоящие из двух иероглифов. Шаньюй не был подданным Хань и жил, стараниями военачальников императора У-ди, достаточно далеко от Срединного государства. Тем не менее к сюнну был отправлен посол, который намекнул шаньюю, «что при представлении писем, дабы показать стремление следовать доброму примеру, ему необходимо употреблять имя из одного только иероглифа, за что Хань непременно щедро одарит его». Покорный шаньюй, имя которого отныне звучало и писалось в несколько раз короче, отправил в Хань письмо: «Мне выпало счастье быть пограничным вассалом и незаслуженно наслаждаться великим спокойствием благодаря Вашему совершенному управлению. Поэтому ныне с чувством признательности я меняю прежнее имя Нанчжиясы на Чжи».

За первые восемнадцать лет своего правления Учжулю (который в общении с Хань, позабыв о пышных титулах своих предшественников, именовал себя просто «Чжи»²⁷⁴) лишь однажды посмел воспротивиться воле, исходящей из Поднебесной. Небольшой, но поросший ценным лесом кусок его земель острым клином вдавался во владения китайцев, и те попросили подарить его, мотивируя свою просьбу желанием спрямить границу, сократить укрепленную линию и уменьшить гарнизон. Шаньюй отказал послам, заявив, что лес нужен сюнну для изготовления юрт и повозок. «...Кроме того, — сказал он, — эти земли принадлежали моему покойному отцу, поэтому я не смею лишаться их».

Что же касается Срединного государства, оно всего лишь раз пошло навстречу Учжулю вопреки собственным интересам. В 3 году до н. э. шаньюй пожелал нанести визит своему венценосному сюзерену — им был император Ай-ди, вступив-

ший на престол тремя годами раньше. Обычно китайцы приветствовали такого рода визиты, видя в них выражение покорности и залог грядущего мира. Но на этот раз император был болен, и сановники опасались, что «приезд сюнну, живущих в более высоких местах, оказывает дурное влияние». Вспомнили, что вскоре после двух последних визитов Хуханье в Хань принимавшие его императоры каждый раз умирали.

Надо сказать, что Юань-ди действительно умер вскоре после встречи с шаньюем. Его предшественник Сюань-ди принимал своего сюннуского гостя дважды, и в первый раз общение с кочевником ничем ему не повредило (хотя вскоре после второй встречи он действительно умер). Во всяком случае, послу шаньюя было сообщено, что Ай-ди отказывается от встречи. Но тут один из сановников представил императору длинный доклад, в котором убедительно доказал, что отказ может испортить отношения с сюнну. Он перечислял огромные ресурсы, которые были затрачены для завоевания Западного края и укрепления границ:

«Разве это делалось для того, чтобы [владение] Канцзюй и усунь не перешли холмы Байлундуй и не напали на западные границы? [Нет], это делалось для контроля над сюнну. Трудиться сто лет и потерять все в один день, истратить огромные суммы и жалеть одну десятую их, по-моему [это] не принесет спокойствия государству. Надеюсь, что Ваше Величество постарается не допустить смуты и войну, чтобы предотвратить бедствия пограничного населения».

Вообще говоря, император жалел не денег, о которых говорилось в докладе, а опасался за собственную жизнь. Тем не менее он внял доводам сановника — у сюннуского посла забрали письмо с отказом и вручили ему новое, с приглашением. А для того, чтобы гость не оказал дурного влияния на здоровье императора, его поселили во дворце Путаогун в парке Шанлинь, — это должно было смягчить возможный вред. «Шаньюю было объявлено, что так сделано для выражения большего уважения, но он узнал о настоящей причине». Впрочем, полученные им огромные подарки должны были примирить Учжулю с этой обидой.

Надо сказать, что Хань, унижая шаньюя и требуя от него постоянных уступок, подарки ему отсылала исправ-

но. Сюнну оправлялись от пережитых бедствий, а Поднебесная, напротив, вступила в полосу кризисов. Принятые Сыном Неба меры по нейтрализации сюннуского «дурного влияния» не помогли — он, несмотря на молодость, умер сразу после встречи с шаньюем. На троне один за другим сменились два малолетних императора. При дворе кипели интриги. И Хань (а точнее, всемогущий Ван Ман) считали необходимым платить за мир. Империя, разгромив сюнну и сделав их своими вассалами, снова выплачивала дань побежденным.

Но сюнну не слишком годились на роль покорных прикормленных вассалов. Наступил момент, когда чаша терпения шаньюя переполнилась. Сюнну традиционно взимали дань с *ухуаней*. Но однажды китайский посол, «инспектировавший *ухуаней*», объявил своим подопечным, что «они не должны больше платить сюнну налог кожами и полотном». Когда сюнну, «руководствуясь старыми установлениями», отправили к *ухуаням* посольство для сбора дани, те отказали ему, ссылаясь на приказ Сына Неба. Не ожидавший отказа сюннуский посол «схватил *ухуаньского* вождя, связал его и повесил вверх ногами». В ответ братья вождя убили самого посла и его чиновников. Вместе с послом к *ухуаням* прибыло довольно много сюннуских торговцев, в том числе женщин, которые пригнали на продажу лошадей и рогатый скот. Все они вместе со своим товаром были захвачены *ухуанями*.

Это был переломный момент, после которого Учжулю уже не повиновался приказам из Поднебесной, хотя до прямого противостояния между сюнну и Срединным государством дело еще не дошло. Шаньюй отправил к *ухуаням* войска, взял в плен множество женщин и детей и предложил противнику выкупить их. «Более двух тысяч родственников, угнанных в плен, явились с имуществом и скотом для выкупа, но сюнну взяли выкуп, а явившихся задержали и не отпустили обратно».

Китай проигнорировал эти события — властям Поднебесной было не до того, чтобы карать сюнну за неповиновение. В 9 году н. э. Ван Ман узурпировал трон и объявил о создании империи Синь. Династии Хань, казалось, пришел конец. Пришел конец и старым соглашениям, заключенным еще

при Хань. Новоявленный император понимал, что ему следует заручиться поддержкой прежних вассалов Хань. К сюнну были направлены послы с богатыми подарками. Они должны были «щедро одарить шаньюя, объяснить ему причины смены [династии] Хань и, пользуясь случаем, сменить старую печать шаньюя».

Смена печати, выданной прежней династией, была делом вполне резонным, и шаньюй ничего не имел против этого мероприятия, тем более что оно сопровождалось подношениями — золотом и шелком. Послы вручили Учжулю новую печать в запечатанном виде, и он отдал им старую. Один из сановников шаньюя пытался воспрепятствовать этому и дважды настойчиво намекнул, что сначала надо взглянуть на текст новой печати. Возникла неловкая заминка, но шаньюй сказал: «Разве может быть изменен текст печати?» — и ничего проверять не стал. Потом началось пиршество, продолжавшееся до глубокой ночи. А когда наутро Учжулю вскрыл пакет, оказалось, что текст печати действительно изменен. Раньше он гласил: «Императорская печать шаньюя сюнну». Теперь же здесь было написано: «Княжеская печать синьского шаньюя сюнну».

Добавление слова «синьский» на первый взгляд не должно было никого обидеть — ведь теперь в Поднебесной правила новая династия Синь (правда, династией в европейском понимании она так и не стала, потому что наследники Ван Мана на трон не взошли). Но дело в том, что на печатях правителей уровня шаньюя династия не обозначалась. В сочетании с уточнением «княжеская» вместо «императорская» эта печать низводила властителя державы до уровня мелкого князька, и шаньюй справедливо заметил, что теперь она ничем не отличается от печатей его слуг.

Пока Учжулю предавался печальным размышлениям на этот счет, китайские послы в панике решали, что им делать, если шаньюй захочет отобрать старую печать. В конце концов они решили попросту ликвидировать ее, «чтобы уничтожить корень зла», — взяли топор и разрубили ее на части. Шаньюю было объявлено, что старая печать «сама распалась на куски» по воле Неба.

Учжулю не удовлетворился этим заявлением и отправил в Поднебесную посла с просьбой о восстановлении старой

печати. Тем временем китайские послы обнаружили в землях сюнну пленных *ухуаней* и вспомнили «четыре статьи», которые, хотя и были изданы при предыдущей династии, категорически воспрещали сюнну задерживать у себя перебежчиков. Правда, в данном случае речь шла не о перебежчиках, а о пленных, тем не менее китайцы потребовали отконвоировать *ухуаней* к укрепленной линии.

Бань Гу пишет, что действия китайцев давно уже вызывали у злополучного шаньюя Чжи «чувство вражды». Когда же Ван Ман подsunул ему печать с оскорбительным текстом, «он проникся ненавистью». Шаньюй отослал *ухуаней* в границы Поднебесной, но под видом конвоя отправил с ними 10 тысяч воинов, которые не ушли обратно, а «расположились около укрепленной линии в округе Шофан». Это было началом нового военного противостояния.

Сюнну теперь были настолько сильны, что правителям Западного края надо было решать, чью сторону они держат, и решение совсем не обязательно принималось в пользу Поднебесной. Так, в 10 году н. э. правитель подвластного Китаю Заднего владения Чэши решил перейти на сторону сюнну. Он не успел сделать это и был обезглавлен, но его брат Хуланьчжи, «возглавив свыше двух тысяч человек, угнал скот, перешел со всем владением на сторону сюнну и был принят шаньюем». Их объединенные силы стали грабить Чэши.

Узнав об этом и испугавшись крупного вторжения кочевников, четверо императорских чиновников из числа управлявших Западным краем убили своего полковника, захватили «несколько сот командиров и воинов» и «свыше двух тысяч мужчин и женщин» и отправили к сюнну посла с сообщением, что готовы перейти на их сторону. Воины шаньюя вторглись в Западный край навстречу мятежникам и увели их с собой.

Набег сюнну на земли Срединного государства продолжались. И тогда Ван Ман решил уничтожить врага изнутри: «разделить сюнну и поставить 15 шаньюев». Он направил двух своих сановников «с десятью тысячами всадников и большим количеством драгоценностей к укрепленной линии в округе Юньчжун, чтобы переманить потомков шаньюя Хуханье и по старшинству поставить их шаньюями». Пере-

манить удалось только троих: некоего Сяня и двух его сыновей. Тем не менее довольный император наградил сановников, которые этого добились. Один из них был назначен «на должность военачальника, “имеющего зубы тигра”», а второй — «на должность военачальника, “свирепого как тигр”».

Узнав о таком коварстве, Учжюлю позволил себе высказать сомнения в легитимности новоявленного императора. Он объявил: «Нынешний Сын Неба не является потомком императора Сюань-ди, так какое же он имел право вступать на престол?» После такого заявления мир между державами был уже невозможен, и шаньюй отправил свои войска к границам Поднебесной. Они вторглись за укрепленную линию в земли округа Юньчжун, примыкающие к Ордосу с северо-востока, и «перебили много чиновников и народа». Затем Учжюлю приказал командующим всех вооруженных отрядов сюнну, «чтобы они совершали грабительские набеги на пограничную линию». В результате были убиты «начальники и воеводы» в округах Яньмынь (на юго-востоке Ганьсуского прохода) и Шофан, а также «угнано несметное количество чиновников, народа и домашнего скота, а поэтому пограничные земли опустели и оскудели».

Ван Ман стал готовиться к серьезной войне. «Он решил, что, когда будет собрано 300 тыс. воинов и подвезен провиант на 300 дней, войска одновременно выступят в десяти направлениях, начнут настойчиво преследовать сюнну и загонят их в земли *динлинов*, после этого земли сюнну будут разделены, а шаньюями поставлены 15 потомков Хуханье». Военачальник императора Янь Ю выступил против этого плана, он предостерегал Сына Неба, ссылаясь на опыт его предшественников, прежде всего на печальный опыт императора У-ди, для которого даже победоносная война с сюнну обернулась крахом. Кроме того, сбор продовольствия в стране, которая только что перенесла несколько лет неурожаев и страшное наводнение, вызвал волнения в народе. Но Ван Ман не желал отказываться от своих намерений.

Тем временем политика по мобилизации пятнадцати новых шаньюев тоже терпела крах. Из трех набранных кандидатов — потомков Хуханье — Ван Ман с грехом пополам назначил двоих, Сяня и его сына Чжу, причем Сяня — против

его воли. Второй сын Сяня, Дэн, видимо, настолько не годился на эту должность, что его держали в качестве запасного варианта. Сянь, получив от императора сомнительный титул, немедленно бежал к Учжулю «и доложил шаньюю, как его принудили стать шаньюем». Второй «шаньюю» по имени Чжу вскоре умер, и на его место был поставлен его брат Дэн. Но вскоре выяснилось, что третий брат, которого китайцам так и не удалось привлечь к своему проекту, совершает со своими воинами набеги на земли Срединного государства. Тогда Ван Ман «собрал варваров и обезглавил перед ними на рыночной площади в Чанани (столица ханьского Китая, нынешний Сиань. — *Авт.*), Дэна, сына Сяня». Это случилось в 12 году. Так бесславно завершилась попытка императора раздробить державу сюнну изнутри²⁷⁵.

Очень скоро у сюнну, которым китайцы пытались навязать 15 шаньюев, не осталось даже и одного — в 13 году Учжулю умер. На престол под тронным именем Улэй жоти возшел Сянь — тот самый, что уже побывал «шаньюем» по воле китайского императора. Ван Ман оказался в очень неловком положении — ведь не так давно он лично приказал казнить Дэна, сына Улэя. Впрочем, шаньюю об этом еще не знал, и Сын Неба решил скрывать сей печальный факт сколь возможно долго. Он отправил к новому шаньюю послов с подарками и велел сообщить, что сын его жив и находится при дворе. В качестве ответной любезности император просил выдать ему перебежчиков из Западного края, которые еще при Учжулю перешли на сторону сюнну. Шаньюю выдал 27 человек зачинщиков и членов их семей: «надел на всех колodки, посадил в клетки и передал послам». По прибытии в Поднебесную они были сожжены — эту казнь Ван Ман ввел в своем государстве.

Но Улэй напрасно предал доверившихся сюнну людей — вернувшись, послы сообщили о казни сына шаньюя. Улэя, как пишет Бань Гу, «охватила ненависть», но на прямой разрыв отношений с Поднебесной он не пошел. Улэй был «падок на подарки», поэтому он «внешне не нарушал установлений, существовавших при [династии] Хань, но на деле извлекал выгоды от вторжений и грабежей». Теперь «варвары стали совершать непрерывные набеги из левых земель».

Когда послы императора интересовались, почему шаньюй не наведет порядка на границах и не прекратит набег, он отвечал:

«Невоспитанный и порочный народ из *ухуаней* и сюнну объединяется и вторгается для грабежей за укрепленную линию. Эти воры и разбойники подобны имеющимся в Среднем государстве. Я, Сянь, только что вступивший на престол, пользуюсь еще малым авторитетом, но без всякого двоедушия прилагаю все усилия к запрещению набегов».

Впрочем, по всем остальным вопросам Улэй демонстрировал полную покорность. Так, он согласился переименовать свой народ, который отныне должен был называться не сюнну (что в переводе на китайский означало «злой раб»), а гунну («почтительный раб»). Он также согласился поменять первый иероглиф в титуле «шаньюй». Иероглиф «шань», не имевший самостоятельного значения, был заменен на иероглиф с тем же звучанием, но со значением «добрый». Теперь титул его, написанный по-китайски, означал «добрый юй»²⁷⁶. Бань Гу пишет: «Шаньюй, падкий на подарки [Ван] Мана, притворно согласился на все, но грабительские набег продолжал по-прежнему». Так после долгих войн и периодов мира политика сюнну по отношению к Поднебесной вернулась к принципам, которые были заложены еще Маодунем²⁷⁷.

Глава 9 Смута у великого соседа

В 18 году, после смерти Улэя, на престол под именем Худуэрши даогао жоти вступил его младший брат, более известный как шаньюй Юй. Однако Ван Ман все еще не оставлял надежды самому возвести шаньюя на сюннуский трон. О пятнадцати шаньюях речь уже не шла, но хотя бы одного он хотел назначить лично. Тот факт, что его «протезе» традиционно сопротивлялись такой чести, нимало не смущал императора. На этот раз его выбор пал на некоего Дана, женатого на Юнь — двоюродной сестре шаньюя Учжулю.

Юнь, которую еще называли «Имо цзюйцы», была наполовину китайкой — ее мать, бывшая императорская наложница «из добронравной семьи», стала женой Хуханье. Юнь провела молодость в Китае, прислуживая вдовствующей императрице. Бань Гу упоминает ее как одну из немногих, если не единственную сюннускую женщину, участвовавшую в большой политике. Конечно, жены и матери шаньюев нередко вмешивались в интриги, разгоравшиеся при выборе очередного наследника престола, но остальные государственные дела оставались прерогативой мужчин. Что же касается Юнь, она, по сообщению Бань Гу, «всегда хоте-

ла, чтобы с Срединным государством был заключен договор о мире, основанный на родстве». Вместе со своим мужем она проводила прокитайскую политику, причем есть основания думать, что главным политиком в этом семейном союзе была именно Юнь — наполовину китаянка по крови, она имела высокопоставленных родственников в Срединном государстве и, прожив некоторое время при дворе императрицы, безусловно завела там важные связи.

Юнь и Дан еще в правление Улэя вместе убеждали шаньюя заключить «договор о мире, основанный на родстве». Они посылали гонцов в Китай для того, чтобы договориться о встрече с Ван Си — высокопоставленным двоюродным братом Юнь. Они же повлияли на ситуацию с выдачей Китаю 27 перебежчиков из Западного края, за что оба получили награды от чиновников Поднебесной.

С точки зрения Ван Мана, Дан больше всего подходил ему в качестве шаньюя. По приказу императора Ван Си назначил своей двоюродной сестре, ее мужу и младшему сыну встречу в пограничной крепости Чжилу. Здесь он захватил своих родственников и «под угрозой оружия» доставил их в столицу — только сыну Юнь «удалось бежать вблизи укрепленной линии», и он, избежав императорских «милостей», возвратился к сюнну.

Когда пленного Дана привезли в Чанань (Чанъань), «[Ван] Ман объявил его шаньюем Сюйбу и хотел послать крупные войска, чтобы помочь вступить на престол». Но императору снова не повезло с насильственно поставленным шаньюем. «Переброска войск еще не закончилась, как рассерженные сюнну вторглись соединенными силами в северные пограничные земли и северные пограничные земли оказались из-за этого опустошенными». А сам Дан, не выдержав императорских милостей, заболел и умер.

Другой сын Юнь и Дана, по имени Шэ, в это время находился в столице Поднебесной в качестве посла. Тогда Ван Ман, который «относился к Шэ с большим уважением и благоволением», решил возвести его на сюннуский трон. Он отдал ему в жены свою дочь принцессу Лу-лу и уже собрался послать в степь войска, которые должны были силой оружия утвердить нового шаньюя, но тут ему стало не до того,

чтобы заботиться о чужом троне, — под ним закачался свой собственный. В Поднебесной давно уже полыхали восстания, переходящие в гражданскую войну. В 21 году войска повстанцев вошли в столицу, а в 23 году империя Ван Мана прекратила свое существование. Ван Ман был убит. «...Вместе с ним погибли Юнь и Шэ»²⁷⁸.

Гражданская война в Китае полностью поменяла расстановку сил во взаимоотношениях сюннуской державы и Поднебесной. В 24 году, вскоре после реставрации Хань, император Гэн-ши направил к сюнну посольство, чтобы «вручить шаньюю императорскую печать и пояс согласно старым установлениям [династии] Хань». Однако шаньюй Юй вовсе не торопился признать себя вассалом Китая. Он заявил:

«Сюнну являются братьями [династии] Хань. Когда среди сюнну возникли смуты, император Сяо-сюань (Сюань-ди. — *Авт.*) помог шаньюю Хуханье вступить на престол, а поэтому он признал себя вассалом, чтобы показать уважение к [династии] Хань. Ныне, когда в Хань также возникли большие смуты и престол похитил Ван Ман, сюнну тоже послали войска для нападения на [Ван] Мана и опустошили его пограничные земли, в результате чего Поднебесная пришла в волнение и вспомнила о [династии] Хань. В том, что в конце концов [Ван] Ман был разбит, а [династия] Хань возродилась, есть и мои усилия, поэтому вы должны оказать мне уважение»²⁷⁹.

В сущности, это было требованием того, чтобы Хань признала себя вассалом сюнну²⁸⁰. Переговоры затянулись, и послы вернулись ни с чем. Впрочем, это уже не имело особого значения, потому что император Гэн-ши был свергнут своими соотечественниками, не продержавшись на троне и двух лет. Вместо него императором Поднебесной в 25 году стал другой представитель дома Хань — Лю Сю (посмертное имя Гуан У-ди, буквально — император Гуан-у). Он основал династию Восточная Хань, которая и утвердилась на троне.

Но гражданская война на этом не закончилась. На окраинах Поднебесной один за другим появлялись мятежники, претендовавшие на власть, и они охотно обращались за военной помощью к сюнну. Сюнну им эту помощь оказывали,

присоединяясь к повстанцам и вместе с ними совершая набеги на Срединное государство. Но особой активности шаньюй не проявлял. В его интересах было ослаблять империю, а заодно пополнять доход кочевников с помощью грабежей, но сюнну вовсе не были заинтересованы в полном разорении и раздроблении Китая. Только единый и богатый Китай мог обеспечить кочевникам все то, что он давал им до сих пор: регулярные подарки из центра и столь же регулярную добычу от набегов на окраины. Завоевывать Поднебесную, хотя момент был более чем благоприятный, сюнну тоже не собирались — кочевники не хотели, да и не могли взваливать на себя груз административной работы в гигантской покоренной империи. Поэтому сюнну под видом поддержки то одного, то другого мятежника совершали набеги на земли Хань, но усердствовали в этом не более, чем раньше.

В 27 году Пэн Чун, начальник округа Юйян (в районе современного Пекина), поднял восстание и запросил помощи у сюнну. Те отправили к нему восемь тысяч всадников. Это помогло Пэн Чуну занять окрестные земли и объявить себя Янь-ваном. Новоявленный властитель отдал в жены шаньюю свою дочь и преподнес ему шелка, но когда на мятежника были двинуты правительственные войска, сюнну должной поддержки ему не оказали, и мятеж был подавлен²⁸¹.

Несколько более тесные связи сложились у сюнну с Лу Фаном — авантюристом, который воспользовался тем, что «в период правления Ван Мана все в Поднебесной с любовью вспоминали о добродетелях династии Хань», и сочинил себе родословную, восходящую к императору У-ди. Он поднял восстание «вместе с зависимыми *цянами* и *хусцами*, жившими в уезде Сانشуй» (на юго-западе Ордоса). Сначала Лу Фан поддержал императора Гэн-ши, но после его поражения местные жители поставили Лу Фана своим независимым ваном (государем), поскольку поверили в его принадлежность к императорскому роду Лю, «и отправили гонцов к западным *цянам* и сюнну заключить договор о мире, основанном на родстве».

Юй согласился поддержать самозванца при условии, что тот объявит себя его вассалом. Видимо, договоренность была достигнута, потому что шаньюй послал войска, чтобы при-

везти Лу Фана и его братьев в земли сюнну. Здесь его провозгласили императором Хань. К этому времени еще в трех округах Поднебесной запылала восстания, и в 28 году шаньюй предложил их вожакам заключить договор о мире и «возвратить Лу Фана в в ханьские земли в качестве императора». Войска мятежников объединились с войсками сюнну, захватили пять округов вдоль северной части излучины Хуанхэ и стали совершать набеги на земли Поднебесной. Однако захватывать Китай и менять императора Гуан-у на своего ставленника сюнну не спешили. Сподвижники Лу Фана, поняв, что сановниками настоящего Сына Неба им не стать и что они обречены на жизнь среди варваров и бесконечные войны со своими соотечественниками, стали постепенно переходить на сторону Гуан-у.

Самозванец продержался в своем статусе императора без империи до 40 года. Фань Е пишет: «Сюнну, услышав, что [император] Хань объявил за [поимку] Лу Фана награду, польстились на нее и приказали [Лу] Фану вернуться на родину и изъявить покорность Хань, рассчитывая получить за это награду. Однако [Лу] Фан поставил себе в заслугу добровольное изъяснение покорности и не сказал, что его послали сюнну. Шаньюю же было стыдно говорить о своих расчетах, и поэтому он не получил награды. Это привело шаньюя в ярость, и он стал совершать еще более глубокие вторжения»²⁸².

В такую наивность шаньюя трудно поверить. Надо думать, если бы он действительно хотел получить награду за выдачу мятежника, он приказал бы отконвоировать его к укрепленной линии и сдать китайским войскам... Так или иначе, Лу Фан добровольно сложил с себя титул императора.

Гуан-у простил Лу Фана (равно как и его ранее сдавших сподвижников). Он поставил их руководить пограничными областями, «пожаловал им 20 тыс. кусков шелка и приказал замирить сюнну». Лу Фан принял и должность, и шелк и представил императору прочувствованный доклад, в котором восхвалял сияние его «необыкновенных добродетелей» и объяснял многолетнюю войну с собственным народом желанием «возродить страну». Он писал:

«Когда Ван Ман поставил страну на край гибели, он, как принесший скорбь сыновьям и внукам [императора], заслу-

живал того, чтобы его наказали общими усилиями. Поэтому на западе я установил связь с *цзянами*, а на севере привлек сюнну, шаньюй которых, не забывший прежних милостей, временно возвел меня на престол и оказал помощь. В это время повсюду происходили вооруженные восстания, но я, Ваш слуга, не преследовал никаких корыстных целей, а хотел лишь принести жертвы в храме предков и возродить страну, поэтому я надолго присвоил себе титул императора и более десяти лет занимал престол...»

Красноречие подвело Лу Фана. Простых перебежчиков Хань традиционно прощала в случае, если они признавали свою вину. Но Лу Фан пытался доказать, что его «императорская» деятельность была направлена на пользу Поднебесной. Гуан-у эта версия, вероятно, не вполне удовлетворила, и он отменил ранее посланное Лу Фану приглашение явиться ко двору, перенеся его на год вперед. «Лу Фан, возвращенный с дороги, был напуган и опечален». Он поднял новый мятеж и в течение месяца сражался с войсками своих вчерашних сподвижников (тех самых, что вместе с ним сначала охраняли границы Поднебесной, потом разорjali их и, наконец, вместе сдались Восточной Хань и вновь стали защищать ее северные рубежи). В конце концов сюнну сжалились над неудавшимся императором и послали за ним и его семейством несколько сот всадников. «Лу Фан пробыл среди сюнну свыше десяти лет, а затем заболел и умер»²⁸³.

В начале своего правления Гуан-у не обращал на сюнну слишком большого внимания, несмотря даже на то, что они провозгласили своего ставленника императором Хань. Как пишет Фань Е, он старался восстановить спокойствие в Китае и «не имел времени заниматься внешними делами». В ответ на захват своих земель император переселял жителей пограничных округов в безопасные области и увеличивал количество воинов на границе, но к военным действиям не переходил. Когда же сюнну пытались наладить дипломатические отношения с Поднебесной, он «сносил позор и только посылал ответные письма, составленные в учтивых выражениях».

Когда ситуация немного стабилизировалась, военачальники Хань, «топая от нетерпения ногами и потирая руки»,

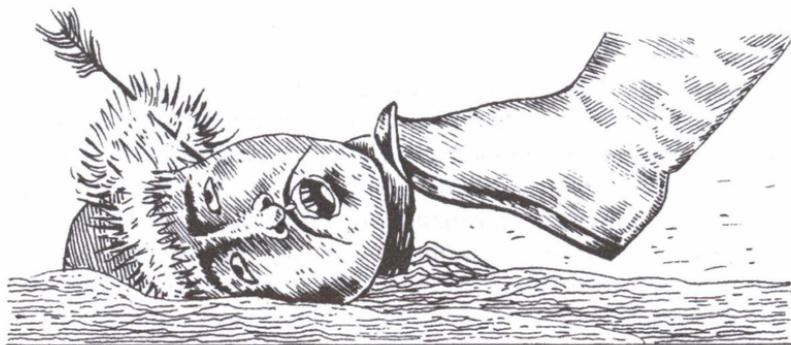
стали вспоминать былые победы над сюнну, «но император, питавший отвращение к военным действиям и занимавшийся усовершенствованием гражданского управления, не внял их советам»²⁸⁴.

К «императорским» потугам Лу Фана Гуан-у, видимо, отнесся не слишком серьезно. Сюнну, хотя и объявили Лу Фана императором, тоже не придавали этому особого значения, потому что уже в 30 году отправили к Гуан-у посольство с подарками. Император отослал шаньюю ответные подарки — золото и шелк — «для установления прежних дружественных отношений». Однако «прежние» отношения уже не могли удовлетворить Юя. Он «держался высокомерно, сравнивал себя с Маодунем, отвечал послу дерзко и заносчиво»²⁸⁵.

Договор о мире так и не был заключен. Сюнну регулярно грабили пограничные земли Поднебесной — как вместе с Лу Фаном, так и самостоятельно. Иногда они объединялись для этого с *ухуанями*²⁸⁶. В 37 году сюнну совершили успешный набег на район Хэдун (к востоку от Ордоса), и китайцам пришлось переселять пограничное население из трех округов дальше на восток, а сюнну обосновались внутри укрепленной линии. Фань Е пишет, что к 44 году «на северных границах уже не было ни одного спокойного года». Китаю пришлось увеличить численность войск вдоль границы на несколько тысяч человек в каждом округе, построить большое количество наблюдательных вышек и восстановить сигнальные маяки²⁸⁷.

В первые десятилетия нашей эры сюнну снова, как в первый век своего существования, сравнились с Поднебесной по могуществу. Но удержать это достижение они не смогли — их державу подкосила внутренняя смута, и она рассыпалась в одночасье, несмотря на то что находилась, казалось бы, в расцвете сил.

Глава 10 Гибель сюннуской державы

Смута, приведшая сюннускую державу к быстрому и неожиданному концу, связана с той неопределенностью, которая существовала у сюнну в вопросах престолонаследия. Из-за этого разразилась уже одна гражданская война, победителем в которой вышел Хуханье.

В середине I века н. э. история повторилась. К этому времени у сюнну де-факто практиковались две параллельные системы наследования власти: от отца к сыну и от старшего брата к младшим, в порядке старшинства. Поначалу престол передавался от отца к сыну — так получил власть Маодунь (несмотря на то что он захватил трон в результате отцеубийства, он все же был старшим сыном и законным наследником Тоуманя). Потом престол по прямой линии перешел к его сыну и внуку. Но затем система была нарушена: после смерти внука Маодуня шаньюя Цзюньчэня власть захватил брат шаньюя Увэй, а сын и наследник покойного был вынужден бежать в Китай. Увэй, как положено, передал власть своему сыну Ушилу, по прозвищу Эр-шаньюй (молодой шаньюй). Но тот, процарствовав три года, умер молодым, его сын был слишком мал, чтобы править, а системы регентства у сюнну не сущест-

вовало. Поэтому престол вновь перешел к наследнику по боковой линии — дяде покойного шаньюя (брату Увэя)...

Такая чересполосица осложнялась тем, что у шаньюев, как правило, было много сыновей от разных жен и не всегда представлялось очевидным, кто из них «старший», — ведь сын, старший по возрасту, мог быть рожден женой, низкой по рангу. Например, у Хуханье, помимо пяти китайских наложниц, подаренных ему императором (по крайней мере одна из них, Ван Чжао-цзюнь, имела у сюнну достаточно высокий статус), было еще несколько жен-соотечественниц. Причем особой благосклонностью шаньюя пользовались сразу две сестры — дочери его сановника, занимавшие положение главной жены и старшей жены (главная была выше по статусу²⁸⁸). У главной жены было два сына, у старшей — четыре. Кроме того, у шаньюя имелось еще более десяти сыновей от других жен. Перед смертью Хуханье хотел передать державу старшему сыну от главной жены, несмотря на то что двое из сыновей ее сестры были старше его по возрасту. Но мать наследника проявила редкостное благоразумие. Она обратила внимание супруга на то, что ее сын «молод годами, и народ не привержен к нему», и предложила возвести на трон старшего сына своей сестры. Хуханье согласился при условии, что новый шаньюй в дальнейшем передаст трон своему младшему брату, рожденному теткой. Так была узаконена новая система наследования — по боковой линии, — которая раньше практиковалась лишь в виде исключения. После смерти Фучжулэя ему наследовал его брат по матери, но затем трон действительно перешел к тому сыну, которого с самого начала рекомендовал Хуханье²⁸⁹. С этих пор титул шаньюя последовательно переходил к сыновьям Хуханье вплоть до Юя включительно, и новый порядок наследования престола полностью вытеснил старый.

Подобная система передачи власти — не сыну, а следующему по старшинству брату — существовала позднее и в других кочевых империях. Она позволяла избежать династических распрей между братьями: каждый из них знал, что престол рано или поздно перейдет к нему. Правитель мог положиться на младших братьев и доверить им, а не чужим людям руководство войсками и окраинными землями. Кроме того, престол, переходя от брата к брату, всегда доставался

опытному мужчине; ситуация, в которой у власти оказывался подросток или регент с сомнительными правами, практически исключалась. После смерти последнего, младшего, брата престол обыкновенно переходил к старшему сыну давно умершего старшего брата. Позднее такой порядок престолонаследования восприняли тюркские каганаты.

Но обычно система эта работала вполне удовлетворительно лишь до тех пор, пока не умирал последний из братьев. К этому времени число его племянников от браков всех его предыдущих братьев-правителей с их многочисленными женами могло быть огромным. Племянники эти, будучи детьми старших братьев, в большинстве своем превосходили по возрасту и опыту сыновей покойного (хотя разобраться, кто из них всех старше и по возрасту и по статусу сразу, было сложно). Но и сыновья младшего брата совсем не обязательно отказывались от власти. Нередко это приводило к смутам и гражданским войнам.

Общий рост числа сюннуской знати дополнительно усложнял ситуацию. В результате система дала сбой еще до того, как умер последний из братьев.

Юй был шестым по счету шаньюем, правившим после Хуханье на правах его очередного сына. У него был младший брат Иту Чжияши, рожденный Ван Чжао-цзюнь — китайской «из добронравной семьи». Он занимал пост правого лули-вана, и по традиции шаньюй должен был назначить его левым сянь-ваном (буквально «левым мудрым князем»), который обыкновенно и наследовал престол. Шаньюй Юй к концу своего правления был уже стар, в 44 году ему исполнилось 78 лет. Вопрос о престолонаследии следовало решать незамедлительно. Но Юй решил отдать титул левого сянь-вана, а потом и трон своему сыну и убил Чжияши²⁹⁰. Этим были заложены предпосылки грядущей гражданской войны, положившей конец сюннуской державе²⁹¹.

Кроме Чжияши, у сюнну имелся еще по крайней мере один претендент на трон — некто Би, старший сын Учжулю жоти²⁹² (он же — Нанчжиясы, или Чжи). Его отец был четвертым по счету шаньюем — сыном Хуханье. Не вполне понятно, почему именно Би претендовал на высшую власть в державе, — надо полагать, он был не единственным внуком

Хуханье и, уж во всяком случае, не внуком от старшего сына. Но не исключено, что именно Би был единственным из всех, у кого имелись реальные рычаги власти. По сообщению Фань Е, став шаньюем, Юй дал ему в управление «южные пограничные земли и ухуаней». Юй правил долго — 28 лет. За эти годы у Би была возможность укрепить свое положение в подведомственных ему землях и войсках.

Узнав об убийстве Чжияши и выборе наследника, Би заявил: «Если говорить о братьях, то по старшинству престол должен был занять правый лули-ван (Чжияши. — *Авт.*), а если говорить о сыновьях, то как старший сын покойного шаньюя престол должен занять я». Би понимал, что может разделить судьбу Чжияши, «в нем зародились чувства подозрения и страха, он стал редко являться на собрания в ставке шаньюя». Тогда шаньюй в свою очередь стал подозревать племянника и направил к нему двух гудухоу (князей-военачальников) «для надзора за войсками Би».

В 46 году 80-летний Юй умер. Ему наследовал его сын, но он умер в тот же год, и на престол взошел второй сын Юя — Пуну. «Это разгневало и раздосадовало Би, не сумевшего занять престол».

Тем временем в землях сюнну не первый год стояла страшная засуха, усугубленная нашествием саранчи. «...Земля на несколько тысяч ли лежала голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство их умерли или пали». Шаньюй, опасаясь, что Китай может воспользоваться ослаблением сюнну, отправил в Поднебесную посла — просить о заключении «договора о мире, основанного на родстве». Со своей стороны Би тоже тайно отправил посла — «поднести императору карту сюннуских земель». А годом позже его посланец «прибыл к начальнику округа Сихэ и просил принять [Би] в подданство».

Измена не осталась тайной для надзирающих за Би сановников, и они доложили обо всем шаньюю. Тот направил против мятежника 10 тысяч всадников, но Би к этому времени успел собрать в подчиненных ему кочевьях 40–50 тысяч воинов, и армия шаньюя не решилась напасть на них.

Весной 48 года вожди восьми южных кочевий постановили возвести Би на престол под титулом шаньюя Хуханье.

«Они хотели, чтобы он принял этот титул, так как в свое время его дед [Хуханье] установил спокойствие в стране с помощью Хань». В своей политике будущий шаньюй собирался следовать примеру деда — он явился к границам Китая «с выражением покорности» и объявил о своем желании «поставить вечный заслон» для империи Хань и «отражать северных варваров». Император Гуан-у удовлетворил его просьбу, после чего «зимой этого же года Би вступил на престол под титулом шаньюя Хуханье».

Так держава сюнну раскололась, теперь уже безвозвратно. Над северными ее землями владычествовал шаньюй Пу-ну, в южных, под протекторатом Китая, правил шаньюй Хуханье II.

Хуханье II с первых дней своего правления начал вести агрессивную политику по отношению к северным сюнну. Набеги его войск уже в 49 году заставили Пу-ну отойти на 1000 ли. Тогда же два крупных военачальника северных кочевий перешли на сторону Хуханье и привели к нему более 30 тысяч человек. Но южный шаньюй оказался неамбициозен. Быть может, у него и имелись реальные шансы стать независимым властителем степей, но он предпочел не рисковать. Он снова отправил в Поднебесную посла с подношениями, предложил своего сына в качестве заложника, «признал себя вассалом и именовал слугой», и даже сам «просил о присылке посла для надзора над ним». Кроме того, он просил о возобновлении договора о мире.

В 50 году произошло самое унижительное для сюнну событие за всю их историю. Фань Е пишет:

«На 26-м году правления император отправил начальника охранной стражи телохранителей Дуань Чэня и помощника полковника Ван Ю в качестве послов к южному шаньюю с предписанием учредить ставку в 80 ли от западной части укрепленной линии в [округе] Уюань. Шаньюй выехал далеко вперед навстречу послам, которые сказали: “Шаньюй должен принять императорский указ, склонившись ниц до земли”. Шаньюй огляделся вокруг, а затем, распростершись на земле, признал себя вассалом. Совершив преклонение, он приказал переводчику передать послам: “Я только что вступил на престол, мне очень стыдно своих приближен-

ных, поэтому прошу послов не унижать меня перед лицом народа”. Присутствовавшие при этом гудухоу и другие сановники плакали».

Осенью Хухань прибыл к императорскому двору. Здесь ему было щедро заплачено за унижение: общее количество подарков и продовольственной помощи превысило все, что сюнну когда-либо получали от Китая. Теперь шаньюй получил право жить на территории Поднебесной, в округе Юньчжун (позднее ему было велено переехать в уезд Мэй-цзи в округе Сихэ во Внутренней Монголии). К нему были приставлены «чиновники-умиротворители» — они «во главе 50 освобожденных от наказания преступников, вооруженных оружием и самострелами, должны были следовать за шаньюем, участвовать в разборе спорных дел и наблюдать за обстановкой». Позднее император увеличил охрану шаньюя до 2 тысяч всадников и 500 «освобожденных от наказания преступников». В конце каждого года шаньюю вменялось в обязанность отправлять ко двору посла с докладом и своего очередного сына для службы императору — сыновья менялись ежегодно.

К своим регулярным (три раза в год) жертвоприношениям духу Неба южные сюнну теперь присоединили, как пишет Фань Е, «жертвоприношения ханьскому императору». Имелся в виду, конечно, не тот император, под властью которого кочевники отныне пребывали. Вероятно, сюнну, помимо своих древних культов, обязаны были отправлять еще и государственный культ, существовавший в Поднебесной, — культ почивших императоров, как реальных, так и мифических.

Шаньюй южных сюнну теперь помогал Китаю в охране границ. В восьми пограничных округах Поднебесной он поставил своих князей, «и каждый из них, возглавляя подчиненные кочевья, служил для округов и уездов ушами и глазами и нес разведывательную службу». Все эти меры позволили Китаю полностью восстановить под своей властью восемь ранее утраченных округов.

Шаньюй Хухань II скончался в 56 году, пробыв на престоле девять лет. Ему наследовал его брат, и с тех пор у южных шаньюев строго соблюдалась передача власти по боковой линии. Очередным шаньюем становился или брат предыдущего шаньюя, или сын одного из его предшественников, но сын

почти никогда не наследовал отцу (Авторам настоящей книги известны только три случая, когда это правило было нарушено, все — уже во второй половине II века²⁹³). Никаких гражданских войн по этому поводу более не вспыхивало — Китай следил за легитимностью очередного кандидата. Интересно, что для себя китайцы категорически не признавали наследования по боковой линии, считая связь между сыновьями и родителями священной. Но у них хватило ума не насаждать свои порядки в степи.

В течение примерно полувека взаимоотношения между южными шаньюями и Сынами Неба носили самый идиллический характер. Императоры посылали в степь богатые подарки и продовольственную помощь. Шаньюи, сколь это было в их силах, удерживали своих подданных от набегов на земли Срединного государства. Правда, такие набеги случались, как случались и крупные мятежи, поднятые сюннускими военачальниками, но шаньюи в них были, как правило, неповинны и вместе с императорскими войсками принимали меры к их подавлению. Впрочем, теперь у южных сюнну была другая точка приложения сил: они активно воевали со своими северными собратьями. Взаимные стычки и набеги не прекращались до рубежа I и II веков, то есть до того времени, когда северные сюнну окончательно исчезли из «большой политики»²⁹⁴.

После того как Гуан-у стал столь явно покровительствовать южному шаньюю, северный шаньюй заволновался. Он вернулся на родину ханьцев, плененных во время предыдущих набегов, и прекратил набеги на их земли. Правда, ему и без ханьцев было кого грабить: теперь за укрепленной линией, на территории пограничных округов, обитали южные сюнну. Фань Е пишет, что когда северные сюнну вторгались в земли своих недавних соплеменников для грабежа, то на обратном пути, проходя мимо наблюдательных вышек, «они извинялись и говорили: “Мы нападаем на перебежчика юцзянь жичжу (старый титул Хуханье II. — *Авт.*), а на ханьцев нападать не смеем”».

Но теперь южные сюнну были подданными императора, и он считал своим долгом держать их сторону. Поэтому когда северный шаньюй в 51 году обратился к Сыну Неба с предло-

жением заключить «договор о мире, основанный на родстве», тот отказался даже принять посла²⁹⁵.

В это же время сановники Гуан-у представили ему доклад, в котором предлагали уничтожить северных сюнну, воспользовавшись их ослаблением. Они писали: «...Сейчас у варваров люди и скот умирают от болезней, засухи и саранча оголили землю, болезни и трудности подорвали силу варваров, они стали слабее одного округа в Срединном государстве. (...) Счастье не приходит дважды, благоприятный момент легко упустить, поэтому разве правильно сейчас строго соблюдать гражданские добродетели и пренебрегать военными действиями?»

Но Сын Неба предпочитал добродетели. Он издал указ, в котором, в частности, говорилось: «...Стремящийся к расширению территории приходит в упадок, стремящийся к распространению добродетелей становится сильным. (...) Ныне в государстве нет хорошего управления, стихийные бедствия не прекращаются, население живет в страхе и тревоге, люди не могут сохранить свою жизнь, а вы хотите еще заняться делами далеко за пределами государства!»²⁹⁶

Северный шаньюй оказался настойчив. Он стал регулярно посылать императору «многочисленные дары» и на следующий год повторил свое предложение, присовокупив к нему просьбы о присылке музыкальных инструментов и о разрешении «представляться императору первым из гостей инородческих владений Западного края». Гуан-у ответил пространным письмом, в котором выразил недовольство последней просьбой — он решил, что тем самым шаньюй подчеркивал свое владычество над Западным краем, а у китайцев была на этот счет иная точка зрения. Император отправил шаньюю мелкие подарки, а в присылке музыкальных инструментов отказал, объяснив, что в сложившейся ситуации северным сюнну должно быть не до музыки.

Отметим, что к культурным запросам южных сюнну Сын Неба относился гораздо отзывчивее: за три года до этого он послал им, в числе прочего, музыкальные инструменты и «коляску с барабаном». Теперь же, когда духовная жажда кочевников была удовлетворена, он помимо ежегодных подарков отправил им «несколько десятков тысяч овец».

В 55 году северные сюнну направили в Поднебесную посла с теми же самыми просьбами, но император, видимо, решил, что время ни для договора о мире, ни для музыки еще не настало: «В ответ им было послано письмо за императорской печатью и пожалованы шелка, но ответный посол не отправлялся».

Тем временем северные сюнну буквально исполнили совет императора, который не так давно писал им: «...Считаю, что хорошие луки и острые мечи более необходимы, чем музыкальные инструменты». За десять с небольшим лет, прошедших с того дня, когда сюнну было отказано в музыке, они сильно выросли в военном отношении. Они «несколько раз совершали набеги на пограничные земли, что обеспокоило императорский двор», и в 65 году следующий император, Мин-ди (храмовое имя Сянь-цзун), решил заключить с северными сюнну договор, которого они так долго добивались²⁹⁷.

Впрочем, ничего хорошего из этого решения не вышло: шаньюй потребовал, чтобы китайский посол, приехавший для заключения договора, поклонился ему, но тот отказался, в результате чего был взят под стражу и лишен еды и питья. В конце концов строптивого посла отпустили обратно, и он, вернувшись в Поднебесную, в самых нелестных выражениях обрисовал императору северного шаньюя и его политические планы.

Сянь-цзун пытался настаивать и вновь отправить строптивца в степь. Тот заявил: «Ныне, снова получив приказ выехать послом, я непременно подвергнусь мучениям, но не смогу, имея верительный знак великой династии Хань, совершить поклон перед одетым в войлочную шубу. Если же я подчинюсь сюнну, то нанесу ущерб могуществу великой династии Хань». В конце концов посол отправился на север, но писал с дороги такие недовольные письма, что император вернул его обратно²⁹⁸.

Шаньюй напрасно поссорился с китайским послом — военные успехи северных сюнну оказались недолговечными. Отчаявшись заключить с Хань договор о мире и не в силах самостоятельно воевать с Китаем, они стали искать союзников среди своих южных сородичей и даже настолько в этом преуспели, что императору пришлось учредить должность «стар-

шего военачальника для пресечения связей между северными и южными варварами».

Тем временем военные стычки на границах продолжались. Продолжался и массовый переход северян под покровительство ханьского императора (им с 76 года стал Чжан-ди). Ежегодно на сторону южных кочевий переходило по несколько тысяч человек. А в 83 году «вожди северных сюнну, жившие у горы Саньму лоуцзы» пришли к пограничной линии с изъятием покорности и «привели с собой 38 тыс. человек, 20 тыс. лошадей и свыше 100 тыс. голов крупного рогатого скота и овец». В одной только «первой луне» 85 года 73 вождя северных сюнну перешли на сторону противника.

Видя окончательный крах своих давних врагов, император Чжан-ди сжалился над ними, заключил договор о мире, разрешил им торговать с жителями Поднебесной и даже велел начальнику округа Увэй «пригласить северных сюнну и ласково принять их». Китайцы «открыли для них казенные подворья и выдали награды». Северяне доверились императорскому слову и погнали скот на продажу, но южные сюнну «отобрали скот и угнали его за укрепленную линию». В том же году небольшая армия южан, отправившись на охоту, встретила одного из князей северных варваров. Охотники «вступили с ним в сражение и, обезглавив его, возвратились назад».

Фань Е пишет: «В это время северные варвары ослабли, их сообщники отложились, южные кочевья нападали на них спереди, *динлины* совершали набеги сзади, *сяньбийцы* нападали с левой, а владения западного края теснили с правой стороны. Они не могли больше сохранять самостоятельность и поэтому ушли в отдаленные земли».

Чжан-ди не выдержал такого обращения со своими новыми союзниками (тем более что он все-таки опасался их набегов) и приказал «вдвойне возместить и возратить северным варварам скот, захваченный южными кочевьями». Впрочем, ссориться с южанами он тоже не захотел; кроме того, он был заинтересован в том, чтобы варвары уничтожали друг друга своими же силами, и потому повелел: «Южные же кочевья за убитых и взятых в плен наградить согласно обычным постановлениям в зависимости от совершенных подвигов».

Некогда грозный племенной союз северных сюнну агонизировал. Теперь их били все, кому не лень, и притворное заступничество Китая уже никого не могло обмануть. В 87 году, по сообщению Фань Е, «сяньбийцы вторглись в левые земли, напали на северных сюнну, нанесли им сильное поражение, обезглавили шаньюя Юли, содрали с него кожу и возвратились обратно». В результате «северная ставка пришла в полное расстройство», и 58 кочевий, «всего 200 тыс. человек и 8 тыс. отборных воинов» изъявили покорность Хань. А в следующем году те немногие, кто еще сохранял независимость, пострадали от нашествия саранчи и вызванного им голода. Новый шаньюй, «получив урок от войск южных сюнну и опасаясь *динлинов* и *сяньбийцев*, бежал далеко». Военачальники возвели на престол его старшего брата, но «народ из-за борьбы за престол между братьями рассеялся в разные стороны»²⁹⁹.

И тогда южный шаньюй Сюлань шичжу-хоу ти решил присоединить к себе остатки северян. Шаньюй только что взошел на престол. В Китае тоже произошла смена власти: на рубеже 88–89 годов императором стал малолетний Хэ-ди (личное имя Лю Чжао, храмовое — Му-цзун), а реальной правительницей — вдовствующая императрица Доу. Шаньюй послал императрице письмо, в котором говорилось:

«Сейчас, когда среди северных варваров происходят раздоры, следует направить против них войско, чтобы, разбив север, укрепить юг, объединить обе части в одно государство и навсегда избавить дом Хань от забот, причиняемых севером». Шаньюй предлагал набрать войска «среди старых и вновь перешедших *хусцев*, живущих в различных округах» и усилить их войсками Хань. «Существование или гибель моего государства должно решиться в этом году», — писал он.

Говоря о своем государстве, шаньюй Сюлань явно льстил себе — южные сюнну давно лишились остатков собственной государственности. Но императрица не стала спорить о мелочах. Посоветовавшись с сановниками, она дала согласие на военную операцию.

В 89 году объединенная армия, состоявшая из ханьских и сюннуских отрядов и из «пограничных *цянов* и *хусцев*», выступила на северо-запад. Северный шаньюй бежал, потеряв свыше 200 тысяч человек убитыми и взятыми в плен, а союз-

ники захватили свыше «1 млн. лошадей, крупного рогатого скота, овец и верблюдов». После этого 81 северное кочевье изъявило покорность императору. Торжествующие китайские военачальники поднялись на гору Яньжань и поставили на ней «каменный памятник с описанием могущества и добродетелей династии Хань»³⁰⁰. (По злой иронии судьбы именно здесь, у этой горы, около ста лет назад сюнну одержали блестящую победу, завершившуюся сдачей Эршиского военачальника Ли Гуан-ли.)

В следующем году военную операцию повторили. «Напуганный до крайности» северный шаньюй смог выставить против окружившей его армии только тысячу с лишним воинов. Он «был ранен, упал с коня, снова сел на него и бежал с несколькими десятками легковооруженных всадников, сумев таким образом избежать гибели». Победители захватили яшмовую печать шаньюя, его жен и пятерых его сыновей и дочерей. Восемь тысяч человек было убито, несколько тысяч взято в плен.

Казалось бы, северные сюнну были окончательно разгромлены. Тем не менее, по сообщению Фань Е, в 91 году «северный шаньюй был снова разбит (...) и бежал неизвестно куда»³⁰¹.

Описывая одну из этих трех последних побед (или, может быть, обобщая их), Фань Е рассказывает, как ханьские войска разгромили жертвенник, сожгли войлочные юрты, закопали в землю живыми десять сюннуских сановников, надели кандалы на руки шаньюйских жен, увековечили свои подвиги на каменной стеле и «с победными криками возвратились назад». «Испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней, после этого район к северу от пустыни обезлюдел»³⁰².

Синолог Л. А. Боровкова, привязывая описанные древними хронистами победы китайского оружия к современной географической карте, считает, что в 89 году кочевники были разгромлены у гор Иньшань (к северу от Ордоса). В 90 году ханьские войска нанесли поражение сюнну в Западном крае, вблизи Иулу (современный город Хами Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая), после чего под контроль Хань перешла небольшая северо-восточная часть

Западного края. И наконец, в 91 году китайская армия вышла из Цзюйянь (район озера Гашун-нур, в юго-западных предгорьях Тянь-Шаня) на север для того, чтобы одержать окончательную победу³⁰³.

Записанная в VII веке китайская хроника «Бэй-ши» сообщает, что бежавший северный шаньюй перешел через хребет Гинь-вэй-шань (предположительно современный хребет Тарбагатай, расположенный на границе Китая и Казахстана³⁰⁴) и «ушел на запад в Кангюй» (в сторону Сырдарьи) с теми, кто мог идти. А «малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним» остались жить на своих прежних землях и образовали «Владение Юебань» (Юэбань).

В «Бэй-ши» дается не вполне четкая информация о том, где же находился этот последний оплот «малосильных» северных сюнну. С одной стороны, говорится: «Владение Юебань лежит от Усуня на северо-запад...»³⁰⁵. Это дало основание некоторым исследователям поместить Юэбань к северу от восточной части озера Балхаш³⁰⁶. С другой стороны, в той же «Бэй-ши» сообщается, что Юэбань находилась «по северную сторону Кучи», — исходя из этого, русский этнограф и востоковед Н. А. Аристов считал, что Юэбань лежала в восточной Джунгарии, в районе озера Эби-нур³⁰⁷. Возможно, в текст «Бэй-ши» вкралась ошибка, автор хроники имел в виду не «северо-запад», а «северо-восток». Впрочем, если принять во внимание, что, согласно «Бэй-ши», жители этой страны «занимают несколько тысяч ли пространства»³⁰⁸, их владения вполне могли включать в себя и берега Эби-нура, и берега Балхаша.

Но где бы ни находилась Юэбань, после бегства шаньюя «малосильные» сюнну обитали там достаточно долго, во всяком случае, известно, что их государство существовало еще в середине V века: оно обменивалось посольствами с одним из северо-китайских государств (Китай в те годы был раздроблен) и находилось в сложных взаимоотношениях со своими соседями-жужаньцами³⁰⁹.

Несмотря на разгром войска и бегство части народа и самого шаньюя на запад, в исконных землях сюнну после этого еще оставалось «свыше 100 тыс. юрт»³¹⁰. Младший брат бежавшего шаньюя Юйчуцзянь попытался возглавить оставшихся соплеменников — он «остановился у озера Пулэй» (со-

временное озеро Баркуль) и отправил послов в Хань с изъявлением покорности. В ответ он получил известие о согласии, печать со шнуром, четыре украшенных яшмой меча и «один зонт из птичьих перьев». Это было явно меньше того, на что обыкновенно рассчитывали сюннуские шаньюи. По этой или по какой-то иной причине, но Юйчуцзянь пробыл вассалом Хань всего лишь около года и в 93 году «поднял восстание и вернулся на север». Но теперь Китаю уже ничего не стоило наказать мятежника. Ему вдогонку была послана всего лишь тысяча воинов. Беглеца уговорили вернуться обратно, «а затем обезглавили его и уничтожили его войско»³¹¹.

На этом с северными сюнну было покончено. Земли их теперь попали под власть племен *сяньби*, а сами сюнну «стали называть себя *сяньбийцами*»³¹².

В китайских хрониках и дипломатических записях вплоть до 155 года время от времени еще мелькали какие-то северные сюнну и их шаньюи, но теперь они уже не представляли особого интереса ни для хронистов, ни для политиков.

Так, например, в 105 году некий северный шаньюй направил в Хань посла, который «принес извинения в том, что его государство, будучи бедным, не смогло поднести подарки, предусмотренные правилами, и просил прислать посла для отправки вместе с ним сына шаньюя прислуживать императору». Однако вдовствующая императрица отправлять к сюнну своего посла не стала и сыном шаньюя не прельстилась — она лишь передала бедному соседу подарки³¹³.

Между 120 и 150 годом сюнну еще совершали набеги на оазисы Таримского бассейна. В 137 году отряд их воинов был изрублен правителем Дуньхуана у озера Баркуль, а в 151 году сюнну совершили неудачное нападение на Хами и бежали, спасаясь от войск, посланных все из того же Дуньхуана. Но это были мелкие стычки, и упоминания о них встречаются достаточно редко³¹⁴.

Таким образом, еще до конца I века и сюннуской державе, и единому народу сюнну пришел конец. Но, как ни удивительно, потомкам именно этих, окончательно разбитых, униженных, почти полностью физически уничтоженных кочевников, возможно, предстояло создать гигантскую державу,

которая заставила содрогнуться Европу. Согласно мнению ряда специалистов, именно осколки северных сюнну, продвигаясь на запад и увлекая за собой встреченные по пути племена и народы, в 70-е годы IV века появились в степях Приазовья и Прикубанья, чтобы оттуда, покорив *аланов*, двинуться на города Боспора и готскую державу и уже в 376 году подойти к границам Римской империи.

Правда, не вполне понятно, какие именно северные сюнну могли все это совершить. Значительная часть тех из них, что остались на своих исконных землях, подчинилась *сяньбийцам* и в итоге ассимилировалась ими. Те, что осели в Юэбани, продолжали жить там по крайней мере до V века включительно. Очевидно, речь может идти только о шаньюе-беглеце, который, потерпев окончательное поражение от китайцев, увел часть своего народа на запад. Но следы этих беглецов сразу же теряются. Ни письменные источники, ни археологические данные на сегодняшний день не позволяют уверенно отождествить с ними ни один народ. Эти темные века гуннской истории — от конца I века до 370-х годов — предмет ожесточенных дискуссий историков и археологов. И поэтому (а также по многим другим причинам) версия о сюннуском происхождении гуннов является сегодня хотя и одной из основных, но не бесспорной.

Скитаясь по Азии, от границ Западного края до степей Прикаспия, в течение двух с лишним веков, сюнну не оставили там по себе почти никакой памяти. Такое впечатление, что они, исчезнув на рубеже I и II веков из Западного края и из китайских летописей, через два с половиной века сразу объявляются в Восточной Европе. Правда, в середине IV века в сирийских и византийских источниках появляются некие «белые гунны», они же *эфталиты*, или *хиониты*. Но нет особых оснований думать, что «белые гунны» имели к собственно гуннам хоть какое-то отношение. Скорее всего, хронисты назвали их так потому, что сами себя эти люди называли «хион», что напоминает слово «гунн». При этом, например, византийский историк VI века Прокопий Кесарийский, подробно описавший эфталитов, подчеркивает, что все в них, начиная с внешнего облика и заканчивая образом жизни, полностью противоположно «настоящим» гуннам:

«*Эфталиты* являются гуннским племенем и называются гуннами, однако, они не смешиваются и не общаются с теми гуннами, о которых мы знаем, поскольку не граничат с ними и не расположены поблизости от них. (...) Они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле. (...) Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид. И образ жизни их не похож на скотский, как у тех»³¹⁵.

Археологические находки, по которым можно было бы проследить путь сюнну по Азии, очень немногочисленны, и их нельзя отнести к безусловным свидетельствам того, что сюнну этот путь совершили. Те же памятники, которые оставили гунны в Европе, в большинстве своем не имеют почти ничего общего с памятниками сюнну. У гуннов был иной погребальный обряд, они пользовались вещами, в большинстве своем имевшими совершенно иной облик. Знаменитые изделия «полихромного стиля», которыми гунны любили украшать себя и своих коней — подвески, диадемы, серьги, бляхи, поясные накладки, — не похожи на те, которые были популярны у сюнну.

Однако есть некоторые типы вещей, которые можно рассматривать как связующие нити между центральноазиатскими сюнну, сюнну времен их скитаний по Средней Азии и европейскими гуннами. К этим вещам относят прежде всего самобытные бронзовые котлы «хуннского типа», которые не спутаешь с котлами другой культуры. Их находят на огромном пространстве евразийского степного пояса и даже за его пределами: от Ордоса и Монголии до Венгрии, Германии и Франции. Это своего рода маркеры гуннского пути на запад, продлившегося несколько веков. В Средней Азии (на Нижней Сырдарье) находят керамические котлы того же типа; считается, что это — подражание металлическим «хуннским котлам»³¹⁶, и, значит, есть основания думать, что сюнну жили в этом регионе во II–IV веках н. э.

Очень сходны с сюннскими и наконечники стрел, найденные в Восточной Европе, в том числе в Поволжье и в Нижнедонских степях. И сам тяжелый дальнобойный лук, ранее распространенный в Центральной Азии, в том числе у сюнну, возможно, привнесен в Европу гуннским нашествием³¹⁷.

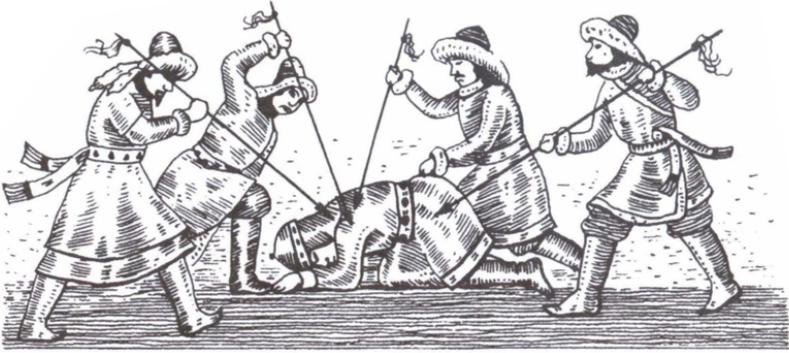
Явная преемственность между сюнну и гуннами прослеживается в основном только в этих трех типах вещей, причем в качестве маркеров пути могут рассматриваться лишь котлы. Но возможно, сюнну, скитаясь по Средней Азии, утратили многие черты своей материальной культуры эпохи империи. Тогда показательно, что они сохранили неизменными именно котлы, которые, возможно, имели не бытовое, а культовое назначение — ритуальные предметы не слишком подвержены моде.

Правда, как мы уже говорили, повторяя слова М. Фрачетти, далеко не всегда известно, что перемешалось — люди или артефакты. Те же котлы могли передаваться из рук в руки, «мода» на их форму могла распространяться по степи — при этом совсем не обязательно путешествовали сами ее авторы.

Тем не менее сегодня многие специалисты считают, что сюнну так или иначе прошли по Азии от границ Китая до Урала и Волги и в IV веке ворвались в степи Приазовья и Прикубанья уже под новым именем «гунны». Впрочем, напомним, что еще шаньюй Улэй, пойдя на поводу у китайцев, согласился «изменить название сюнну на гунну»³¹⁸. Перейдя границы Европы, захватчики неожиданно быстро сформировали кочевую державу, положив начало эпохе Великого переселения народов и довершив крах Римской империи.

Но европейским гуннам посвящена другая наша книга. Сейчас же мы рассказываем об азиатских сюнну, история которых не закончилась разгромом северных сюнну и уходом некоторых из них на запад. Ведь южные сюнну остались жить под владычеством Китая и успели свершить на его территории еще немало исторически значимых деяний.

Глава 11 Южные сюнну

В конце I века Хань сосредоточила все свои усилия на уничтожении и изгнании северных сюнну и преуспела в этом. Но вскоре южные сюнну, которые уже давно считались верными подданными империи, преподнесли ей ряд неприятных сюрпризов. К этому времени, по сообщению Фань Е, «численность [населения] южных кочевий, которые несколько раз одерживали победы и захватывали пленных, а также принимали перебежчиков, очень возросла и составила 34 тыс. семейств, 237 300 душ и 50 170 отборных воинов». Поэтому если раньше для надзора за ними хватало двух чиновников, то теперь ведающий ими сановник «из-за многочисленности новых перебежчиков представил императору доклад с просьбой увеличить количество чиновников до 12»³¹⁹. Но эта мера не помогла — сюнну надолго вышли из-под контроля.

Смута, как уже бывало у сюнну, началась с династических конфликтов — в 93 году, после смерти очередного правителя, на престол взошел младший брат одного из предыдущих шаньюев по имени Аньго. Он приходился внуком Хуханье II и племянником своему предшественнику и имел все основания претендовать на власть. Но в точно таких же родствен-

ных отношениях с предыдущими владыками находился еще один претендент на престол, по имени Ши-цзы. Аньго, по словам Фань Е, «не был ничем знаменит», что же касается Ши-цзы, то он «всегда отличался храбростью и большими знаниями», за что был любим народом и Сыном Неба. Но Ши-цзы был знаменит не только знаниями — *хусцы*, которые жили за укрепленной линией, «неоднократно подвергались грабежам со стороны Ши-цзы, а поэтому большинство из них были злы на него».

Аньго решил воспользоваться этим и вступил в сговор с перебежчиками из числа обиженных на Ши-цзы *хусцев*, чтобы уничтожить возможного соперника. Китайские сановники увидев, что шаньюй «отдаляется от старых *хусцев* и сближается с новыми перебежчиками», заподозрили его в измене. В ставку Аньго были направлены войска, и шаньюй в панике бежал. Теперь уже трудно сказать, действительно ли он замыслил восстание, или его оклеветали. Во всяком случае, вместо того, чтобы выяснить отношения с Поднебесной, он собрал своих воинов и отправился в поход на Ши-цзы. Китайцы послали специального чиновника, чтобы помирить двоюродных братьев, но Аньго не захотел мириться. Тогда против него выступила китайская армия, и его собственные приближенные, «опасаясь, что их казнят вместе с шаньюем, убили Аньго».

В 94 году на сюннуский престол взошел Ши-цзы, но мир среди кочевников был нарушен. Сначала на нового шаньюя напали давно ненавидевшие его перебежчики — количество их не превышало шести сотен, но Ши-цзы, несмотря на свою прославленную храбрость и «большие знания», не сумел дать им отпор, и за него пришлось вступаться «чиновнику-умиротворителю» со своими воинами. Тогда «вновь перешедшие *хусцы* стали пугать других», и вскоре пятнадцать кочевий численностью более 200 тысяч человек подняли восстание. Судя по тому, что Фань Е оценил численность южных кочевий в 90 году в «237 300 душ» и за четыре года она не могла слишком сильно увеличиться, к бунтовщикам примкнула подавляющая часть сюнну. Бунтовали они против своего шаньюя и китайцев сразу. Восставшие «перебили и захватили в плен [пограничных] чиновников и народ, сожгли почтовые станции и юрты и, собрав обозы, направились в [округ] Шофан, намереваясь

перейти оттуда в земли к северу от пустыни». На престол они возвели шаньюя Пэнхоу, одного из внуков Хухань II.

История повторялась — как и во времена обоих Хухань, сюнну разделились на тех, кто обитал на юге, под эгидой Хань, и на тех, кто жил севернее и совершал набеги как на своих соплеменников, так и на ханьцев... Мятежный Пэнхоу тревожил границы Поднебесной больше двадцати лет, пока в 117 году его не разбили *сяньбийцы*. «...Его народ рассеялся и перешел на сторону северных варваров», а сам Пэнхоу во главе крохотного отряда в сто с лишним всадников бежал в Шофан и изъявил покорность Хань.

Но пока этого не произошло, пример вольного Пэнхоу не давал покоя южным сюнну, и в 109 году их очередной шаньюй Ваньши шичжу ти, по имени Тань, замыслил измену. Сделал он это не самым этичным образом — шаньюй прибыл в качестве гостя в императорский дворец, где изъявил покорность Хань и, надо полагать, по традиции получил немалые подарки. Здесь он познакомился с неким китайцем, который сказал шаньюю: «В землях к востоку от заставы произошло наводнение, все население вымерло от голода, поэтому можно напасть [на Хань]». Тань воспользовался этой информацией, заключил союз с *ухуанями*, поднял восстание и стал грабить пограничные округа. Война длилась несколько месяцев, но в конце концов, после ряда серьезных поражений, шаньюй «отправил посла, изъявляя желание сдаться». Без головного убора, босиком, со связанными за спиной руками шаньюй совершил земной поклон перед ханьскими полководцами, «признав, что совершил преступление, за которое заслуживает смерти». Впрочем, смерть ему не грозила — китайцы всегда были милосердны к сдавшимся врагам. «Император простил шаньюя и стал относиться к нему, как прежде»³²⁰.

Однако сюнну, почувствовав свою возрождающуюся силу (а точнее, усугубляющуюся слабость Хань), уже не хотели относиться к своим южным соседям «как прежде». В течение нескольких последующих десятилетий в пограничных округах периодически вспыхивали восстания. Иногда их возглавлял очередной шаньюй; иногда бунтовщиком оказывался кто-то из его сановников, а шаньюй, напротив, помогал Хань подавить восстание. Но положение самого шаньюя те-

перь уже не было таким незыблемым как раньше, и свержение сюннуского правителя его соплеменниками или низложение китайским наместником стали обычным делом.

После падения державы сюнну власть в степи перешла к племенам *сяньби*, которые создали к северо-западу от Поднебесной огромную, хотя и не слишком централизованную кочевую империю. *Сяньбийцы* нападали на южные кочевья, и сюнну, вместе с войсками Хань, были вынуждены отражать эти набеги. Но случалось, что очередной сюннуский мятежник объединялся с *сяньби*. Фань Е пишет, что в 158 году, в правление шаньюя Цзюйчэра, «все кочевья южного шаньюя подняли восстание и стали производить набеги на девять пограничных округов совместно с *ухуанями* и *сяньбийцами*». Ханьский полководец Чжан Хуань выступил в поход против восставших, и тогда «все кочевья шаньюя изъявили покорность». Сам шаньюй был взят под стражу за то, что «оказался не в состоянии управлять делами государства». Чжан Хуань собирался назначить другого шаньюя, но император Хуань-ди воспротивился. Он заявил: «Цзюйчээр всей душой стремился встать на правильный путь, за какое же преступление лишать его престола? Его следует возвратить обратно»³²¹.

Поучения Сына Неба не пошли на пользу сановникам, и в 179 году ханьский военачальник Чжан Сю, поссорившись с шаньюем Хучжэном, «убил его и самовольно возвел на престол шаньюя правого сянь-вана Цянцзюя». Чжан Сю заплатил за такое самоуправство: он был арестован, доставлен в столицу в клетке и казнен. Однако его ставленник Цянцзюй остался на сюннуском престоле. Впрочем, он тоже не удержался на нем и в 188 был убит собственными соплеменниками, которым не понравилось, что шаньюй посылает войска на подмогу Хань для подавления крестьянского «восстания желтых повязок» и для борьбы с набегами *сяньбийцев*.

Сын Цянцзюя по имени Юйфуло, который и был послан на помощь императору во главе сюннуского войска, не возвратился на родину — он «остался с войсками в Хань и самовольно вступил на престол шаньюя». Тем временем соотечественники, убившие его отца, взбунтовались и «с общего согласия возвели на престол шаньюя гудухоу из фамилии Сюйбу». Юйфуло остался в Хань, а его соперник с несколь-

кими тысячами всадников присоединился к мятежникам, которые еще в 184 году подняли в Китае «восстание желтых повязок» и захватили значительную часть страны — начатая ими крестьянская война полыхала около двадцати лет. Впрочем, мятежный шаньюй скоро умер, но трон его оставался свободным, «а государственными делами управляли старые князья». Что же касается Юйфуло, то он, воспользовавшись смутой и гражданской войной, «совершал грабительские набеги» на земли, лежащие к востоку от Ордоса³²².

Разброд и безвластие, царившие среди сюнну, были косвенным откликом на те беспорядки, которые давно уже происходили в Поднебесной. Империю разъедала коррупция, при дворе возникали непрерывные заговоры, в стране вспыхивал бунт за бунтом, а императорская власть слабела на глазах. Не в силах навести порядок даже в центре Срединного государства, Хань тем более не могла справиться с окраинами, населенными кочевниками. В стране разразилось «восстание желтых повязок» — оно было подавлено, но крестьянская война продолжалась, а ханьский двор потерял контроль над страной. В 189 году умер Лин-ди, который был, по сути, последним (и далеко не лучшим) властителем Поздней Хань. После него формально династия существовала еще около тридцати лет, но в стране не прекращались беспорядки, а император был вынужден покинуть столицу и жить в ставке своего полководца Цао Цао, пока в 220 году старший сын последнего Цао Пи не заставил этого номинального владыку отречься и не провозгласил воцарение династии Цао Вэй. Впрочем, сам Цао Цао, хотя и не объявлял себя императором, позднее, уже после смерти, тоже получил титул «Вэй У-ди» — император У династии Вэй. Но подчинить своей власти всю страну новые правители не смогли. После того как на престол возшел Цао Пи, Поднебесная распалась на три царства: Вэй, Шу и У (в историю Китая этот период вошел как Троецарствие).

Еще до окончания гражданской войны, несмотря на то что у китайцев в те годы хватало своих внутренних проблем, они понимали, что сюнну могут стать для них источником дополнительных бедствий. Китайский историк VII века Фан Сюаньин писал: «По прошествии многих лет количество [сюн-

нуских] дворов постепенно увеличилось, они заполнили все северные земли, и ими стало трудно управлять. В конце династии Поздняя Хань, когда в Поднебесной происходили большие волнения, сановники наперебой говорили, что хусцев слишком много, и выражали опасения, что они непременно займутся разбоем, поэтому против них следует заранее принимать меры обороны»³²³.

Опасения оказались вполне оправданными. Сюнну не слишком активно участвовали в гражданской войне как таковой, но они действительно воспользовались воцарившимся в империи хаосом и умножили свои грабительские набеги. Один из таких набегов описан в поэме знаменитой китайской поэтессы Цай Янь (она же Цай Вэньци). Об ужасах сюннуских нашествий Цай знала не понаслышке: после того как, по ее словам, «Поздняя Хань потеряла рычаги власти», город, где жила поэтесса, был разорен кочевниками, и она вместе с другими мирными жителями была угнана в степь и стала женой или наложницей одного из победителей. Цай писала:

На равнине люди нежные и слабые,
Пришедшее войско — все хусцы и цяны.
Охотились в поле, осаждали города,
Куда бы ни направились — все было уничтожено.
Рубили и резали, не оставили ни одного.
Трупы и кости подпирают и отталкивают друг друга.
На боку лошади висят мужские головы,
Позади лошади ведут жен.
(...)
Пленных — десятки тысяч,
Не удастся собрать всех воедино.

Цай создала свою поэму через много лет после набега — она провела в степи двенадцать лет, родила своему сюннускому мужу двоих детей и в конце концов вернулась на родину. Но за эти годы она не стала теплее относиться ни к новым родственникам, ни к их стране. Она вспоминает:

Все время говорят несчастным поверженным пленникам:
«Следует их зарубить мечами!
Мы вас не оставим в живых!»

Разве осмелятся они пожалеть жизнь?

Их ругань невыносима.

Некоторые еще и добавляют удары палкой.

(...)

Область запустелая, на Китай непохожая;

Люди грубые, с нехваткой чувства долга и принципов;

Место проживания все в инее и снегу,

Варварский ветер дует весной и летом³²⁴.

Еще в последние годы Хань фактический правитель страны Цао Цао принимал меры для того, чтобы как-то обуздать северных соседей. Он «разделил сюнну на пять частей, поставив во главе каждой части наиболее знатного из них в качестве вождя, назначил ханьцев на должности командующих войсками и поставил их надзирать за [вождями]»³²⁵. Таким образом, даже остаткам сюннуского самоуправления и единства и пришел конец. Теперь у них вместо единого шаньюя было пять правителей. Как позднее жаловались сами сюнну, с этого времени «шаньюи носили пустой титул, они уже не имели владения площадью хотя бы в один чи, а все, начиная от носящих титулы ванов и хоу, были низведены до положения дворов, учитываемых в подворных списках»³²⁶. Общая численность сюнну, живших в пределах Поднебесной, в этот период превышала 200 000 человек³²⁷. Администрация царства Вэй, на территории которого оказались практически все занятые сюнну земли, продолжала политику их дробления: «поскольку одно кочевье было слишком сильным, его разделили между тремя вождями», а позднее «количество вождей было увеличено до четырех»³²⁸.

Однако все эти меры мало что могли дать, пока не было порядка в самом Китае или хотя бы в царстве Вэй. Царство это было самым крупным и сильным из трех государств, на которые распалась Поднебесная. Но уже через два десятилетия после основания новой династии началась борьба между родом Цао, к которому принадлежали правители Вэй, и родом Сыма, и в 265 году трон перешел к Сыма Янью (посмертное имя У-ди). Так была основана династия Цзинь (и одноименная империя, которая вошла в историю как Западная Цзинь). Раздираемое династической борьбой государство тем не менее вело войны со своими соседями по Поднебес-

ной: в 263 году под его ударами пало царство Шу, а в 280 — царство У. Китай снова стал единым. Но контроль над сюнну за это время был изрядно ослаблен.

В 271 году шаньюй Лю Мэн поднял восстание и ушел за укрепленную линию. Войско его было так сильно, что полководец, посланный на усмирение бунтовщика, не решился с ним сразиться и подослал к мятежному шаньюю убийцу. Фан Сюаньин писал: «После этого, содрогнувшись от страха, сюнну изъявили покорность и много лет не смели поднимать мятежи». Но годы спокойствия были, видимо, не слишком продолжительными, потому что уже в следующей фразе историк сообщает: «Позднее они в гневе перебили старших чиновников и постепенно превратились в источник бедствий на границах»³²⁹.

В 294 году поднял восстание сюннусец Хао Сань — он подчинил себе два округа. Мятеж был подавлен, но на следующий год младший брат Хао Саня «во главе *цянов* и *хусцев*, живших в округах Фэнъи и Бэйди» занял еще два округа. «После этого северные *дисцы* постепенно усилились, а на Центральной равнине вспыхнули беспорядки»³³⁰.

Варвары, которых ханьцы в свое время сами переселили в пределы укрепленной линии, рассчитывая на их покорность, теперь стали источником постоянной напряженности. В 90-е годы III века Цзян Тун, сановник молодой династии Цзинь, выступил с предложением выдворить всех переселенцев обратно, за границы Поднебесной. Он писал:

«Земли среди четырех морей обширны, чиновники и народ богаты, разве можно позволить разбойникам-варварам жить здесь, ведь со временем они захватят и земли, и богатство. (...) Следует издать указ о высылке [варваров] и возвращении их на прежние земли. Они перестанут тревожиться, что мы задерживаем их, удовлетворят свою тоску по родным местам...»³³¹

Проект этот не был принят. Впрочем, сами варвары тоже отнюдь не страдали от избыточной ностальгии. Напротив, многие из тех, что обитали за пределами укрепленной линии, добровольно переходили на жительство в Китай. Ведь ко второй половине III века в степях на север от границы скопилось довольно много сюннуских кочевий, которые так или иначе отпали от своих южных сородичей, живших под эгидой империи.

Вскоре после воцарения династии Цзинь в землях, лежащих за укрепленной линией, произошло сильное наводнение, и огромное количество сюнну — свыше 20 тысяч юрт — явились к границам Поднебесной с изъявлением покорности. Фан Сюаньлин сообщает: «Император снова принял их, повелев жить под бывшим городом Иян в землях к западу от Хуанхэ. В дальнейшем сюнну опять стали жить среди цзиньцев в округах Пинъян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандан и Лэпин»³³². С учетом этих переселенцев численность сюнну, живших непосредственно в Китае, возросла как минимум до 340 тысяч человек³³³.

А народ продолжал прибывать. В 284 году «сюннуский хусец Тайахоу во главе своего кочевья, насчитывавшего 29 тыс. 300 человек, изъявил покорность». В 286 году его примеру последовали два сюннуских вождя «во главе более ста тысяч соплеменников, считая старых и малых». На следующий год с изъявлением покорности явились еще 11 500 человек. Они имели с собой «22 тыс. голов крупного рогатого скота, 105 тыс. овец, неисчислимое количество повозок, ослов и различного имущества». «Все они поднесли дань, состоявшую из производимых в их землях предметов. Император ласково их принял»³³⁴.

Властителям из дома Цзинь, вероятно, не была знакома латинская поговорка «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Но все случилось в точности по ней. Конечно, власть в империи Западная Цзинь и без варваров была не слишком крепка: начиная с 290 года там разгорелась длительная междоусобная борьба, получившая название «мятеж восьми князей». Возможно, китайцы, несмотря на внутренние усобицы, и сохранили бы государственную целостность, однако кочевники, обитавшие на севере Поднебесной, воспользовались и ослаблением центральной власти, и своей многочисленностью. Сбылись самые мрачные предсказания Цзян Туна, который так и не уговорил императоров дома Цзинь переселить варваров, и в их числе «жестоких и злых разбойников-сюнну», подальше в степь. Цзян Тун писал:

«Ныне численность пяти частей сюнну дошла до нескольких десятков тысяч дворов, а количество людей превосходит количество западных жунов. По природе своей они смелы,

в искусстве пользоваться луком и ездить на коне вдвое превосходят *дисцев* и *цянов*. В случае, если неожиданно поднимется пыль от копыт их лошадей, область Бинчжоу оцепенеет от ужаса»³³⁵.

Примерно так оно и случилось.

Надо сказать, что к этому времени у сюнну, живущих на территории Поднебесной, не было особых оснований любить ханьцев (так, несмотря на смену династии, продолжали называть и по сей день называют коренных китайцев). Недаром один из сюннуских воевод говорил: «Династия Цзинь творит беззакония, управляет нами, как рабами»³³⁶. Кстати, в эпоху Западной Цзинь кочевники, даже обитавшие на территории Поднебесной и бывшие вполне лояльными и законопослушными императорскими подданными, имели все шансы угодить в самое настоящее рабство по воле чиновников. По сообщению Фан Сюаньлина, на рубеже III и IV веков сановник Янь Цуй, «имевший звание военачальника, проявившего величие», предложил правителю области Бинчжоу «ловить хусцев в землях к востоку от гор и продавать их для покрытия военных расходов», что и было весьма успешно исполнено³³⁷.

Китайцы всегда презрительно относились к «северным варварам», но теперь даже само слово «ху» приобрело оскорбительный смысл³³⁸. Однако, презирая варваров, китайские князья, вовлеченные в междоусобную борьбу, сами приглашали к себе их войска и тем самым открывали им доступ во внутренние районы страны.

В 304 году сюннуский военачальник Лю Юаньхай под видом помощи младшему брату императора, Сыма Ину, собрал в северных провинциях огромную 100-тысячную армию и объявил себя независимым ваном, а потом и императором. Так начался период «Шестнадцати государств пяти северных племен», который продолжался до середины V века. В это время северная часть Поднебесной оказалась раздробленной на несколько царств, во главе большинства из которых стояли варварские властители. Четыре из них: Северная Хань (известна также как Раннее Чжао), Северная Лян, Ся и Позднее Чжао — принадлежали сюнну.

Глава 12 Варвары на тронах Поднебесной

Лю Юаньхай (Юань)³³⁹, первый северный варвар, взошедший на трон Поднебесной, был уроженцем уезда Синьсин, расположенного в районе юго-восточного входа в Ганьсуский проход. Он приходился прямым потомком Маодуню, который, как известно, был женат на китаянке, — напомним, что ее, под видом своей дочери, император Гао-ди прислал создателю сюннуской державы. Кем бы ни была эта девушка по происхождению, перед тем, как она отправилась в степь, ей были пожалованы титул принцессы и фамилия Лю, которую носили члены императорского рода династии Хань. И позднее потомки Маодуня на правах родственников Хань охотно пользовались этой фамилией (в том числе и те, что происходили от сюннуских жен шаньюя). Когда Цао Цао в начале II века разделил сюнну на пять частей, во главе каждой из них он поставил вождя, носившего фамилию Лю. Одним из этих вождей стал Лю Бао — сын шаньюя Юйфуло и отец Лю Юаньхая.

Рождению будущего императора предшествовало немало замечательных знамений. Еще до его зачатия жена Лю Бао совершала жертвоприношения в ущелье Лунмынь, молясь

о даровании сына. Ущелье это, в котором протекает Хуанхэ, славилось тем, что рыбы, сумевшие его преодолеть, превращались в драконов. И одна такая рыба — вероятно, уже в стадии превращения — действительно явилась будущей матери. Фан Сюаньлин пишет: «Неожиданно появилась большая рыба, на голове которой было два рога. Двигая плавниками и шевеля чешуей, рыба подплыла к месту жертвоприношения и уплыла только по прошествии длительного времени». Знамение это было сочтено благим, тем более что в ту же ночь замечательная рыба явилась женщине во сне, обратилась в человека и вручила ей «предмет размером с половину куриного яйца, испускавший необыкновенный свет», — как выяснилось, это была «сердцевина солнца». Теперь уж стало окончательно ясно, что у супруги Лю Бао родятся знатные дети и внуки, «которые обязательно будут процветать в трех поколениях».

Касательно процветания в трех поколениях предсказатели явно ошиблись, потому что уже во втором поколении у потомком Лю Бао начались серьезные неприятности: три из пяти сыновей Лю Юаньхая пали в междоусобной борьбе за трон. А в третьем поколении их династия была уничтожена, и все мужчины и женщины из рода Лю, независимо от возраста, — обезглавлены. Могилы Лю Юаньхая и его сына и наследника были разрыты, а их храм предков сожжен. И «бесприютные души умерших громко рыдали, и звуки рыданий были слышны на сто ли окрест...»³⁴⁰ Но в том, что касается самого Лю Юаньхая (по крайней мере, при жизни), замечательная рыба из ущелья Лунмынь оказалась права.

Будущий император с детства отличался редкостным умом и прилежанием. Если верить Фан Сюаньлину, «он изучал Ши-цзин (“Книга песен”) в редакции Мао, И-цзин (“Книга перемен”) в редакции Цзин Фана, Шан-шу в редакции Ма. Особенно любил летопись Чунь-цю в редакции Цзо Цюмина, военные трактаты Сунь-цзы и У-цзы, которые знал почти наизусть. Основательно прочел все исторические сочинения и сочинения ханьских философов».

Такие глубокие гуманитарные интересы полностью противоречат всему тому, что надменные жители Поднебесной обыкновенно сообщали нам о диких варварах-сюнну. Но Лю

Юаньхай не был обычным сюнну. Достаточно сказать, что рост будущего императора, согласно Фан Сюаньлину, превышал два с половиной метра, а длина усов составляла около метра, причем в каждом усе имелось по три рыжих волоска, которые были еще длиннее³⁴¹. Внешность эта была не только предзнаменованием счастливой судьбы, но и ее причиной. Дело в том, что в Китае имелось немало людей, умевших предсказывать будущность человека по его наружности. Видя необыкновенный рост и замечательные усы Лю Юаньхая, они немедленно проникались к нему глубоким уважением и начинали «уступать ему свои должности, оказывать ему услуги, крепя с ним дружбу». А влиятельный китайский сановник Ван Хунь «от всего сердца стремился стать другом Лю Юаньхая и приказал своему сыну Ван Цзи совершать перед ним поклоны». Ван Цзи был почтительным сыном; необходимость кланяться варвару не отвратила его от Лю Юаньхая, напротив, впоследствии он рекомендовал его императору как человека с «гражданскими и военными способностями».

Как сын шаньюя, Лю Юаньхай жил при дворе последнего императора династии Вэй, и тот «очень хорошо относился к нему». Когда же династия поменялась, Ван Хунь рассказал новому императору о своем друге, и Сыма Янь (У-ди), основатель династии Цзинь, пожелал увидеть необыкновенного варвара. Сын Неба пригласил Лю Юаньхая во дворец, поговорил с ним и «остался весьма доволен» его внешностью, умом и умением вести беседу.

Лю Юаньхай сумел пленить не только императора, но и некоторых его ближайших сановников. Ван Цзи (тот самый, который по приказу отца должен был совершать поклоны перед молодым сюннусцем) предложил отправить его на завоевание царства У. Правда, эта идея вызвала сопротивление со стороны других царедворцев. Они предположили, что Лю Юаньхай «несомненно, вынашивает в сердце измену», и заявили: «Даже то, что он поставлен во главе части [сюннусцев], должно, по слабому нашему разумению, вызывать дрожь в сердце Вашего Величества. А уж выделить и отдать ему укрепленные самим Небом земли, вероятно, и вовсе невозможно!» Император одобрил обе точки зрения, но послать сюннусца в царство У не стал.

Вскоре у основателя династии Цзинь возникла другая проблема: области Циньчжоу и Лянчжоу были захвачены *сяньбийским* вождем Шуцзинэном, «отличавшимся мужеством и вынашивавшим многочисленные планы». Сяньбиец оказался настолько опасен для Поднебесной, что «император У-ди не мог из-за него вовремя поесть»³⁴². При дворе была высказана идея «временно предоставить Лю Юаньхаю звание военачальника, чтобы он под барабанный бой двинулся на запад» — это должно было привести к «полному искоренению бедствий». Но другой сановник заявил: «Если Лю Юаньхай сможет усмирить область Лянчжоу и обезглавить Шуцзинэна, боюсь, именно тогда в области Лянчжоу и возникнут затруднения. Ведь дракон, попавший в дождевые тучи, уже не тот, что когда-то жил в пруду».

Император не стал посылать Лю Юаньхая на усмирение *сяньбийцев*, но тем не менее допустил этого «дракона» в «дождевые тучи»: Лю Юаньхаю было пожаловано звание главного воеводы правой части сюннусцев. Впрочем, поначалу молодой воевода был вполне лоялен императору — он занимался в основном тем, что исправлял законы и «искоренял пороки», и к нему, наслышанные о его добродетелях, являлись на поклон не только сюннуские вожди, но и «известные конфуцианцы и лишенные пристанища прекрасные ученые». Вскоре Лю Юаньхаю было пожаловано звание «военачальника, явившего величие».

В 290 году император Сыма Янь умер, и при дворе началась яростная борьба за власть. Новый владыка Поднебесной Хуэй-ди, как пишет Фан Сюаньлин, «выпустил из рук дела управления» (справедливости ради надо сказать, что он никогда и не держал их в своих руках), и в стране «зароились, как пчелы, шайки разбойников и воров». Подвластные Лю Юаньхаю кочевья «подняли восстание и бежали за укрепленную линию», и «военачальник, явивший величие» был освобожден от должности. Но опала длилась недолго, и он получил звание «военачальника — замирителя севера», кроме того, «его поставили надзирать за военными делами пяти частей сюннусцев».

Доверие Цзинь к даровитому варвару трудно объяснить рациональными причинами, как, впрочем, и поведение са-

мого Лю Юаньхая, который не обременял себя проявлениями преданности или хотя бы минимальной осторожностью. Когда знаменитый китайский повстанец (а точнее, разбойник) Ван Ми потерпел поражение при попытке взять цзиньскую столицу и собрался отойти на восток, Лю Юаньхай устроил для него прощальное угощение на берегу Хуанхэ. Предвидя расставание со своим другом, он плакал пьяными слезами. Правда, несмотря на дружбу с мятежником, Лю Юаньхай в то же время переживал за свою репутацию в глазах императора. Проливая слезы на берегу Хуанхэ, он говорил Ван Ми: «...Вместе [с похвалами] до императора доходит и клевета. Это глубоко противоречит моим желаниям и может только причинить мне вред. Я не мечтаю о карьере, но вы один понимаете это».

Вести о том, что «замиритель севера» пирует в обществе осаждавшего столицу разбойника, дошли до императора. Но Хуэй-ди доверился сановнику, который взял варвара под свое поручительство, заявив: «Разве можно, основываясь на неясных сомнениях, убивать сына шаньюя, присланного прислуживать императору, и показывать этим, что добродетели династии Цзинь невелики!» В это время умер Лю Бао, и император, проникнувшись мыслью о добродетелях Цзинь, поставил сына на место отца, сделав Лю Юаньхая вождем правой части сюннуских кочевий.

Впрочем, неизвестно, кто именно принимал эти решения: император Хуэй-ди мало что значил в собственном государстве — за него правили регенты и жена. Но и им было не до правления, потому что борьба за власть при дворе приняла угрожающие размеры: интриги и убийства перешли в прямое военное противостояние враждующих группировок. И тогда сюннуские вожди собрались и постановили:

«Ныне в роду Сыма кровные родственники истребляют друг друга, а в землях среди четырех морей царит смута, они бурлят, словно кипящая в котле вода; настало время для возрождения нашего государства и восстановления нашего наследия. (...) Лю Юаньхай превосходит талантами окружающих, а по деловым качествам возвышается над всеми современниками, и, если бы Небо не хотело снова возвеличить шаньюя, оно никогда не породило бы этого человека».

На тайном собрании Лю Юаньхай был избран на пост великого шаньюя сюнну. Но сам он об этом еще не знал: в те дни он, забыв недавнюю верность императору, пребывал в городе Е рядом с мятежным принцем Сыма Ином — участником «смуты восьми князей». Вместе со своим новым покровителем Лю Юаньхай бился с императорскими войсками и последовательно заслужил звания «командира конного отряда», «военачальника, помогающего государству» и, наконец, «военачальника, превосходящего всех в войсках». Когда гонец принес ему тайную весть о том, что он избран великим шаньюем, Лю Юаньхай испросил позволения вернуться к своему народу, «чтобы быть похороненным в одной могиле со своими предками». Сыма Ин такого разрешения не дал (впрочем, просьба выглядела не слишком убедительно, потому что Лю Юаньхай в то время было немногим более, если не менее пятидесяти лет). Но вскоре на мятежников, которые до сих пор успешно противостояли императорским войскам, двинулась стотысячная армия, и военачальник повторил свою просьбу — на этот раз он мотивировал ее тем, что может «убедить пять частей суннусцев выступить на помощь государству, переживающему бедствия».

Поднебесная в те годы действительно переживала бедствия, но принц Сыма Ин, разбивший шесть императорских армий и в конце концов взявший в плен самого Сына Неба, был виновен в этих бедствиях не менее других. Однако он прельстился обещанием Лю Юаньхая обезглавить его противников и вывесить их головы на шестах. Тем более что суннусец польстил принцу, заявив о его «исключительных заслугах перед императорским домом» и возгласив: «Живущие в землях среди четырех морей относятся к вам с благоговением, и кто не мечтает отдать за вас свою жизнь и тело!» Растроганный Сыма Ин «поставил Лю Юаньхая северным шаньюем и привлек к обсуждению военных дел при своем главном помощнике», а затем отпустил для мобилизации суннуской армии.

Армию Лю Юаньхай действительно мобилизовал, причем очень быстро: в течение двадцати дней численность его войск возросла до 50 тысяч воинов, а вскоре была доведена до 100 тысяч. Тем временем Сыма Ин, лишившийся «военачальника,

чальника, превосходящего всех в войсках», был разбит и вместе со своим пленником-императором бежал в Лоян. Узнав о бегстве своего бывшего повелителя, Лю Юаньхай сказал: «...У него действительно рабская душонка», — однако, помня о данном Сыма Ину слове, вознамерился отомстить за принца и покарать *сяньбийцев*, которые участвовали в разгроме его войск. Но приближенные шаньюя воспротивились такому решению. Они заявили, что само Небо «гнушается добродетелями династии Цзинь» и хочет вручить власть кочевникам, что наступило время «возродить владения, созданные шаньюями Хуханье», а для этого надо не ссориться с *сяньбийцами*, а, напротив, привлечь на свою сторону их и *ухуаней*.

Вообще говоря, былые владения сюнну были завоеваны не шаньюями Хуханье, а Маодунем и Лаошаном, что же касается Хуханье I, равно как и Хуханье II, они, напротив, приняли вассальную зависимость от Китая. Но так или иначе, Лю Юаньхай проникся величием своей миссии. Он заявил:

«Прекрасно! Следует взяться за насыпку высокой горы или большого холма, не оставаться же небольшим холмиком! (...) У меня более ста тысяч воинов, каждый из которых может противостоять десяти цзиньцам, и, если я под барабанный бой двинусь сокрушить охваченную смутами династию Цзинь, сделаю это с легкостью, словно сломаю сухую ветку! При удаче я смогу создать государство, подобное созданному ханьским императором Гао-цзу, в худшем случае — не уступлю создателю династии Вэй. (...) К тому же я внук дома Хань, с которыми мы условились быть братьями, а когда умирает старший брат, ему наследует младший — так почему бы сейчас так не поступить! Следует пока принять [для владения] название Хань...»

Так в 304 году была создана династия Бэй-Хань (Северная Хань, позднее ее переименовали в Чжао). Лю Юаньхай вступил на престол под титулом Хань-вана и издал указ, в котором объявлял себя наследником ханьских императоров. Указ заканчивался словами:

«Ныне я недостойно выдвинут множеством благородных мужей, чтобы возродить по наследству владения, созданные тремя моими предками, но, сознавая свое неразумие, дрожу

от страха, не зная, что делать. Однако выпавший [на долю династии Хань] великий позор еще не смыт, у алтаря для жертвоприношений духам Земли и злаков нет хозяина. Я вынужден, чувствуя себя так, словно во рту у меня желчь и я сижу на льду, скрепя сердце принять общее предложение».

Затем Лю Юаньхай объявил на подведомственной ему территории амнистию, провозгласил свою жену императрицей, поставил чиновников, «главного помощника», главного цензора, главного воеводу, «великого блюстителя нравов» и сделал прочие назначения «в зависимости от заслуг». Первой столицей государства стал город Цзогочэн в провинции Шаньси.

Сначала территория новой империи была невелика, но после первого года правления Лю Юаньхай стал расширять границы своего государства. Он провел несколько успешных военных операций. Кроме того, ему добровольно изъявили покорность «вождь *дисцев*, великий шаньюй Чжэн» и старый товарищ, мятежник Ван Ми, который располагал армией в несколько десятков тысяч человек. Примкнул к нему и Ши Лэ — сын мелкого сюннуского вождя, попавший в рабство, создавший разбойничью шайку, прибывавшийся с ней к разного рода то ли повстанцам, то ли бандитам, которые во множестве появились в Поднебесной во времена смуты, и наконец осевший со своим семитысячным войском у Лю Юаньхая. Позднее этому человеку суждено было стать могильщиком существующей династии и основать на ее обломках свою собственную — Поздняя Чжао.

Скоро под властью самозванного императора находилась уже значительная часть Северного Китая. Столицу перенесли в город Пуцзы, а потом в Пинъян. Последний переезд был совершен по совету «великого астролога» (так называлась придворная должность, вне зависимости от степени величия ее носителя), который заявил: «Вы, Ваше Величество, вознеслись, как дракон, и воспарили, подобно фениксу, поскольку неожиданно получили мандат Неба. Однако остатки династии Цзинь еще не уничтожены, и вам приходится жить в захолустье». Предсказатель обещал, что не позднее чем через три года его владыка сможет перебраться в Лоян (который в то время был столицей Цзинь); пока же он предлагал

удовлетвориться Пинъяном — этот город был рекомендован, поскольку над ним появилось знамение: «багровые, благовещие пары».

«Великий астролог» оказался прав наполовину: через три года, в 311 году, войска Северной Хань действительно вошли в Лоян. Но Лю Юаньхай этого уже не увидел — он умер незадолго до взятия города³⁴³.

Наследовавший Лю Юаньхаю его сын Лю Хэ тоже не смог похвастаться взятием цзиньской столицы. Едва взойдя на трон, он решил во избежание смуты уничтожить всех своих братьев. Он отдал соответствующие приказы, и два его брата из четырех действительно были убиты, но один из оставшихся в живых, Лю Цун, уничтожил самого Лю Хэ и в 310 году стал императором Северной Хань³⁴⁴.

Лю Цун, подобно своему отцу, был славен среди сюнну как замечательными знаменьями, предвестившими его рождение, так и редкостной внешностью. Из левого уха у него рос белый, ярко блестящий волос длиной свыше 60 сантиметров; кроме того, он имел выдающиеся надбровные дуги — так называемое «драконообразное лицо» — знак того, что его обладателю суждено стать императором. Что же касается гуманитарных дарований, то он даже превзошел своего отца: «...был искусен в скорописи, хорошо сочинял, составил более ста лирических стихотворений и свыше пятидесяти од и гимнов»³⁴⁵.

В 311 году войска Лю Цуна осадили столицу Цзинь — Лоян. Ими предводительствовали Ван Ми, Ши Лэ и двоюродный брата сюннуского императора, по имени Лю Яо, носивший звание «военачальника, взлетающего к небу, как дракон». По сообщению Фан Сюаньлина, «в городе царил сильный голод, люди ели друг друга, чиновники разбежались, ни у кого не было желания обороняться». Лоян был разграблен, а император династии Цзинь Хуай-ди (взошедший на трон за четыре года до того) попал в плен³⁴⁶.

Поначалу Лю Цун милостиво отнесся к своему пленнику. Двух императоров, действующего и низверженного, связывало давнее знакомство: они встречались в гостях у Ван Цзи (того самого, что по приказу своего отца совершал поклоны перед Лю Юаньхаем). Ван Цзи стал не только влиятельным

сановником Цзинь, но и знатоком философии, и в его доме два будущих императора вместе занимались музыкой, поэзией и стрельбой из лука. Поэтому Лю Цун оставил приятеля в живых, поселил в своей столице, дал ему титул, должность левого дворцового советника и звание «особовыдвинутый» и даже предоставил право пользоваться церемониалом, предусмотренным для трех высших сановников государства. Теперь им снова случалось пировать, вспоминая молодость, и однажды, по завершении пиршества, Лю Цун подарил своему пленнику жену из императорского рода Лю — «малолетнюю Лю», предупредив: «Это внучка известного сановника, ныне в знак особого внимания дарю ее тебе в жены, ты должен хорошо относиться к ней»³⁴⁷.

Но потом что-то изменилось во взаимоотношениях Лю Цуна и его пленника (а возможно, изменился сам сюннуский император, который все больше погрязал в разврате и пьянстве). Однажды на пиру Лю Цун заставил Хуай-ди обносить присутствующих вином. Увидев унижение своего бывшего владыки, сановники, которые раньше служили Цзинь, а теперь оказались на службе у Лю Цуна, расплакались, и это вызвало недовольство императора. Так, через два с лишним века после того, как приближенные сюннуского шаньюя Хухань II плакали, видя унижение своего вождя перед ханьцами, роли поменялись, и слезы стали уделом китайских сановников. Но слезами их беды не ограничились. Вскоре кто-то сообщил императору, что эти же сановники замышляют измену, и он казнил их, а заодно отравил и Хуай-ди³⁴⁸.

Не менее печальна оказалась судьба другого цзиньского императора, Минь-ди, который взшел на трон после гибели своего предшественника. Его столица, Чанъань, пала под ударами Северной Хань в 316 году. Когда внешняя часть города была захвачена и шансов его отстоять не осталось, Минь-ди отправил нападающим письмо о капитуляции, «а сам с обнаженным плечом, ведя за собой овцу, таща колесницу с гробом и держа во рту яшму, вышел для сдачи». Лю Цун и ему сохранил жизнь и пожаловал титул и должность дворцового советника³⁴⁹. Но ни овца, ни яшма, ни гроб не спасли бывшего императора от самой жалкой участи: ему пришлось не столько давать советы своему повелителю,

сколько выполнять весьма унижительные поручения. Фан Сюаньлин пишет о Лю Цуне: «Разбойник-хусец не обладал человеколюбием, был таким же алчным, как шакалы и свиньи. Он сделал из Сына Неба слугу, разносящего чаши с вином, а когда ехал на колеснице, [Сын Неба] держал над ним зонт»³⁵⁰. История злополучного Хуай-ди повторилась почти в точности: Минь-ди довелось исполнять обязанности виночерпия и судомойки, а когда один из его бывших сановников расплакался, видя унижение своего бывшего императора, он был убит по приказу Лю Цуна³⁵¹. Позднее был по его же приказу убит и сам Минь-ди³⁵².

После того как последний император Цзинь стал рабом у сюнну, династия Цзинь прекратила свое существование, «посмертно» получив название Западной. Остатки цзиньского двора бежали на юг и основали династию Восточная Цзинь. А Северная Хань стала огромной империей, территория которой включала провинцию Шаньси, центральную и северо-восточную части провинции Шэньси, восточную часть провинции Ганьсу и северную часть провинции Хэнань³⁵³.

Фан Сюаньлин оставил сведения об административном аппарате, который Лю Цун установил в своей империи, и о том, сколько людей находилось в ведении каждого из крупных чиновников. Исходя из этих данных можно вычислить, что под властью Северной Хань проживало около 3,9 миллиона человек; из них 340 тысяч сюннусцев, 1,4 миллиона *цзесцев*, *сяньбийцев*, *дисцев*, *цянов* и *ухуаней* (впрочем, *цзесцев* некоторые исследователи тоже относят к сюнну³⁵⁴) и 2,1 миллиона собственно китайцев³⁵⁵.

Теперь сюнну, впервые за свою историю, столкнулись с делом, которого они очень долго умудрялись избегать, — с необходимостью управлять оседлым населением (это было сложно, если учесть, что, во-первых, сами сюнну никогда не жили оседло, а во-вторых, что ханьские крестьяне примерно в шесть раз превосходили их по численности). Сюнну решили эту проблему, полностью разграничив управление кочевниками и управление оседлыми жителями. У кочевников были свои чиновники, у китайцев — свои. В государстве насчитыв-

валось 200 тысяч юрт; во главе каждых десяти тысяч юрт стоял главный воевода, все они подчинялись двум помощникам шаньюя. Оседлое население насчитывало более 400 тысяч дворов, ими управляли 43 региональных чиновника, над которыми, в свою очередь, стояли два пристава по уголовным делам.

Китайцы, несмотря на то что во главе государства стоял кочевник, отнюдь не находились в бесправном положении, и это неудивительно, поскольку сюннуский император позиционировал себя как наследник Хань. При дворе было немало китайских сановников, которые пользовались большим влиянием. Однако к управлению кочевниками китайцев не допускали — они могли служить только в тех государственных органах, которые ведали оседлым населением³⁵⁶. Такую дуальную административную систему потом переняли у сюнну и другие варварские народы, захватывавшие власть в Поднебесной, — *кидани*, *чжурчжэни* и *маньчжуры*³⁵⁷.

Все это были вполне разумные реформы. Но, проведя четкие административные границы между кочевниками и китайцами, Лю Цун, а за ним и его преемники себя и своих приближенных уже не рассматривали как кочевников: они полностью переняли образ жизни, и прежде всего пороки побежденной китайской верхушки. Попав из юрт во дворцы, ошав от непривычной роскоши, они, так и не став китайцами, утрачивали связь и с собственным народом, передавая управление им в руки царедворцов, наложниц и евнухов.

Лю Юаньхай еще сумел удержаться от соблазнов: «... [при мысли о роскоши] у него колело сердце и болела голова, поэтому он одевался в грубый холст, не сидел на мягких подстилках, при нем покойные императрица и наложницы не носили одежд из шелка, и вопреки просьбам чиновников он построил только [для императора] Южный и [для императрицы] Северный дворцы»³⁵⁸.

Но уже Лю Цун возвел для себя и своего гарема «более сорока дворцов и высоких теремов», после чего затеял разорительное строительство новой башни для очередной императрицы. Начальник судебного приказа Чэнь Юаньда увещевал своего повелителя, доказывая, что «передний зал дворца Гуанцзидянь достаточен для приема правителей различных владений и угощения послов десяти тысяч государств, а на-

ходящиеся за ним дворцы Чжаодэдянь и Вэньминдянь могут вместить всех обитательниц женского дворца и двенадцать рангов наложниц». Он ссылался на то, что империю терзают голод и моровые язвы, что народ ропшет:

«Разве так ведет себя тот, кто отец и мать [народу]? С почтением услышав о том, что вы отдали указ о строительстве башни Хуаньилоу, я, ваш слуга, искренне был бы рад одобрить сооружение нового дворца для императрицы, но, поскольку великие беды еще не минули, с постройкой дворца поторопились. Затевать новое строительство поистине крайне нецелесообразно».

Однако Лю Цун не желал быть ни отцом, ни матерью для своего народа. Он пришел в страшный гнев и воскликнул: «Мы, стоящие во главе всех дел, задумали построить всего один дворец, разве будем спрашивать об этом тебя, подлую крысу?!» После этого он приказал «вывести Чэнь Юаньда и обезглавить его вместе с женой и детьми, а головы вывесить на восточной торговой площади, чтобы они оказались вместе, как живущие в одной норе крысы». Правда, выполнить этот приказ царедворцам не удалось: услышав его, мудрый Чэнь Юаньда немедленно приковал себя цепью к близлежащему дереву (разговор происходил в садовом павильоне). Потом за смельчака вступилась императрица, и Лю Цун раскаялся в своем гневе. Он даже приказал изменить название сада и павильона в честь своего сановника: теперь они назывались «Сад приема мудреца» и «Павильон стыда перед мудрецом»³⁵⁹.

Устыдившись намерения казнить честного сановника, Лю Цун отнюдь не устыдился своего образа жизни. Он наводнил дворцы огромным количеством наложниц, постоянно менял фавориток и возводил бывших служанок в ранг императриц³⁶⁰. Однажды его внимания удостоились сразу шесть дочерей и внучек одного из сановников — он немедленно дал всем шестерым ранги высших наложниц (в том числе левой и правой гуйбинь — следующий ранг после императрицы), после чего надолго заперся с ними во дворце. «Служители-камергеры докладывали ему обо всех делах, а решения по ним принимала левая гуйбинь»³⁶¹.

Впрочем, далеко не вся информация вообще могла достигнуть дворцов, где обитал сюннуский император, потому

что на страже его покоя стоял могущественный фаворит Ван Чэнь. Фан Сюаньлин пишет:

«Сам Лю Цун развлекался и пировал в Заднем дворце, из которого иногда не выходил по сто дней, поэтому все чиновники докладывали ему о делах через Ван Чэня. Однако Ван Чэнь в большинстве случаев не представлял докладов Лю Цуну, а принимал по ним самовольные решения. Поэтому случилось, что старых, заслуженных чиновников не заносили в списки награждаемых, а ничтожные, коварные и льстивые людишки через несколько дней занимали должности чиновников, получавших натуральное довольствие в размере двух тысяч даней зерна в год. Военные походы совершались ежегодно, но военачальников и воинов не награждали деньгами и тканями, в то время как всем обитателям Заднего дворца, вплоть до мелких служек, выдавали награды, каждый раз в размере нескольких сотен тысяч монет»³⁶².

Ван Чэнь поставил на ключевые государственные должности своих родственников и друзей, которые «вели роскошный образ жизни, отличались алчностью и вредили добропорядочному народу»³⁶³. Один из сановников жаловался: «Отбор на должности происходит под их давлением, кандидатов выбирают уже не по способностям, чиновников выдвигают в зависимости от связей, дела управления решаются взятками». Клевета на добросовестных чиновников и казни неугодных расшатывали государство. «В Пинъяне начался сильный голод, из каждого десятка пять-шесть человек бежали или умерли»³⁶⁴.

Не прекращались и самые мрачные знамения, которые предвещали беду. Так, по сообщению Фан Сюаньлина, в десяти ли от Пинъяна упала звезда, «а когда осмотрели место падения, нашли кусок мяса длиной в тридцать, а шириной в двадцать семь бу (1 бу в разное время равен был от 1,6 до 1,9 метра. — *Авт.*), от которого исходил вонючий запах, ощущаемый даже в Пинъяне. Около мяса был слышен плач, не прекращавшийся ни днем, ни ночью». Даже сам император был вынужден признать: «Отсутствие у нас добродетелей привело к такому необыкновенному явлению»³⁶⁵.

Но император ограничился разговорами, добродетельнее не стал, и знамения не прекращались. Вскоре после этого

одна из наложниц «родила змею и хищного зверя, которые, погубив по человеку, бежали»³⁶⁶. Над столицей проливались красные дожди³⁶⁷, «дочь правителя [одного из] округов превратилась в мужчину»³⁶⁸, а еще одна женщина «родила ребенка с двумя головами»³⁶⁹. В самом же императорском дворце «три ночи подряд плакали души умерших, причем звуки плача, достигнув управления правого пристава по уголовным делам, прекращались»³⁷⁰.

Дошло до того, что собака и свинья совокупились сначала перед воротами управления главного помощника государства, затем перед воротами дворца и, наконец, «перед воротами управлений пристава по уголовным делам и цензора». Нечестивые животные были одеты в головные уборы чиновников, а собака имела еще и «пояс и шнур для печати». Они пробрались в императорский дворец и поднялись к месту, на котором сидел Лю Цун, а потом «между ними вспыхнула драка, в которой обе погибли». Однако император «продолжал творить еще большие жестокости, а случившееся не напугало его и не было воспринято как предупреждение»³⁷¹.

Лю Цун умер в 318 году, пробыв на престоле девять лет. Наследником императора стал его сын Лю Цань, который при жизни отца занимал должность его «главного помощника». Он унаследовал от Лю Цуна пренебрежение к традициям кочевых предков, любовь к роскоши, женолюбие и полное равнодушие к государственным делам. Фан Сюаньлин так описывает его: «Имел склонность возводить дворцовые строения, поэтому дом главного помощника императора подходил на дворец императора, и, хотя Лю Цань занимал этот пост весьма короткое время, строительные работы не прекращались ни днем, ни ночью. Народ страдал от голода, поднимал мятежи от бедности, люди умирали один за другим, но Лю Цань никого не жалел». После смерти отца он немедленно пожаловал нескольким женщинам сразу титулы императриц и «с утра до вечера развратничал с ними во внутренних покоях, совершенно не проявляя скорби».

Все государственные и военные дела Лю Цань передал савоннику Цзинь Чжуню. Тот, подделав императорский указ, назначил своих братьев «военачальником колесниц и конни-

цы» и «военачальником, командующим охранной стражей дворца». После этого свержение императора уже не представляло никаких проблем; правление его продолжалось немногим более месяца.

«Цзинь Чжунь вошел во главе войск во дворец, поднялся в передний зал дворца Гуанцзидянь, приказал одетым в латы воинам схватить Лю Цаня и, перечислив совершенные им преступления, убил его. Все мужчины и женщины из рода Лю, независимо от возраста, были обезглавлены на восточной базарной площади. Могилы Лю Юаньхая и Лю Цуна были разрыты, а их храм предков сожжен. Бесприютные души умерших громко рыдали, и звуки рыданий были слышны на сто ли окрест»³⁷².

Цзинь Чжуню не удалось воспользоваться плодами своей победы — против него выступили со своими армиями военачальники и давние сподвижники Лю Цуна: его двоюродный брат Лю Яо и Ши Лэ. Цзинь Чжунь был убит своими же приближенными, которые поднесли Лю Яо «шесть переходящих императорских печатей». Так в 318 году на троне Хань оказался четвертый по счету император-сюннуец³⁷³.

Лю Яо, племянник и воспитанник Лю Юаньхая, был одним из тех, с кем Лю Цун начинал свою императорскую карьеру. В 311 году Лю Яо по приказу своего императора вместе с отрядами повстанцев-разбойников Ван Ми и Ши Лэ взял Лоян — тогдашнюю столицу Цзинь. С тех пор прошло около девяти лет. Ван Ми был давно убит своим сподвижником Ши Лэ, который теперь стал одним из первых лиц в государстве. И когда Лю Яо, уничтожив Цзинь Чжуня, взшел на трон Северной Хань, у Ши Лэ и с ним очень скоро возникли разногласия.

В 319 году Лю Яо изменил название своей династии на Чжао (в историю она вошла как Ранняя Чжао) и перенес столицу в Чанъань. Новое название имело давнюю предысторию. В далекой молодости Лю Яо, «опасаясь, что не найдет для себя места в мире, поселился отшельником в горах Цзяньчэньшань, где занимался игрой на цине и чтением книг». Здесь, как пишет Фан Сюаньлин, к нему явились два отрока и, ссылаясь на духа — правителя гор, — поднесли ему

волшебный меч и возгласили, что он станет императором династии Чжао. Взойдя на трон, Лю Яо вспомнил о предсказании и переименовал династию³⁷⁴ (именно переименовал, а не провозгласил создание новой, поэтому Северную Хань и Раннюю Чжао считают одной и той же династией). Впрочем, его правление от этого удачнее не стало — все оно прошло в непрерывной борьбе с Ши Лэ, который в том же году расколол государство и создал на занятой им территории собственную империю Чжао (династия Поздняя Чжао).

Борьба между двумя императорами длилась десять лет и закончилась победой Ши Лэ. Поражение, которое потерпел Лю Яо, было достаточно постыдным. Фан Сюаньлин пишет:

«Еще в отрочестве Лю Яо злоупотреблял вином, а в последние годы эта страсть еще усилилась. Когда подошел Ши Лэ, а Лю Яо готовился к сражению, он выпил несколько доу вина (доу равнялось 2 литрам. — *Авт.*). Лю Яо обычно ездил на рыжем коне, который вдруг без всякой причины захромал и не мог поднять головы; Лю пересел на маленького коня. Перед выездом Лю Яо снова выпил более одного доу вина. Когда Лю Яо подъехал к воротам Сиянмэнь, он взмахнул рукой, подавая войскам знак, чтобы они вышли на ровное место. Этим воспользовался военачальник Ши Лэ, Ши Кань, и войска Лю Яо обратились в бегство. Бежал и пьяный Лю Яо, но его лошадь провалилась в заваленную камнями канаву, он упал на лед, получил более десяти ран, из которых три сквозные, и был схвачен Ши Канем, который доставил его к Ши Лэ»³⁷⁵.

Вскоре Лю Яо был убит своим соперником, и в 329 году территории обоих государств объединились под властью основанной Ши Лэ династии Поздняя Чжао.

Ши Лэ³⁷⁶, пятый по счету сюннуский император, был уроженцем местности Цзе в провинции Шаньси. Некоторые исследователи выделяют *цзесцев* в отдельный кочевой народ, не имеющий прямого отношения к сюнну. Но существуют достаточно убедительные свидетельства того, что, как пишет В. С. Таскин, «цзесцы составляли одно из сюннуских кочевий»³⁷⁷. Так или иначе, по словам Фан Сюаньлина, предки

Ши Лэ «вели происхождение от отдельного сюннуского кочевья», в котором его дед и отец «были мелкими вождями». А сам Ши Лэ унаследовал свою империю от императоров-сюнну, поэтому, хотя Позднее Чжао и считают «цзеским» государством, ему и его правителю во всяком случае стоит уделить некоторое внимание в этой книге.

У Ши Лэ была весьма пестрая для кочевника биография. В подростковом возрасте он «занимался в Лояне торговлей вразнос», когда же он достиг поры возмужания, его отец «приказывал Ши Лэ заменять его в делах, связанных с надзором и управлением кочевьем». Впрочем, не вполне понятно, о каком кочевье могла идти речь, поскольку по крайней мере сам Ши Лэ жил оседло: Фан Сюаньлин описывает дом и сад, где прошла юность будущего императора. И работа его в те годы была странной для кочевника и тем более для сына вождя — он обрабатывал чужие поля. Потом в его местности начался голод, и Ши Лэ решил зарабатывать себе на жизнь, заманивая соотечественников в более благополучные земли и продавая их в рабство. Он нашел напарника для этого занятия, но не успел наладить дело, как сам был продан в рабство (напомним, что в те годы Янь Цуй, имевший звание «военачальника, проявившего величие», убедил правителя области Бинчжоу «ловить хусцев в землях к востоку от гор и продавать их для покрытия военных расходов»).

Вскоре Ши Лэ бежал от своих хозяев «и создал шайку грабителей». Он подружился со смотрителем императорских пастбищ Цзи Саном и брал у него напрокат лошадей для своих товарищей. «Неожиданно, подобно рыжим скакунам и прекрасным жеребцам в заповеднике, появляясь и исчезая в восточных землях, они верхом на лошадях, взятых на императорских пастбищах, захватывали в далеких землях шелка и драгоценности...» Потом Цзи Сан решил, что заниматься грабежами интереснее, чем пасти чужих лошадей, присоединился к Ши Лэ и возглавил его шайку, придав ей некоторую политическую окраску: он был сторонником мятежного принца Сыма Ина. Некоторое время разбойники сражались на стороне войск принца, потом создали свой лагерь и стали «грабить округа и уезды».

Постепенно шайка превратилась в армию. Цзи Сан объявил себя «великим военачальником», а Ши Лэ получил звание «военачальника — истребителя презренных врагов». Поскольку армия эта занималась грабежами на территории империи Цзинь, ей пришлось сражаться с императорскими войсками, и в конце концов она была разбита. Цзи Сана казнили, а Ши Лэ с уцелевшими сторонниками бежал к Лю Юаньхаю, который уже был великим шаньюем сюнну. После создания династии Северная Хань, Ши Лэ стал одним из высших сановников и главных военачальников сначала Лю Юаньхая, а потом и Лю Цуна.

Когда на трон Северной Хань взошел Лю Яо, он почтил Ши Лэ самыми высокими должностями и титулами, но тем не менее между старыми соратниками немедленно началось противостояние, которое закончилось прямым конфликтом, вылившимся в десятилетнюю войну. Ши Лэ заявил: «Я сам добуду для себя титулы Чжао-ван и Чжао-ди. Разве титулы — высокий или низкий — зависят от Лю Яо?»

Вскоре Ши Лэ действительно создал собственное государство, причем сначала, несмотря на просьбы приближенных, отказался от императорского титула (позднее он его все же принял). Однако он сразу же стал делать на попавших под его власть землях все то, что надлежит мудрому верховному правителю. Он объявил столицей своего государства город Сянго, «открыл возле четырех ворот в Сянго свыше десяти низших школ для распространения литературы и образования, внушения уважения к конфуцианству и внушения уважения к поучениям, отобрал для обучения в них свыше ста сыновей и младших братьев высших военных чиновников и влиятельных домов и, кроме того, назначил сторожей для отбивания времени в колотушки. Было учреждено управление хранителя водяных часов и отлиты монеты, называвшиеся *фэнхоцян*».

Был наведен порядок в юриспруденции. Ши Лэ издал бумагу, в которой говорилось: «Ныне после больших смут много запутанных законов, из них следует выбрать главное и ввести постатейную систему». Для проведения этой работы был назначен писец законодательного отдела.

В вопросах строительства Ши Лэ, в отличие от своих предшественников из династии Северная Хань, соблюдал уме-

ренность, и если что и строил, то прежде всего не дворцы для наложниц, а оборонительные и общественные сооружения, в том числе школы и даже башню для астрономических наблюдений. Однажды, когда он затеял для себя строительство дворца в городе Е, один из его сановников высказался против. Разгневанный Ши Лэ сначала приказал арестовать дерзкого, но потом усовестился и сделал вид, что арест был всего лишь шуткой. Он сказал: «Когда у простого человека имущество стоимостью в сто кусков ткани, он хочет купить себе отдельное жилье, так что же говорить о том, кто обладает богатствами Поднебесной и занимает высокое положение, позволяющее иметь десять тысяч военных колесниц! В конце концов я должен буду привести в порядок дворец, но пока отдам распоряжение приостановить работы, чтобы возвеличить дух, которым охвачен мой честный слуга».

К строительству, поскольку уж оно было затеяно, Ши Лэ относился ревностно и, если дело не ладилось, применял к виновным самые крайние меры. Так, в самом начале своего правления он приказал военному советнику Чао Цзаню построить ворота Чжэньянмэнь. Ворота очень скоро рухнули, и Ши Лэ велел отрубить Чао Цзаню голову. Правда, вскоре он раскаялся и «подарил казненному гроб и одежду и пожаловал должность начальника посольского приказа». Позднее подобная история приключилась еще с одним нерадивым строителем, которого Ши Лэ сгоряча казнил, но потом сожалелся над погибшим и пожаловал ему «посмертно должности начальника обрядового приказа и пристава дворца Цзяньдэдянь». Обычай награждать покойных титулами и должностями был принят в Китае, и Ши Лэ охотно пользовался им для того, чтобы загладить необдуманные приказания о казнях.

Впрочем, зная свой горячий нрав, Ши Лэ издал специальное постановление, в котором говорилось: «Отныне при определении мер наказания во всех случаях следует руководствоваться вводными статьями к основному закону. Если в порыве гнева я приговорю к казни и, охваченный яростью, объявлю свою волю, то в тех случаях, когда это относится к людям высокой добродетели или к высокопоставленным [чиновникам], не следует толковать мою волю как меру наказания...»

Вообще, надо сказать, что для необразованного варвара (Ши Лэ был неграмотен, и ему вслух читали исторические сочинения), для бывшего батрака, раба и разбойника Ши Лэ оказался удивительно мудрым правителем (по крайней мере по сюннуским, да и по древнекитайским меркам). Конечно, он вел непрерывные войны, совершал набеги на вражеские территории и был крайне жесток к поверженным врагам, но в том, что касается управления подвластными ему народами, у него могли бы поучиться многие гораздо более образованные императоры древности.

Впрочем, и сам Ши Лэ очень многое заимствовал у своих китайских предшественников. Во дворце он ввел китайский этикет и китайскую же музыку. Он приказал своим чиновникам вести исторические записи, которые отдавались в палату по составлению истории, как это было принято в Поднебесной. Эти записи включали распоряжения императора, поступавшие к нему доклады, произведенные назначения, сообщения о смерти высших сановников... Он искоренял некоторые «варварские» обычаи сюнну, например запретил браки с женами умерших старших братьев. В то же время он стремился свести к минимуму межнациональные конфликты: ужесточил запреты, направленные на то, чтобы захватчики не обижали коренных китайцев, и приказал чиновникам следить «за тем, чтобы *хусцев* называли “*гожэнь*” — соотечественниками» (слово «*хусец*» давно уже стало бранным в устах жителей Поднебесной).

Сам Ши Лэ, будучи хусцем, в какой-то мере разделял критическое отношение китайцев к своим соплеменникам. Фан Сюаньлин рассказывает следующую историю:

«Когда для Ши Лэ построили дворцовые помещения и окружили их воротами, то были установлены очень строгие правила, причем особенно строго запрещалось употреблять слово “*хусец*”. Однажды пьяный *хусец* верхом на лошади ворвался в ворота Чжичэмэнь. Крайне разгневанный, Ши Лэ сказал Фэн Чжу, малому блюстителю закона у ворот: “Когда повелитель отдает приказ, он надеется, что к его приказу будут с уважением относиться по всей Поднебесной, тем более в пространстве между дворцом и воротами. Только что какой-то человек проскакал на лошади в ворота — почему ты

не задержал его?» Страшно напуганный, Фэн Чжу ответил: «Это пьяный хусец верхом на лошади проскакал в ворота, я громко кричал, чтобы задержать его, но с ним невозможно разговаривать». Ши Лэ со смехом ответил: «С хусцами и мне самому трудно разговаривать» — и не наказал Фэн Чжу, а простил ему его вину».

К пьянству Ши Лэ относился критически. Сам он, вероятно, не злоупотреблял спиртным, поскольку Фан Сюаньлин, неоднократно упрекавший предыдущих сюннунских императоров в невоздержанности, в биографии Ши Лэ об этом не пишет ни слова. Кроме того, в тяжелые для государства годы Ши Лэ вообще запретил виноделие — «так продолжалось несколько лет, и никто не квасил вина».

Ши Лэ покровительствовал наукам и искусствам. Он назначил специального чиновника для того, чтобы «руководить девятью философскими течениями», — правда, чиновник этот по месту основной работы был не философом, а военачальником и военным советником канцелярии, но, так или иначе, забота о гуманитарных науках императором проявлялась.

Император «впервые ввел систему экзаменов на знание классических книг», дающих право на получение некоторых ученых степеней. Он «приказал назначить в округах и владениях чиновников, ведающих вопросами образования» и в каждом округе «набрать для обучения 150 молодых людей и тех из них, которые после трех экзаменов добьются успехов в учении, представить ко двору». Сама по себе система эта была не нова: в Китае с глубокой древности было принято отбирать людей на должности чиновников с помощью экзаменов; потом чиновники должны были раз в три года проходить следующие испытания, чтобы продвигаться по служебной лестнице. Но можно только восхищаться неграмотным воином-варваром, который перенял и развил эту систему в своем государстве.

Ши Лэ «приказал правителям далеких и близких областей и округов объявить в подведомственных им городах, что каждый, желающий что-либо сказать без утайки, может сообщить об этом его двору и доложить всю правду». Он снижал налоги, объявлял амнистии, устраивал раздачу зерна и тканей нуждающимся или же просто достойным гражданам:

«престарелым ученым», чиновникам, обучавшим народ земледелию, лучшим ученикам низшей и высшей школ...

Правление Ши Лэ было не только мудрым, но и достаточно успешным. Его сопровождали счастливые предзнаменования, в том числе появление в колодце города Е черного дракона, «увидев которого Ши Лэ обрадовался». Однако править ему пришлось не слишком долго — всего лишь пятнадцать лет. Он умер от болезни в 332 году, в возрасте шестидесяти лет.

Перед смертью император завещал похоронить его по самому простому обряду, в обычной одежде, и запретил класть в могилу «драгоценности, утварь и безделушки». Он велел, чтобы военачальники и правители округов не прерывали свою службу для участия в похоронах, а чиновники — не соблюдали траур и не требовали этого от других: «...Не запрещайте свадоб, жертвоприношений, вкушения вина и мяса». Своим сыновьям он завещал: «Пусть Дая и Ши Бинь живут в согласии и помогают друг другу: пример дома Сыма должен служить для них уроком, и они должны стремиться к укреплению дружественных отношений».

Престол Ши Лэ оставил сыну по имени Ши Хун, имевшему прозвище Дая. Это был мягкий и интеллигентный юноша, получивший хорошее образование, изучавший классические книги и искусство декламации. «Он от всей души любил ученых мужей, имел склонность к литературе, а все его близкие друзья были простыми учеными-конфуцианцами». Ши Лэ сам признавал: «Дая слишком мягок, он совсем не похож на сына военачальника».

Сделав интеллигента императором полуварварского государства, Ши Лэ совершил единственную, быть может, крупную политическую ошибку. Он надеялся, что в военных вопросах наследнику поможет его двоюродный брат, племянник Ши Лэ, по имени Ши Цзилун, — опытный военачальник. Приближенные предостерегали императора:

«...По характеру Ши Цзилун не отличается человеколюбием, безжалостен и бесстыден. Все его сыновья уже взрослые и пользуются военной властью. Пока вы, государь, живы, ничего не произойдет, но [после вашей смерти] недовольный Ши Цзилун, боюсь, не станет помогать малолетнему пра-

вителю. Следует в интересах осуществления ваших великих планов поскорее отстранить его».

Однако Ши Лэ не прислушался к этим доводам, и, когда после смерти отца Ши Хун взошел на престол Позднего Чжао, Ши Цзилун сохранял все свое влияние при дворе и военную силу. Он практически сразу отстранил девятнадцатилетнего императора от реальной власти. Ши Хун, надеясь сохранить хотя бы жизнь, неоднократно пытался отказаться от престола в пользу узурпатора. В конце концов предложение это было принято, но оно не спасло юношу, и через три года он был убит³⁷⁸.

В 335 году на трон Позднего Чжао взошел очередной *цзеский* император Ши Цзилун, правление которого сочетало в себе варварскую дикость и безудержное даже по китайским меркам стремление к роскоши, фантастическую жестокость и столь же фантастический разврат. Этот человек еще в молодые годы славился тем, что для развлечения расстреливал собственных воинов — «в войсках это считалось истинным бедствием»³⁷⁹.

Придя к власти, он обложил народ непосильными податями. Бесчисленное количество людей было мобилизовано для строительства его роскошных дворцов, для производства оружия и для разорительных карательных походов. И мобилизация, и общественные работы были организованы из рук вон плохо. В нарушение древних традиций, согласно которым дворцы можно было строить «только в перерывах между тремя сельскохозяйственными сезонами года», чтобы не мешать людям трудиться, Ши Цзилун отрывал людей от хозяйства в любое время.

Фан Сюаньлин писал: «...Каждые семь дворов из десяти лишились возможности заниматься собственным хозяйством. Сто семьдесят тысяч лодочников утонули в реках, треть воинов загрызли хищные звери. (...) Большие работы производятся в дни, когда необходимо производить прополку посевов или высаживать рассаду, трудовые повинности отбываются в месяцы, когда нужно собирать урожай, и трупы погибших насильственной смертью [из-за неявки на сборный пункт] лежат рядами, на дорогах повсюду ропот недовольства...»³⁸⁰

Ши Цзилун довел свой гарем до фантастических размеров. Для этого среди населения было набрано свыше 30 тысяч самых красивых женщин в возрасте от 13 до 20 лет, из них 9 с лишним тысяч были оторваны от мужей — большинство из этих девяти тысяч женщин покончили жизнь самоубийством. Кроме того, дополнительно были набраны 10 тысяч женщин для дворцов города Е, при этом были убиты или покончили с собой более 3 тысяч мужей.

«Ши Цзилун в сопровождении эскорта из тысячи всадниц с темно-красными повязками на головах, в вышитых шелковых штанах, подпоясанных гравированными золотыми и серебряными поясами, в расшитых сапогах часто ездил развлекаться на башню Симагуань. На башне устанавливались деревянные фениксы, в клювы которых вставляли цветную бумагу для императорских эдиктов. Фениксы вращались, и казалось, что они парят в воздухе»³⁸¹.

Сын и наследник Ши Цзилуна, по имени Ши Суй, развлекался не столь изысканно. «Нарядив красивых дворцовых служанок, он рубил им головы, а истекающие кровью трупы клал на поднос и выносил на общее обозрение. Кроме того, Ши Суй сближался с буддийскими нищенствующими монахинями — бикшуни, отличавшимися красотой, вступал с ними в плотскую связь, затем убивал, варил их мясо, смешивал его с бараниной и говядиной и ел, а также жаловал это мясо приближенным, требуя, чтобы они попробовали его на вкус»³⁸².

Поведение Ши Суя шокировало даже его отца, и в конце концов он убил наследника, завещав трон другому сыну. Но тот после смерти императора не сумел удержать власть. Престол стал переходить от брата к брату и за 349 год сменил трех хозяев. Последний из сыновей-наследников был казнен сместившим его узурпатором Ши Минем (позднее — Жань Минь). С ним были казнены и 38 внуков Ши Цзилуна. Фан Сюаньлин пишет: «Из тринадцати сыновей Ши Цзилуна пятеро были убиты Жань Минем, а восемь сами уничтожили друг друга». Таким образом, род Ши был полностью истреблен (Ши Минь, хотя и носил фамилию Ши, к этому роду не принадлежал)³⁸³.

Династия Поздняя Чжао была уничтожена, правлению сюнну пришел конец. Ши Минь, захвативший власть в стране, был этническим китайцем (ханьцем), хотя и воспитывался у сюнну. Его отец, будучи двенадцатилетним мальчиком, попал в плен, был усыновлен Ши Цзилуном по приказу Ши Лэ и получил фамилию Ши. Сам Ши Минь родился уже у сюнну и занимал высокие посты при сюннуском дворе³⁸⁴. Но когда он поднял мятеж, он опирался исключительно на ханьцев. Более того, он «объявил во дворце и за его пределами приказ о том, что каждый, кто представляет одно из шести инородческих племен, посмевших поднять оружие, будет обезглавлен. Тогда неисчислимое количество *хусцев* стало убегать из города, либо прорываясь через ворота, либо перелезая через городские стены».

В дни мятежа Ши Минь объявил, что каждый гражданский чиновник, убивший одного *хусца* и предъявивший его голову, повышается в ранге на три ступени, а военный чиновник зачисляется на службу при ставке. После этого в течение дня было отрублено несколько десятков тысяч голов. Сам Ши Минь «убивал *хусцев* и *цзесцев*, не разбирая ни пола, ни возраста». Всего было убито более 200 тысяч человек. Облава на них шла не только в столице, но и по всему государству — едва захватив власть, Ши Минь отправил во все воинские подразделения приказ убивать *хусцев*, «в результате чего половина людей с высокими носами и густыми бородами была перебита». Это был один из первых в истории случаев геноцида.

В 350 году Ши Минь вступил на престол, принял прежнюю фамилию своего рода Жань и дал государству название Великое Вэй. Так правлению сюннуских императоров и самому существованию сюнну на землях бывшего Позднего Чжао пришел конец³⁸⁵.

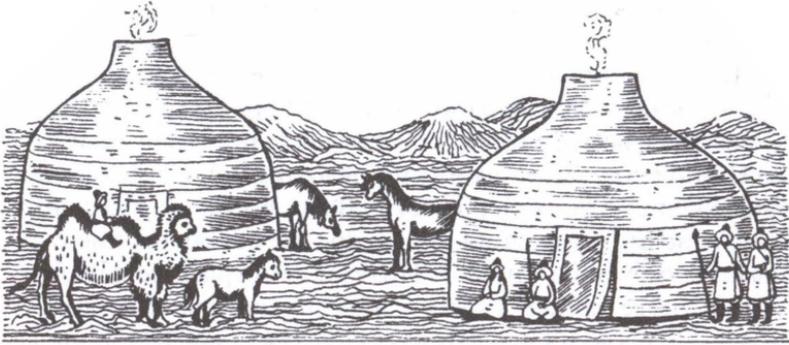
Кроме Ранней и Поздней Чжао, на севере Китая в течение недолгого времени существовали еще две сюннуских династии (и соответственно два государства): Северная Лян (397–439 годы) и Ся (407–431 годы). Первое государство располагалось на территории современной провинции Гань-

су, второе — захватывало часть Внутренней Монголии и северную часть провинции Шэньси³⁸⁶.

Территория, на которой располагались многочисленные варварские царства, занимала, по словам Фан Сюаньлина, восемь десятых всей Поднебесной³⁸⁷. Поначалу все эти земли были захвачены кочевниками, но потом на осколках некоторых варварских государств возникли и династии, основанные ханьцами, — одной из них и была Великая Вэй, или Жань Вэй. Впрочем, несмотря на громкое название, она просуществовала всего лишь около двух лет. Другие китайские династии оказались столь же эфемерными, сколь и варварские.

Период «Шестнадцати государств пяти северных племен» продолжался до 439 года, когда весь Северный Китай был объединен под властью *сяньбийской* династии Северная Вэй. К этому времени говорить о южных сюнну можно уже лишь с некоторой натяжкой. Конечно, далеко не все они пали жертвами устроенного Ши Минем геноцида, но они постепенно растворялись в массе окружавших их китайцев (которые, как мы уже говорили, в шесть с лишним раз превосходили сюнну по численности), а также смешивались с другими кочевыми народами.

Постепенно заканчивалась эпоха, о которой Фан Сюаньлин писал: «Флаги *хусцев* стали развеваться [на нашей земле] при свете луны, северные лошади заскакали [по нашим полям], погоняемые ветром. Пыль [от копыт боевых коней] поднялась на берегах реки Хуайшуй, а тигры стали рычать во дворце на реке Вэйшуй»³⁸⁸. Теперь потомки сюнну — диких варваров, которых китайцы сравнивали с «жадными волками», — становились рядовыми жителями Поднебесной.

История народа сюнну оказалась не слишком долгой — достоверно они известны под этим именем не больше шести-семи веков. За эти годы их язык, хозяйственный уклад, быт, религия, судя по всему, не претерпели существенных изменений.

На каком языке говорили сюнну, доподлинно не установлено, хотя большинство ученых считают их тюркоязычными. По свидетельству Бань Гу, сюнну, как и другие северные варвары, «говорят на непонятном языке»³⁸⁹. В тексте II века до н. э. «Философы из Хуайнани» сказано, что сюнну «говорят вывернутым языком». Правда, толерантные даосские философы из княжества Хуайнань, в отличие от большинства жителей Поднебесной, вовсе не считали это пороком — они подчеркивали, что варвары, несмотря на свой язык, а также на то, что они «одеты кое-как, нечесаны, сидят не по правилам», имеют право на уважение (отметим, кстати, что Хуайнань находилось на юго-востоке Поднебесной и личное общение с северными варварами ее жителям не грозило)³⁹⁰. Но язык сюнну от этого понятнее не становился.

Единственным конкретным сообщением о том, на каком же именно языке говорили сюнну, считается фраза из ки-

тайской хроники «Бэй-ши», где о жителях Юэбани сказано: «Обыкновения и язык одинаковы с *гаогюйскими*, но более опрятности»³⁹¹. Поскольку, согласно той же хронике, в Юэбани осели «малосильные» северные сюнну, которые не смогли отступить со своим шаньюем на запад, и поскольку язык *гаогюйцев* — это язык древних тюркских племен, многие считают, что язык сюнну тоже относился к тюркским³⁹². Впрочем, это — далеко не единственная точка зрения.

Исследование языка сюнну затруднено прежде всего тем, что до нас не дошло ни одного написанного ими текста. Впрочем, скорее всего, у них вообще не было письменности. Сыма Цянь сообщает: «У сюнну не было письма, и все договоры заключались в устной форме»³⁹³. Фань Е пишет, что сюннунские сановники правили суд устно, «не составляя письменных документов и книг»³⁹⁴. Правда, демографические и хозяйственные записи у сюнну велись начиная со II века до н. э. — по словам Сыма Цяня, евнух Чжунхан Юэ, прибывший к Маодуню в свите китайской лжепринцессы, «научил приближенных шаньюя вести подробные записи, чтобы оценивать [количество] населения и скота»³⁹⁵. Но заметки эти, вероятно, делались на китайском языке.

Единственное (насколько известно авторам настоящей книги) более или менее конкретное сообщение о сюннуской письменности имеется в «Споре о соли и железе». Там о сюнну говорится: «...Хотя у них нет писаний о нормах поведения и справедливости, они гравируют [знаки] на костях и вырезают [знаки] (?) на дереве, [так что у каждого из] чиновников есть возможность делать записи [для] других, у государя есть возможность приказывать сановникам, у высших есть возможность приказывать низшим»³⁹⁶. Но во-первых, из текста не понятно, на каком языке делались эти записи — скорее всего, на китайском. А во-вторых, ни одна из них, во всяком случае, не сохранилась до наших дней.

Известны петроглифы хуннского времени, высеченные на скалах Монголии. Но одни из них представляют собой «картинки» со сценами погребения, охоты или парадных выездов на конных экипажах — они, во всяком случае, не наводят на мысль о письменности. Другие же являются тамгами, но это опять-таки не письменность — тамги были знаком рода или

клана, которым предметы клеймились в знак их принадлежности или в честь каких-то важных событий. Немалое количество таких тамг сюннуского времени найдено, например, в ушеле Цагаан-гол. Но их связывают скорее с *юэцжи*, чем с сюнну³⁹⁷, а главное, они не проливают свет на язык народа, который их оставил.

Существуют и тамги, которые более определенно относятся к сюннским, — они нанесены на предметы, найденные в сюннских могилах. В Ноин-Улинских курганах в Монголии археологи обнаружили несколько лаковых чашек, сделанных китайскими мастерами в эпоху Ранней Хань. Такие чашки назывались «бэй» и были популярны в Поднебесной — это были очень дорогие статусные изделия овальной формы, с плоским дном и парой ушек-ручек. Иногда их покрывали росписью, наносили иероглифы: «Вам счастливое вино», «Чашки для счастливой еды». Чашки-бэй, найденные в Ноин-Уле, принадлежали сюннским шаньюям или их приближенным. На дно чашек хозяева нанесли свои тамги, процарапав их раскаленным ножом или шилом³⁹⁸. Но эти лаконичные знаки, которыми сюнну метили свою собственность, несут не слишком много информации и не являются письменностью.

Те немногие сюннские слова, которые дошли до наших дней, сохранились в китайских текстах и написаны китайскими же иероглифами. Собственно, достоверно известны только четыре слова, составляющие двустишие на языке *цзесцев* (как мы уже писали, *цзесцы* были одним из сюннских кочевий):

Сюцжи тилиган
Пугу цзюйтудан

Двустишие это сохранилось в истории, потому что сказано оно было весьма значимым человеком и к тому же по весьма важному поводу. Автором его был буддийский монах Фоту Дэн, который в 310 году прибыл в Поднебесную для проповеди своего учения. Было ему тогда, по его словам, более ста лет, но, если верить Фан Сюаньлину, возраст не мешал подвижнику командовать духами, питаться воздухом и пользоваться собственной внутренней энергией для освещения (по

ночам он вынимал вату из специального отверстия в животе и читал книги, экономя на светильниках). Кроме того, он умел предсказывать будущее по звуку висящих на пагоде колокольчиков³⁹⁹.

Сюннуский император Ши Лэ пригласил Фоту Дэна к своему двору, и, когда в 328 году решался вопрос о том, следует ли посылать войско против другого сюннуского императора, Лю Яо, к монаху обратились за советом. Тогда-то он и произнес знаменитое двустишие на языке своего покровителя. Традиционно считается, что оно означало следующее: «Двинете войска, поймаете Лю Яо»⁴⁰⁰. В самое ближайшее время войска выдвинулись, злополучный Лю Яо действительно был разбит, и Ши Лэ объединил свои и его земли под властью династии Поздняя Чжао, поэтому нет никаких оснований сомневаться в общем смысле замечательного предсказания⁴⁰¹.

Гораздо сложнее обстоит дело с его дословным переводом. Исходя из содержания фразы и из предположения, что язык *цзесцев* относился к древнетюркским, разные исследователи предлагали отождествить слова двустишия с различными тюркскими словами. В результате получились следующие варианты:

Sükä tal'igan
bügüg tutan!
Иди войной
[И] плени бюгю!

Süg tägti idqan
boquyi Ƴ tutqan!
Пошлите армию в атаку
[И] плените полководца!

«Särig tilitgan
buƳu Ƴ kötüzkan
Ты выведешь войско,
Ты уведешь оленя.

Sükä tol'iqtin
buquƳ qodigo (d) tin
К войску ты вышел
Букуга низложил⁴⁰².

Поскольку все эти варианты основываются на тюркской гипотезе, казалось бы, есть веские основания такую гипотезу принять. С другой стороны, именно обилие возможных вариантов наводит на мысль о том, что подобные интерпретации можно было бы сделать и на основе других языков. И в пользу этих других языков тоже есть некоторые факты.

Так, в древних китайских текстах встречается довольно много слов, которые предположительно принадлежат сюнну, прежде всего их собственные имена и титулы. Канадский исследователь Э. Дж. Пуллиблэнк насчитал в текстах Сыма Цяня и Бань Гу около 190 таких слов, еще 57 нашлись у Фань Е и Фан Сюаньлина. Пуллиблэнк подозревает сюннуские корни и у некоторых китайских слов. Он считает, что до контактов с сюнну у китайцев не было молочного животноводства и в их языке отсутствовали такие слова, как «кумыс», «творог», «масло»... Значит, в китайский язык они пришли из сюннуского. Проанализировав образовавшийся архив, состоящий из двух с половиной сотен слов, исследователь считает возможным, что сюнну говорили на языке енисейской семьи⁴⁰³ (от которой к настоящему времени остался только один живой язык — кетский).

Существуют и другие теории: что язык сюнну был общим, еще не дифференцированным для предков тюрков и монголов; что он был близок к монгольскому; что он вообще не родственен ни одному из ныне существующих языков и относится к вымершим...⁴⁰⁴

Привлечение информации о языке европейских гуннов никак не помогает решению спорного вопроса, потому что по его поводу идут столь же бурные дебаты и существуют столь же противоречивые мнения (не говоря уже о том, что сам факт родства сюнну и гуннов тоже окончательно не доказан).

Что касается расовой принадлежности, сюнну — по крайней мере через какое-то время после формирования их державы — представляли собой смешение европеоидной и монголоидной рас, хотя монголоидные черты заметно доминировали. В населенных ими землях были районы, где жили в основном монголоиды, но были и контактные зоны (например, в Центральной Монголии), где расы генетически

смешивались⁴⁰⁵. По внешнему облику сюнну отличались от китайцев. Так, по сообщениям китайских авторов, у *цзесцев* были глубоко посаженные глаза, густые бороды и высокие носы⁴⁰⁶ — два последних признака могут говорить о европеоидной примеси.

Генетики провели ДНК-анализ костных останков из четырех сюннских могильников Забайкалья: Ильмовая Падь, Енхор, Дырестуйский и Нижнеиволгинский. Результаты сравнили с ДНК современных жителей разных районов Евразии. Выяснилось, что древние сюнну имели очень много общего с коренным населением Южной Сибири (включая Забайкалье) и Центральной Азии. У них прослеживаются генетические связи с жителями более северных районов Сибири. Отмечена и их связь с коренным населением Южного Китая и вообще Юго-Восточной Азии, — вероятно, китайские принцессы и китайские полонянки поступали в степь в достаточном количестве, чтобы оставить свой след в генофонде сюнну. Кроме того, сюнну большими группами поселяли на своих территориях пленных китайцев. Интересно, что генетическое родство сюнну отмечено и с населением Западной Индии, Передней Азии и Ближнего Востока, и это несмотря на то, что исследованные могильники находятся от этих регионов очень далеко. Надо думать, что у сюнну, живших западнее, такое родство выражено еще сильнее, чем у забайкальских. В целом складывается представление, что сюннское общество времен их развитой империи представляло собой очень пеструю этническую картину⁴⁰⁷.

По образу жизни сюнну, вероятно, были типичными кочевниками-скотоводами. Сановник II века до н. э. Чао Цо отмечал: «Варвары ху едят мясо, пьют кобылье молоко, одеваются в шкуры и мех, у них нет жилищ с полями в пределах внутренних и внешних городских стен, куда возвращаются жить. [Они] — как летающие птицы и рыскающие звери в широкой степи. Если есть прекрасные травы и вкусная вода, то они останавливаются. Если трава кончилась, вода иссякла, то они перекочевывают»⁴⁰⁸.

Сыма Цянь пишет, что сюнну — «от правителя до рядового — питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шку-

ры, носят шубы из войлока». Он же сообщает, что в сюннских стадах «больше всего было лошадей, крупного рогатого скота и овец, а из редких животных — верблюды, ослы и мулы, а также лошаки, низкорослые дикие лошади и куланы»⁴⁰⁹.

В китайских летописях за 72 год до н. э. сообщается, сколько людей и скота захватили ханьские отряды при набегах на сюннские кочевья. Соотношение это для разных отрядов колебалось от 1:15 до 1:23; значит, в среднем на одного кочевника-сюнну приходилось 19 голов скота. Характерно, что и в начале XX века кочевники монгольских степей были обеспечены скотом так же, как и их далекие предки двумя тысячами лет ранее⁴¹⁰. Но после разного рода катаклизмов — военных поражений, тяжелых засух или суровых зим — поголовье скота сильно падало: в 72 году до н. э. — до девяти голов на человека, в 68 году до н. э. — до пяти и в 46 году н. э. даже до двух⁴¹¹.

У сюнну, как и у других кочевников Центральной Азии, имелись летние и зимние стоянки. Климат здесь континентальный, и зима является самым суровым временем года, поэтому к расположению зимних стоянок предъявляли высокие требования: они должны были обеспечить убежище от ветра, кроме того, здесь не должно было выпадать слишком много снега (в идеале его не было вообще). Это могла быть низкая горная долина, пойма реки, впадина в степи. Найдя такую стоянку, кочевник, как правило, устанавливал юрту и оставался жить до весны. Если снег в степи все-таки лежал, то на пастбище первыми выпускали лошадей: они разбивали копытами наст, а уже потом здесь пасли остальных животных. Сено впрок обычно не заготавливали, поэтому за зиму скот сильно терял в весе.

Весной кочевники рассеивались по степи. Овцы в воде не нуждаются — они получают ее из травы, — но крупный рогатый скот и кони должны пить, поэтому стада не удалялись от озер талой воды, которые образовывались в низинах. В это время ягнились овцы, и у скотоводов появлялось свежее молоко. Скот начинал прибавлять в весе. Но весной сохранялась опасность снежных бурь — степь покрывалась льдом, и случалась массовая гибель скота. От таких бедствий, хотя они и случаются нечасто, кочевники Центральной Азии не застрахованы даже летом, во всяком случае, снегопад в сере-

дине мая или в начале сентября здесь считается достаточно обычным явлением.

Когда степь высыхала, начиналась перекочевка на летние пастбища: на север или из предгорий в горы. В это время у скотоводов было много молока: из кобыльего делали кумыс; из молока других животных, прежде всего из овечьего, изготавливали творог, который высушивали до твердого состояния — на зиму. Овец, коз и верблюдов стригли, из их шерсти пряли нити, а потом делали веревки, ткали коврики, переметные сумки, материю... Овечья шерсть в основном шла на изготовление войлока, из которого шили значительную часть одежды и обуви. Из более толстого войлока делали покрытия для юрт.

Юрты сюнну, да и других кочевников, в те времена, вероятно, представляли собой плетенные из ивовых прутьев шалаши, покрытые войлоком. Каркас перевозили на колесном транспорте, не разбирая, а войлоком его покрывали в зависимости от сезона — или полностью, или только сверху. Юртой в современном смысле слова это жилище не являлось — разборная юрта появилась в середине I тысячелетия н. э.⁴¹²

Когда наступали первые холода, кочевники переходили на зимние стоянки. Но поначалу, до наступления зимы, скот старались пасти подальше от них, чтобы сохранить траву «на черный день». Сено заготавливали редко, если и делали это, то осенью, прямо на зимних стоянках. Тогда же случали овец, чтобы приплод появился весной, — ягнята, родившиеся в другое время, часто погибали. Осенью же резали скот, коптели мясо. Если поблизости были рынки, излишки скота продавали — его оставляли ровно столько, сколько могло прокормиться на зимних пастбищах. И в этот же сезон сюнну делали набеги на земледельцев — лошади были сильны и откормлены, скотоводческие работы завершены, а к зиме не мешало запастись зерном нового урожая⁴¹³.

Помимо скотоводства, сюнну занимались охотой. Сыма Цянь пишет: «Мальчики у них умеют ездить верхом на козлах, стрелять из лука в птиц и мышей; юноши постарше охотятся на лисиц и зайцев для употребления их в пищу. (...) Согласно их обычаям, в спокойное время они следуют за скотом, обеспечивая свое существование охотой на птиц

и зверей...»⁴¹⁴ Археологи подтверждают информацию Сыма Цяня — в сюннских курганах находят немало костей диких животных. Жители городищ, находившихся на сюннской территории, охотились реже, хотя и у них встречаются кости оленя, косули, степной лисицы⁴¹⁵.

В «Споре о соли и железе» говорится: «У сюнну нет такой защиты, как внутренние и внешние городские стены, таких укреплений, как рвы и канавы вокруг этих стен; они (...) не имеют запасов казенных житниц и амбаров для зерна. (...) Сплетенные [прутья] ивы служат им домом, войлочные циновки служат им крышей...»⁴¹⁶

Сюнну действительно не слишком увлекались градостроительством (по крайней мере до периода «Шестнадцати государств пяти северных племен») и ни земледелие, ни вообще оседлую жизнь, как правило, не признавали. Тем не менее в их державе имелись и города, и сельскохозяйственные поселения. Вопрос о том, кто именно их построил и жил в них, до конца не решен.

Если исходить только из информации, которая оставлена нам китайскими хронистами, можно сделать вывод о том, что городов и деревень в сюннской державе было крайне мало и населены они были в основном военнопленными и перебежчиками. Так, по сообщению Бань Гу, в 10 году н. э. сюнну захватили в Западном крае «свыше двух тысяч мужчин и женщин» и поселили их «отдельно на реке Линушуй для занятия земледелием»⁴¹⁷.

Сыма Цянь упоминает город Чжаосинь (Чжаосиньчэн), который находился на сюннской территории. В 123 году до н. э. ханьский военачальник Чжао Синь, который когда-то был «мелким хуским князьком», а потом перешел на сторону Хань, попал в плен к своим бывшим соотечественникам. Шаньюй Ичжисе сделал его военным советником, и его именем был назван некий населенный пункт, где стояли какие-никакие постройки и хранились запасы продовольствия. Скорее всего, город этот был построен теми самыми китайцами, которые оказались у сюнну вместе со своим сдавшимся предводителем — недаром его называли «лагерь Чжао Синя». Эти же китайцы — их было около 800 человек — стали

первыми жителями города и распахали лежащие вокруг земли. В 119 году до н. э. ханьские войска взяли Чжаосинь, «захватили запасы продовольствия у сюнну и накормили [свои] войска», а на следующий день «сожгли постройки и оставшиеся запасы»⁴¹⁸.

У Бань Гу упомянут находившийся на сюннуской территории город Фаньфужэнь, но и о нем известно, что он был построен ханьским военачальником Фанем. После смерти Фаня городом управляла его вдова, потому он и получил название Фаньфужэнь — «город супруги Фаня»⁴¹⁹.

Что касается самих сюнну, то, если верить китайским хроникам, их градостроительные проекты можно пересчитать по пальцам одной руки, причем они, мягко говоря, не были удачными. Мы уже говорили о том, что в правление шаньюя Хуяньти, по распоряжению его сановника Вэй Люя, сюнну начали строить «окруженные стенами города» для защиты от ханьских войск. В них были запланированы башни для хранения зерна и колодцы. Однако потом кочевники поняли, что у них нет навыка обороны городов и зерно, сосредоточенное в одном месте, попадет в руки врага. Проект был приостановлен⁴²⁰.

Шаньюй Чжичжи, расколовший сюннускую державу в середине I века до н. э. и бежавший с остатками своих сторонников в Канцзюй, «посылал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 человек, которые закончили постройку в два года»⁴²¹. Но Канцзюй и до Чжичжи был страной многочисленных городов⁴²², и мятежный Чжичжи всего лишь использовал местные традиции. Впрочем, ему это не помогло — город, построенный им на реке Или в Семиречье, был взят ханьскими войсками в 36 году до н. э., вскоре после его основания⁴²³.

В хрониках часто упоминается Лунчэн — культовый центр, где сюнну совершали жертвоприношения. Само слово это наводит на мысль о городе или, во всяком случае, об укрепленном месте: синологи переводят его как «Драконово городище»⁴²⁴, «Драконова крепость»⁴²⁵, «город императора»⁴²⁶. Но в какой мере его тем не менее можно считать городом, не вполне понятно. Постоянное население его, видимо, было невелико: ханьский военачальник Вэй Цин, который

в 129 году до н. э. достиг Лунчэна, за всю операцию «убил и взял в плен семьсот хусцев»⁴²⁷.

Где находился Лунчэн, тоже непонятно. Существует мнение, что культовых центров с этим названием в разное время было по крайней мере два⁴²⁸, и даже мнение, что Лунчэн — это вообще не географическое название, а название самих культовых собраний сюнну, где бы они ни проводились⁴²⁹. Правда, позднее, в эпоху «Шестнадцати государств пяти северных племен», город Лунчэн уже безусловно существовал — он находился в провинции Ганьсу. Причем это был именно город, выдерживавший длительную осаду войск императора Лю Яо⁴³⁰. Но в эпоху «Шестнадцати государств» сюнну уже действительно занимались масштабным городским строительством. Впрочем, делалось это хотя и по приказу сюннуских императоров, но уже в рамках китайской традиции, под руководством китайских архитекторов.

Помимо Лунчэна в хрониках упоминается ставка шаньюя под названием Бэйтин. Полностью она называлась «Бэй сюнну шаньюйтин» (ставка шаньюя северных сюнну), или коротко Бэйтин (иногда — Лунтин). Но опять-таки совершенно неизвестно, в какой мере ее можно считать городом, а если можно, то с какого времени⁴³¹.

Известно только, что в ставке сюннуского шаньюя (еще до разделения сюнну на северных и южных) были огромные ямы для хранения зерна. В начале I века до н. э. ханьский посол Су У не поладил с шаньюем Цзюйди-хоу, и тот «заточил его, посадив в большую яму для хранения зерна, и не давал ни капли воды, ни пищи». Яма была обита войлоком — злополучный посол грыз его от голода. В конце концов Су У извлекли из ямы и отправили в ссылку⁴³², — возможно, яма понадобилась для очередной партии продовольствия. Во всяком случае, сам факт таких хорошо обустроенных хранилищ говорит о том, что ставка шаньюя не была передвижной, — даже если сам шаньюй и его «двор» кочевали по степи, в его ставке оставались люди, которые занимались хозяйством.

Китайские хроники представляют сюнну кочевниками, практически не знающими оседлой жизни, но у археологов на этот счет нет единого мнения. В Центральной Азии было открыто больше двадцати ремесленных и земледельческих

сюннских поселений и больше десяти городов, укрепленных глинобитными стенами, валами и рвами⁴³³. Правда, все эти фортификации были довольно скромными и не предполагали длительной осады. Да сюнну и сами признавали, что не умеют оборонять города⁴³⁴. Но эти населенные пункты были прежде всего не военными крепостями, а ремесленными и земледельческими центрами.

По поводу того, кто в них жил, есть диаметрально противоположные точки зрения. Одни специалисты считают, что сюнну селили в них пленников и иммигрантов. Другие — что сюнну были полукочевым этносом и некоторые из них сами занимались земледелием и ремеслами⁴³⁵. Последней точки зрения придерживается, в частности, известный российский археолог Л. Р. Кызласов: он подчеркивает, что сразу же после завоевания новых земель сюнну Маодуня приступали к освоению местных залежей руды, устраивали рудники, металлургические, кузнечные, гончарные мастерские. Он же считает, что некоторые сюнну занимались земледелием и придомным скотоводством — разводили молочный скот и свиней⁴³⁶.

Крупнейшим сюннским центром (из числа тех, что исследованы археологами) был город на левом берегу современной реки Селенги в Забайкалье, существовавший во 2-й половине II века до н. э. — I веке н. э.⁴³⁷ Его древнее название неизвестно, и археологи дали ему имя «Иволгинское городище». Это была крепость в форме неправильного квадрата площадью примерно 340 на 340 метров со стенами, ориентированными по сторонам света. Город окружали ряды укрепленных линий — от них до сегодняшнего дня частично сохранились валы и рвы. Внутри вели двое въездных ворот, расположенных с юга; не исключено, что ворота имелись и в восточной части крепости (ныне она смыта рекой), но с запада и с севера стена была сплошной — жители предпочитали терпеть неудобства, но не нарушать укреплений.

Укрепления эти были довольно мощными: они состояли из четырех линий валов, между которыми были вырыты три рва; наружный вал был самым высоким; внутренний, самый низкий, был усилен деревянной стеной, кроме того, по верху валов тянулись заборы высотой более полутора метров. Глубина рвов достигала двух метров. Ширина всей конструкции

превышала 35 метров. Такая линия обороны была абсолютно непреодолима для конницы.

Эта конструкция крепости была, видимо, типичной для сюнну. Сюннуские города, исследованные в Монголии, тоже имели форму, близкую к квадрату. А оборонительная система Иволгинского городища напоминает ту, которую, судя по описанию Бань Гу, выстраивал для обороны своего города Чжичжи: известно, что крепость мятежного шаньюя состояла из пяти рядов укреплений, в том числе крепостного рва, земляной стены и двойного деревянного частокола⁴³⁸.

Город был разбит на прямоугольные кварталы, по улицам тянулись сточные канавы. Кроме жилых домов, здесь было немало хозяйственных помещений: металлургические и керамические мастерские, зернохранилища, погреба, даже свинарники... Но крупный скот в городе не держали.

Дома были в основном квадратными, площадью от 3 на 3 до 7 на 7 метров. Обычно они были заглублены в землю (на глубину от полуметра до метра), имели глинобитные стены и двускатную крышу. Внутри они были устроены по стандартному образцу: вход представлял собой пристроенный снаружи коридор и располагался с юга, ближе к юго-восточному углу (как и вход в саму крепость), напротив входа располагалась печь, выложенная из каменных плит. Дымоход проходил над полсм, вдоль северной и западной стен, над ним размещались нары-лежанки, и, лишь дойдя до юго-западного угла, дымоход переходил в вытяжную трубу (такая система обогрева известна как «кан»). Пол, как и стены, был обмазан глиной, в нем делались небольшие погребки, возле печки в него врыты керамические сосуды. Вдоль восточной стенки, от входа и до печи, в некоторых домах заметны следы некогда стоявших здесь столбиков, — возможно, это были загончики для мелкого скота и птиц, которые зимовали вместе с хозяевами.

В ста метрах к югу от крепостной стены, на краю той же самой речной террасы, находилось еще одно укрепление, раз в пять поменьше площадью, опоясанное валом и рвом. Здесь археологи не нашли ни следов жилищ, ни культурного слоя — только несколько костей домашних животных. Возможно, это был общественный загон для скота.

Люди, жившие на Иволгинском городище, занимались не только скотоводством, но и земледелием: здесь найдены земледельческие орудия (которые очень похожи на китайские). Судя по большому количеству рыбьих костей, рыболовство жителям тоже было не чуждо.

Расположенный неподалеку от городища некрополь был ограблен, по-видимому, еще в древности: из 216 исследованных археологами могил нетронутыми сохранились только 16. Причем грабители вытаскивали из-под земли не только ценности, но и кости — археологи допускают мысль, что это было не банальное ограбление, но намеренное осквернение кладбища⁴³⁹. Так или иначе, несколько черепов все-таки попали в руки антропологов, и те сделали вывод, что на Иволгинском городище обитало смешанное население: собственно сюнну, аборигены (возможно, потомки людей, создавших культуру плиточных могил) и китайцы⁴⁴⁰.

Сюннуских городов и поселений, как мы уже говорили, известно довольно много. Но в них стояли небольшие однотипные жилища, владельцы которых, во всяком случае, не принадлежали к сливкам общества. На Иволгинском городище были обнаружены остатки одного дома, который по размеру намного превосходил остальные, но он, скорее всего, имел общественное назначение, и признаков роскоши в нем не обнаружено. Строить дворцы сюнну начали лишь после того, как первый сюннуский император вззошел на трон Поднебесной. И тем не менее известен дворец, который был возведен на территории их империи, на Енисее (неподалеку от современного города Абакан), задолго до того, как сюнну захватили китайские столицы и приобщились к китайской роскоши. Он был построен в I веке до н. э. или же в начале I века н. э. — о более точной дате, а также о том, для кого был возведен этот дворец, в научном мире не утихают споры.

Здание это было одноэтажным, но трехъярусным, в центре его высота превышала 11 метров. Площадь его составляла примерно 45 на 35 метров. Окантованный декоративными плитками вход вел в вестибюль, за которым располагался большой квадратный зал со сторонами 15,5 метра. Вокруг него шли ряды комнаток поменьше, их было восемнадцать; те из них, что примыкали к парадному залу, имели высокие

потолки и освещались окнами второго яруса. Стены были глинобитными, но очень толстыми (до двух метров), очень крепкими и ровными, — вероятно, глину укладывали между дощатой опалубкой, которая потом удалялась. Полы тоже были глинобитными, но с подогревом: под ними проходила система воздуховодов, по которым шел горячий воздух; кроме того, для обогрева использовались жаровни.

У археологов вызвал некоторое недоумение тот факт, что во дворце почти не было найдено ни осколков керамики, ни костей животных — обычно и то и другое встречается в жилых помещениях, причем глинобитный пол способствует сохранению разного рода мелочей — они в него попросту втаптываются. Объяснить это можно тем, что дворец не был рядовым жилищем, он принадлежал высокопоставленному лицу и многочисленные слуги следили за его чистотой.

Крышу дворца покрывала черепица: крупные изогнутые прямоугольники и полуцилиндры, которые на краях крыши закрывались черепичными дисками. На этих дисках многократно повторялась одна и та же надпись, сделанная китайскими иероглифами⁴⁴¹. Разночтения в ее переводе привели к тому, что разные ученые приписывали дворцу разное время существования и соответственно разных хозяев. Высказывалось мнение, что он был построен для китайского полководца Ли Лина, который попал в плен к сюнну в 99 году до н. э. Сыма Цянь писал: «Взяв в плен Ли Лина, шаньюй, будучи наслышан о славе рода [Ли], о храбрости и отваге [Ли Лина], отдал ему в жены свою дочь и возвысил в знатности»⁴⁴².

Но надо отметить, что сюнну неоднократно пленяли выдающихся китайских военачальников, и нет никаких оснований думать, что они возводили для них особо роскошные дворцы. До наших дней дошло письмо, которое Ли Лин написал из плена, и то, как он описывает свою жизнь среди сюнну, не наводит на мысль о дворцах:

«Со времени моего подчинения и до сегодняшнего дня моя жизнь тягостная и трудная. Я остался один, огорченный и страждущий, весь день я не вижу, на чем остановить мой взгляд. Я не вижу ничего, кроме чуждых мне вещей: халаты из кожи, войлочный шатер для предохранения от ветра и дождя. Мясо козла и кислое молоко для утоления голода

и жажды. Если я поднимаю мои глаза для того, чтобы разговаривать или смеяться, — что может меня развеселить?

Лед земли варваров плотен настолько, что он темный, пограничная область весьма холодная. Я слышу только шум мрачного ветра, который печально свистит. Уже на девятом месяце холодной осенью гибнут травы окружающих горных проходов. Ночью я не могу спать, я прислушиваюсь к тому, что делается вдали. Только свирели варваров звучат, и им в ответ доносится грустное ржание пасущихся лошадей, которые собираются в табуны. С четырех сторон идет шум из пограничных областей. По утрам я сижу и слушаю их и не чувствую, как падают мои слезы»⁴⁴³.

Другая гипотеза приписывает «Абаканский дворец» жившей на рубеже эр сюннуской принцессе Юнь — дочери шаньюя Хуханье I и китайки Ван Чжао-цзюнь⁴⁴⁴. Наконец, третья (наиболее обоснованная, с точки зрения авторов настоящей книги) называет хозяином дворца самозванного китайского императора Лу Фана, которого сюнну довольно долго поддерживали в этом качестве (до 40 года н. э.). Поскольку жизнь в Поднебесной у Лу Фана не задалась и он переехал к сюнну, то последние, раз уж они признали в нем китайского императора, должны были обеспечить его подобающими Сыну Неба условиями⁴⁴⁵.

Быт сюнну отличался простотой и аскетизмом. В «Споре о соли и железе» один из спорщиков упрекает сюнну в том, что они не строят городов, не имеют продовольственных запасов, живут в плетеных шатрах, изготавливаемые ими изделия просты, «их лошади не питаются зерном», а сами они «не соблюдают норм поведения». Однако его оппонент вступает за кочевников. Он говорит:

«У сюнну повозки и орудия лишены украшений из серебра и золота, из шелка и лака; они сделаны без излишеств, а [при их изготовлении] стремятся [только] к тому, чтобы они были прочны; что касается одежды из шелка, то у них нет установлений о [ношении] шелка с разноцветными узорами, плахт и юбок, круглых воротников; она сделана без изыяна, а [при ее изготовлении] стремятся [только] к тому, чтобы она была в полном комплекте. Мужчины не занимаются такой рабо-

той, как резьба по дереву и гравировка по металлу, [изготовление предметов, требующих] особого умения, таким трудом, как [строительство] зданий дворцов, внутренних и внешних городских стен; женщины не выполняют такого труда, как [создание] прекрасных вышитых узоров и [предметов роскоши, требующих] необыкновенного умения, такой работой, как [выделка] тонких или узорных шелков, прозрачной белой шелковой ткани. [Таким образом, лишняя] работа сокращена, а [изделия] годны к употреблению; их легко изготовить, но трудно испортить»⁴⁴⁶.

Надо сказать, что оба спорщика в данном случае были не вполне правы. Конечно, быт кочевников всегда склонен к простоте. Но тем не менее сюнну не были чужды декоративно-прикладного искусства: они изготавливали сами и заказывали в Китае разнообразные украшения из бронзы, серебра, кости и камня, декорировали свою керамику сложными орнаментами. Если рассмотреть находки сюннуского времени, сделанные археологами в некрополях одного только Северного Алтая, мы увидим десятки типов украшений. Женщины нашивали на свои головные уборы металлические бляхи и подвески; они носили серьги и бусы, диадемы, наконечники, гривны... Их одежда была расшита бисером и пронизями, украшена разного рода декоративными булавками, бубенчиковидными подвесками, крупными бляхами из металла и небольшими — из камня и кости. На поясах могли быть ажурные бронзовые пряжки.

Мужчины украшали себя реже — бижутерией увлекался примерно каждый четвертый, — но делали они это примерно так же, как и женщины. В их могилах тоже встречаются бусы, серьги, гривны (иногда с крупными нагрудными подвесками). Очень популярны были маленькие металлические бляшки, которые нашивались на головной убор. И у большинства воинов-кочевников имелся кожаный пояс с металлической гарнитурой. Причем ранние сюнну чаще носили сравнительно простые пояса с обычной пряжкой и несколькими крепежными кольцами, а позднее вошли в моду пояса, обильно покрытые и функциональной, и чисто декоративной гарнитурой — она отражала социальный уровень своего владельца...⁴⁴⁷

Коней сюнну тоже украшали: на узду прикрепляли бронзовые круглые умбовидные бляхи, нащечные бляхи и колокольчики. В одном из Ноин-Улинских курганов было обнаружено 32 серебряных детали конской узды с изображениями фантастических животных, в том числе единорога и дракона, выполненными в традициях древнекитайского искусства. Но эти предметы (как и многие другие предметы роскоши), скорее всего, происходили из Китая и были подарком шаньюю от императора⁴⁴⁸.

И только маленьким детям, до трех лет, украшения не полагались — из множества изученных археологами детских захоронений только в одном полуторогодовалый ребенок имел шапочку с нашитой на нее золотой бляшкой⁴⁴⁹.

Сюнну славилась своими бронзовыми изделиями: бляхами, пряжками, пластинами, пуговицами... Их находят по всей территории бывшего сюннуского государства, но особенно часто они встречаются в Ордосе. Практически любая такая вещь — это произведение искусства. Очень часто на них изображали животных: лошадей, быков, верблюдов, оленей, зайцев, горных баранов и козлов, змей, тигров... Встречались и мифические звери: грифоны, драконы... Иногда бронзовые животные сражались друг с другом или хищник терзал травоядное... По стилю и сюжету можно судить о том, кто оказывал влияние на сюннуских мастеров: «сцены терзания» пришли с запада, их любили художники скифо-сарматского круга, драконы (в зависимости от стилистики) могли быть и скифскими, и китайскими; лошади, быки, яки, скорее всего, были своими, сюннускими. Собственный художественный стиль сюнну ярко проявлен в костяных пряжках и застежках — на них мастера гравировали фигуры и головы животных⁴⁵⁰.

Коллекции сюннуской художественной бронзы можно встретить во множестве музеев по всему миру, но, как правило, это собрания разрозненных предметов, которые были найдены случайно или во время грабительских раскопок. Поэтому предназначение многих типов предметов долгое время было не вполне понятно. По одному лишь внешнему виду бронзовой бляхи далеко не всегда можно сказать, использовалась она для женского или мужского костю-

ма, украшали ею конскую сбрую, головной убор или воинский пояс. Эти вопросы в большинстве своем разъяснились после того, как были раскопаны Иволгинский могильник и находящийся южнее него Дырестуйский. Несмотря на то что оба могильника были в основном разграблены, в немногих нетронутых погребениях были найдены великолепные коллекции художественной бронзы, и по расположению предметов археологи смогли определить их назначение⁴⁵¹.

Хотя сюнну охотно получали в подарок, грабили, а в крайнем случае и покупали изделия, сделанные в Китае, они не чурались и собственного производства. В Туве археологами найдены остатки железных рудников сюннуского времени. В Горном Алтае на реке Юстыд обнаружены развалины печей для обжига керамики⁴⁵²; следы гончарного производства есть и на Иволгинском городище⁴⁵³.

Керамика сюннуских памятников Забайкалья и соседних районов, хотя и несет на себе следы китайского влияния, другими своими признаками вполне самобытна или уходит корнями в местную культуру плиточных могил⁴⁵⁴. Подвергнув рентгеновскому анализу многие образцы керамических изделий из сюннуских памятников, ученые установили, что сосуды изготовлены, очевидно, из местных глин Горного Алтая и Забайкалья — тех районов, где были найдены образцы⁴⁵⁵.

Большую часть бронзовых изделий, в том числе знаменитых художественных бронз, сюнну также, вероятнее всего, изготавливали в пределах своей империи. С. С. Миняев на основе спектрального анализа химического состава сюннуских бронз пришел к выводу, что в Забайкалье в эпоху сюнну было несколько центров медно-бронзовой металлообработки. Каждый из них использовал местное сырье с еще не найденных археологами древних рудников. Отходы бронзолитейного производства обнаружены при раскопках Иволгинского городища. Очевидно, что выплавка и обработка металлов в Забайкалье были развиты и до сюнну и завоеватели использовали местные традиции. Название реки Джиды (приток Селенги) и с тюркского и с монгольского языков переводится как «медь»⁴⁵⁶.

Обычаи и нравы сюнну подробнее всего (хотя, возможно, и не вполне беспристрастно) описаны Сыма Цянем. Он, как и другие китайские авторы, упрекает своих северных соседей в корыстолюбии и незнании «правил поведения и приличия»⁴⁵⁷.

Надо сказать, что китайцы, которые вслед за Конфуцием придавали особое значение соблюдению традиций и ритуалов, очень любили упрекать всех варваров в недостаточной приверженности традициям вообще и конфуцианским в частности. Но именно сюнну «провинились» перед последователями Учителя Куна более, чем кто бы то ни было. Дело в том, что согласно конфуцианским представлениям о нравственности главным долгом любого человека было почитание родителей (а для женщины — свекрови и свекра). При жизни родителей о них надлежало неустанно заботиться (не забывая при этом и об их будущем загробном благополучии — например, заготовив для них загодя высококачественные гробы), а после их смерти следовало переключиться на разного рода заупокойные ритуалы.

Что же касается сюнну, то они, судя по всему, к своим старикам относились без того почтения, которое было основой китайской традиции. Сыма Цянь пишет о сюнну: «Взрослые и сильные мужчины [едят самое] жирное и лучшее, старые едят то, что остается. Они ценят мужество и силу, с пренебрежением относятся к старым и слабым»⁴⁵⁸.

Кстати, подобные нравы были характерны и для ухуаней — ближайших соседей сюнну. Фань Е пишет о них: «Уважают молодых и с пренебрежением относятся к старым. По характеру смелы и грубы. В гневе убивают отцов и старших братьев, но никогда не причиняют вреда матери, поскольку у матери есть сородичи и они стараются, чтобы между отцами и старшими братьями [разных родов] не было взаимной мести. (...) Убийство своего отца или старшего брата не считается преступлением»⁴⁵⁹.

Возможно, такое отношение к пожилым соплеменникам было в какой-то мере характерно для северных варваров вообще. Но не исключено, что китайцы, которые этому вопросу придавали особое значение, а у своих исконных врагов хотели видеть только недостатки, несколько утрировали положение дел. Впрочем, нельзя не признать, что Маодунь, если верить китайским историкам, действительно убил своего отца.

Когда ханьские послы упрекали сюнну в том, что они недостаточно заботятся о стариках, сановник Маодуня Чжунхан Юэ отвечал: «Сюнну открыто считают войну своим важным занятием, а поскольку старые и слабые не в состоянии сражаться, они отдают крепким и здоровым лучшую пищу и питье и этим как бы защищают себя. Таким путем отцы и сыновья получают возможность долгое время оберегать друг друга. Как можно говорить, что сюнну относятся с пренебрежением к старым людям?»⁴⁶⁰

Если даже сюнну плохо заботились о своих родителях, это в какой-то мере искупалось их заботой о вдовах. Ни одной овдовевшей женщине у них не грозило одиночество — после смерти отца сыновья женились на мачехах, после смерти брата братья забирали к себе невесток. Этот обычай, который так возмущал китайцев, в степи был необходим: женщина, если у нее нет взрослых сыновей, не может одна справиться с кочевым хозяйством. Впрочем, Чжунхан Юэ перед ханьскими послами объяснял обычай левирата «недопустимостью прекращения рода»⁴⁶¹.

Интересно, что сюнну, по крайней мере северные, после своего переселения в Юэбань славились особой опрятностью. В «Бэй-ши» рассказывается, что они «ежедневно по три раза моются и потом принимаются за пищу». На этой почве они даже поссорились со своими соседями-*жужаньцами*, с которыми ранее находились в дружеских отношениях. Однажды правитель Юэбани отправился к *жужаньцам* с дипломатическим визитом. Но едва он пересек границу, «как увидел, что мужчины не моют платья, не связывают волос, не умывают рук, женщины языком облизывают посуду». Возмущенный сюннусец сказал, что его приближенные смеются над ним и над его путешествием «в это собачье государство», и повернул обратно. Правитель *жужаньцев* послал за ним конницу, но безуспешно. «С этого времени они сделались врагами и несколько раз ходили друг на друга войною».

В «Бэй-ши» описываются и другие гигиенические привычки жителей Юэбани: сообщалось, что они стригут волосы и подравнивают брови, «намазывая их клейстером, что придает им блестящий лоск»⁴⁶².

Глава 14 Религия и погребальный обряд

Сюнну, вероятно, не были фанатами веры — информация об их религиозных ритуалах разбросана по китайским хроникам очень скупо. Составить по ней полную картину религиозной жизни сюнну нельзя — скорее, это будет мозаика. Археология тоже почти не проливает света на этот вопрос: сюнну верили в загробную жизнь и заботились о том, чтобы их соплеменники, отправляясь в последнее путешествие, были обеспечены всем необходимым, но ни одно святилище, ни одно культовое сооружение сюнну (кроме могил), насколько известно авторам данной книги, до сих пор не найдено, — вероятно, их было очень немного.

Западные жуны (которые, возможно, были предками сюнну) весьма почитали дух дракона — об этом пишет китайский историк V века Цуй Хао. Он рассказывает о ритуале, который, как известно из других источников, был характерен именно для сюнну: Цуй Хао говорит, что дракону трижды в год приносили жертвы и для этого соорудили к югу от ставки Лунчэн жертвенник в честь духа дракона.

О жертвоприношениях в Лунчэне (но уже приносимых сюннусцами) сообщает Сыма Цянь. По его сведениям, в пя-

той луне каждого года предводители сюнну «сеззаются на большой сбор в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, Небу и Земле, духам людей и небесным духам» (отметим, что историк приводит подозрительно «китайский» набор божественных покровителей). О каком-либо драконе хронист умалчивает, но само слово «Лунчэн» можно понимать как «Драконово городище». Кроме того, Сыма Цянь говорит о том, что у сюнну имелся еще и «малый сбор», который проходил в «первой луне каждого года» в ставке шаньюя, — там тоже приносились жертвы, но кому именно — не уточняется⁴⁶³.

Фань Е писал, что жертвоприношения в Лунчэне совершались трижды в год — «всегда в первой, пятой и десятой луне». Причем «...после того как южный шаньюй изъявил покорность [Хань], стали совершаться еще жертвоприношения ханьскому императору»⁴⁶⁴. Как мы уже говорили, имелся в виду, вероятно, не действующий на тот момент император династии Хань, а покойные императоры Поднебесной, включая мифических, — именно они должны были обеспечивать земное благополучие своих потомков и их подданных.

Возможно, что сюннусцам было не слишком приятно поклоняться императорам своих завоевателей. Но через два с лишним века они расквитались с китайцами за это унижение. Когда в 319 году сюннуский император Лю Яо пришел к власти, он приказал, чтобы на территории империи его покойных предшественников-сюнну чтили наравне с китайскими божествами: «Маодуню приносились жертвы наравне с жертвами Небу, а Лю Юаньхаю — наравне с Верховным владыкой»⁴⁶⁵.

Интересно, что сюнну даже на религиозных сборищах не ставили ритуальные и душеспасительные занятия во главу угла. Фань Е пишет: «Используя жертвоприношения, [сюнну] собирали все кочевья, обсуждали государственные дела и устраивали развлечения — скачки лошадей и бег верблюдов»⁴⁶⁶.

Если не все сюнну, то по крайней мере шаньюй каждое утро, выходя из своего шатра, кланялся в сторону восходящего солнца, а вечером совершал поклон луне. Впрочем, у шаньюя были свои отношения со светилами, недаром в официальной переписке первые шаньюи величали себя «Небом и Землей

рожденный, Солнцем и Луной поставленный...» Сыма Цянь пишет: «Затевая поход или другое какое большое дело, сюнну учитывают положение звезд и луны»⁴⁶⁷.

Но покровительство светил не избавляло шаньюя от страха перед злыми духами и сглазом. Сыма Цянь пишет: «По законам сюнну, ханьские послы не имели права входить в юрту [шаньюя], не оставив снаружи своего верительного знака и не разрисовав тушью лицо»⁴⁶⁸. Почему надо было оставлять снаружи верительные знаки, не вполне понятно. Ну а то, что китаец называет «разрисовкой лица», вероятно, было нанесением магических знаков, которые нейтрализовывали возможное дурное влияние злокозненных ханьцев.

Касательно религиозных обрядов сюнну у Сыма Цяня есть загадочное упоминание о некоем «изображении золотого человека», которое употреблялось при жертвоприношениях Небу. Это изображение хранилось у сюннского Сючу-вана и в 121 году до н. э. было захвачено китайским полководцем Хо Цуй-бином⁴⁶⁹.

Что это было за изображение и как именно его использовали — неизвестно. Никаких других сведений о том, что сюнну поклонялись каким-либо скульптурам, не сохранилось. Выказывалось мнение, что речь могла идти о золотой статуе Будды⁴⁷⁰ — как раз примерно с этого времени буддизм начинал проникать на занятые сюнну территории. Но это были лишь первые робкие шаги молодой религии на север, и представляется маловероятным, чтобы у сюнну уже в конце II века до н. э. существовал столь «дорого обставленный» культ Будды.

Во всяком случае, буддизм, даже если он и проник в сюннскую среду, не смягчил варварских нравов и не способствовал гуманизации их религиозных традиций. Сюнну практиковали человеческие жертвоприношения, и одно из них описано вскоре после утраты ими золотой статуи. Историю эту сохранил Бань Гу.

После того как в начале I века до н. э. Эршиский военачальник сдался сюнну, он некоторое время пользовался благосклонностью шаньюя Хулугу. Тот «дал ему в жены свою дочь и относился к нему с большим уважением и благоволением, чем к Вэй Люю» — могущественному сюннскому са-

новнику. Случилось так, что мать шаньюя заболела. На помощь призвали шамана, дабы тот выяснил у духов причину болезни. Но Вэй Люй не дал провидцу пообщаться с духами и велел от имени покойного отца Хулугу сообщить следующее: «Давно еще хусцы во время жертвоприношения перед походом обещали, что если они захватят Эршиского военачальника, то принесут его в жертву духу земли. Почему же нынче его не приносят в жертву?» Злополучного военачальника схватили, но он успел крикнуть: «После смерти я непременно уничтожу сюнну». «Потом его закололи и принесли в жертву».

Эршиский военачальник был, надо думать, добрым конфуцианцем и к сюннускому пантеону прямого отношения не имел. Но угроза его оказалась не пустыми словами: в землях сюнну в течение нескольких месяцев не прекращался снегопад, начался падеж скота, хлеба не вызрели, люди стали болеть. И тогда «напуганный шаньюй построил молельню для жертвоприношений Эршискому военачальнику». Вероятно, это помогло, потому что дела в сюннуской державе после этого наладились⁴⁷¹.

Единственная хорошо изученная сфера ритуальной жизни сюнну — это погребальный обряд. Впрочем, китайские авторы описывают его достаточно скупой и, возможно, не вполне точно. Сыма Цянь рассказывает:

«Для похорон [у них] есть внутренний и внешний гроб, [с покойником кладут] золото и серебро, одежду и шубы, но [они] не насыпают могильных холмов, не обсаживают могилы деревьями и не носят траурных одежд. Когда умирает правитель, то вместе с умершим хоронят его любимых слуг и наложниц, их число достигает нескольких сотен или тысяч человек»⁴⁷².

Считается, что историк сильно преувеличил кровожадность сюнну. Археологам известны скромные захоронения, которые тянутся вдоль сюннуских «царских» курганов, но максимальное их количество не превышает 27 — столько могил было найдено рядом с большим курганом некрополя Гол Мод в Монголии. Могилы здесь идут плотным рядом, причем социальный статус погребенных меняется с севера

к югу, — вероятно, структура цепочки могил была продумана и создана единовременно. И это наводит на мысль о жертвоприношении. В Забайкалье в Дырестуйском могильнике возле крупного кургана был захоронен ребенок 10–12 лет, который, судя по отверстию в черепе, был убит ударом острого предмета. На ногах подростка, найденного у другой крупной гробницы, в Ильмовой пади, обнаружены остатки железной цепочки, которой, видимо, были связаны ноги⁴⁷³.

Описание похорон императора Ши Лэ и его матери сохранил Фан Сюаньлин. Оба они были похоронены тайно. Это дало комментаторам основания предположить, что «своих покойников *цзесцы* хоронили так, чтобы место погребения оставалось неизвестным»⁴⁷⁴. Но авторы настоящей книги рискуют высказать еще одно предположение по поводу тайных похорон Ши Лэ и его матери. Дело в том, что перед тем, как Ши Лэ стал императором, ему довелось увидеть, как мятежник Цзинь Чжунь, захватив власть, расправился с могилами своих предшественников. «Могилы Лю Юаньхая и Лю Цуна были разрыты, а их храм предков сожжен»⁴⁷⁵. Когда узурпатор был свергнут, Ши Лэ приказал «восстановить могилы Лю Юаньхая и Лю Цуна, подобрать более ста трупов, в том числе труп Лю Цаня, и похоронить их»⁴⁷⁶. Но вероятно, он понимал, что после его собственной смерти его могилу может ожидать подобная участь. И тайные похороны могли быть не старой цзеской традицией, а предосторожностью императора, который не был уверен в долговечности своей династии и в гуманности своих преемников.

Археологи имеют значительно более обширные и точные сведения о сюннуском обряде погребения, хотя и их нельзя назвать исчерпывающими — слишком много могил было разграблено до того, как они попали в поле зрения ученых.

История раскопок погребений сюнну, как и вообще сюннуской археологии, началась в 1896 году, когда в Забайкалье врач российского пограничного города Троицкосавска (ныне Кяхта) Д. Талько-Грынцевич в урочище Ильмовая падь раскопал несколько курганов неизвестной ранее культуры⁴⁷⁷. Талько-Грынцевич не был профессиональным археологом, но он был разносторонне образованным человеком, увлечен-

ным краеведом, а главное, энтузиастом любого дела, за которое брался. Он не только раскопал десятки курганов, но и правильно определил их принадлежность сюнну.

С тех пор на огромной территории бывшей сюннуской державы — в Северном Китае, Монголии, России — были раскопаны многие сотни погребений. Благодаря работам российских ученых погребальный обряд сюнну лучше всего изучен на материалах некрополей российского Забайкалья. Сюннуские некрополи принято разделять на две большие группы: курганные могильники и так называемые «грунтовые некрополи», которые обычно лежат неподалеку от городищ и поселений и напоминают современные кладбища.

В грунтовых могильниках Забайкалья (Иволгинское городище, поселение Дурены) в основном погребены сюнну, ставшие земледельцами или ремесленниками, представители аборигенного населения и пленники из Поднебесной. Но, как правило, по самой могиле невозможно определить национальную принадлежность ее хозяина. Да, скорее всего, она и ему самому была не вполне понятна — слишком быстро шли процессы смешения и генов, и культур. Большинство могил имеют и сюннуские, и местные черты одновременно.

Погребения Иволгинского некрополя в основном имеют немало общего с погребениями в курганах, которые принадлежали сюнну-кочевникам, но в то же время они разнообразнее в деталях — эти детали были, вероятно, привнесены соседями, принадлежавшими к другим культурам. Большая часть этих грунтовых захоронений совершена в простых прямоугольных ямах, не превышающих в глубину 2,5 метра. Погребенные находились в дощатых гробах и лежали на спине головой к северу. В северной части могилы (это место исследователь Иволгинского комплекса А. В. Давыдова называет «хозяйственной частью»⁴⁷⁸), за головой и за стенкой гроба помещали заупокойную пищу в керамических сосудах, куски мяса (как правило, баранины). В мужских погребениях находят остатки оружия — кинжалы, наконечники стрел, накладки на лук. Украшения чаще находят в женских захоронениях: разнообразные бусы и подвески из бирюзы, яшмы, сердолика, агата, янтаря⁴⁷⁹, реже украшения из раковин каури и их

имитаций, сделанных из речных раковин⁴⁸⁰. Редкая находка в погребениях — китайские монеты типа у-шу, которые сюнну, видимо, подвешивали к поясу в виде украшения⁴⁸¹. Находки монет особо радостны для археологов, так как по ним можно определить дату погребения.

В большинстве могил находят бронзовые детали поясов — пряжки, крупные прямоугольные накладки, кольца. Если могила ограблена, обычно остаются хотя бы их обломки, а на костях скелета — следы окислов бронзы. Пояс был чрезвычайно важной деталью костюма кочевников — и мужчин, и женщин. В неограбленных погребениях находят и по два комплекта деталей от двух поясов — для верхней и нижней одежды⁴⁸². Причем иногда пояса не надевали на покойника, а клали в могилу рядом с ним в развернутом положении. Интересно, что если на пряжках из мужских погребений Забайкалья изображены разнообразные головы животных, то на пряжках и накладках из женских захоронений, как правило, встречаются сюжетные сцены борьбы зверей⁴⁸³, например двух тигров с драконом⁴⁸⁴.

Грунтовые некрополи Забайкалья оставлены, вероятно, не самым богатым и влиятельным населением империи сюнну — это скорее «средний класс». Для Иволгинского некрополя — самого крупного из исследованных — не характерны ни очень богатые, ни совсем бедные захоронения. Это неудивительно: власть и богатства были сосредоточены в руках сюнну-кочевников, к которым принадлежала и верхушка кочевой знати — шаньюй, военачальники... Эти люди хоронили своих усопших в курганах, совсем в другой местности. Их могилы и составляют вторую — курганную группу погребений.

Курганные могильники сюнну иногда образуют грандиозные поля, каждое из которых насчитывает сотни курганов⁴⁸⁵. Наиболее известны и исследованы некрополи в Ильмовой пади в Забайкалье (порядка трехсот насыпей) и Ноин-Улинские курганы в Северной Монголии (более двухсот). Оба эти могильника расположены в сходной местности — довольно высоко в лесистых горах, на склонах небольших уединенных горных распадков — падей, на дне которых текут небольшие речки или пересыхающие ручьи. Зачастую курганы распо-

ложены небольшими группами — причем крупные находятся как бы в окружении малых, и, вероятно, каждая из таких небольших групп является родовым кладбищем⁴⁸⁶. Именно в Ильмовой пади и Ноин-Уле археологами раскопаны погребения высшей сюннуской знати, принадлежавшие в том числе, возможно, шаньюям.

Самый распространенный тип курганного сюннуского погребения — в прямоугольной глубокой (обычно до 3,5 метра) яме, на дне которой помещался прямоугольный сруб из деревянных бревен. Внутри сруба ставился дощатый гроб с телом; покойник, как и в грунтовых погребениях сюнну, был ориентирован головой к северу. Этот тип обряда — гроб в срубe — напоминает обряд похорон, описанный Сыма Цянем. Напомним: историк сообщает, что сюнну хоронили своих покойников в двух гробах — внутреннем и внешнем⁴⁸⁷. В северной части могилы, между стенками сруба и гроба или над венцами сруба, укладывали жертвенную пищу. И это были уже не скромные куски баранины, как в Иволгинском могильнике, — погребенного в кургане кочевника обычно сопровождало в иной мир целое «стадо» крупного и мелкого рогатого скота (лошади, быки, овцы, козы), иногда до двенадцати голов в одном погребении⁴⁸⁸. Впрочем, найденные в курганах рядовых кочевников вещи, в том числе остатки оружия, не сильно отличаются от аналогичных предметов из грунтовых могил.

Помещение жертвенной пищи в северной части могилы — общая черта и рядовых сюнну, и высшей знати; это то, что выделяет их погребения из многих других археологических культур. Часто за головой погребенного выкладывали в ряд несколько черепов крупных животных, обращенных к северу. Расчищенная могила в сюннуском кургане представляет собой примечательное, неповторимое зрелище.

В древности, когда могила засыпалась землей, над ней делалась небольшая каменная вымостка диаметром 8–10 метров и высотой до полуметра...⁴⁸⁹ Таков облик могил рядовых кочевников, погребенных в курганах и, вероятно, занимающих по богатству и социальному статусу среднее положение между жителями поселений и элитой кочевников. Но рядовые курганы и по устройству могил, и по богатству погре-

бального инвентаря не идут ни в какое сравнение с погребениями высшей сюннуской знати.

«Царские» курганы, усыпальницы правителей первой кочевой империи, — грандиозные сооружения, необычные на фоне погребений других кочевых культур. Они выделяются среди рядовых курганов сюнну большими размерами и редкой формой — в плане они имеют вид квадрата. При небольшой, обычно не более полутора метров, высоте эти насыпи имеют длину сторон 15–25 и более метров. К югу от насыпи тянется довольно длинный (5–20 метров) продолговатый низкий холм, который археологи иногда зовут «хвостом» или «шлейфом». Первый курган с квадратной насыпью раскопал еще в конце XIX века Талько-Грынцевич в Ильмовой пади. Но раскопки были не очень удачными, их не удалось завершить, и никаких интересных находок здесь сделано не было⁴⁹⁰.

В 1912 году в Северной Монголии в горах Ноин-Ула горный техник Е. Баллод, приняв разграбленный курган за заброшенную штольню золотодобытчиков, нашел в нем ряд вещей и передал их в музей Троицкосавска, где хранились и коллекции Талько-Грынцевича. В 1924 году сведения об этом дошли до П. К. Козлова — известного русского путешественника и археолога. Козлов срочно организовал экспедицию и раскопал Баллодовский и еще несколько крупных курганов сюнну⁴⁹¹. Так начались исследования знаменитых впоследствии на весь мир Ноин-Улинских курганов.

Козлов и его соратники нашли огромное количество вещей почти неведомой прежде культуры, в том числе из драгоценных металлов, а также вышитые расписные ткани, предметы китайского импорта... Выставка, организованная в стенах ленинградского Эрмитажа, произвела сенсацию. Но в те годы археологи еще не ставили перед собой задачу детально исследовать весь курган так, как этого требуют сегодняшние методики, поэтому большая часть курганов была раскопана только в центре, методом прорытия «колодца». При этом конструкция погребения и многие тонкости обряда ускользали от внимания исследователей.

На некоторое время раскопки сюннских курганов в Забайкалье почти прекратились. В 70-е годы в Ильмовой пади П. Б. Коновалов раскопал «квадратный» курган, исследовав послойно всю его площадь и детально изучив устройство погребальной конструкции⁴⁹². Раскопки этого кургана продолжались пять лет — с 1970 по 1975 год, но они того стоили. Они дали массу ценной информации, хотя ярких находок и не было сделано.

В последние годы археологи изучают элитные сюннские курганы особенно активно. Возведением насыпей сюнну не увлекались, но они придавали особое значение глубине могил. Глубина погребения, раскопанного С. С. Миняевым в Забайкалье в местности Царам, составила порядка 17 метров (от уровня земли). Н. В. Полосьмак в Ноин-Уле исследовала несколько курганов; один из них, под номером 20, имел рекордную для сюннских курганов глубину — более 18 метров! И Миняеву, и Полосьмак удалось открыть богатые, хотя и ограбленные погребения; в них осталось немало предметов, не замеченных мародерами.

В разрезе погребение знатного сюннсуца напоминало перевернутую ступенчатую пирамиду. Квадратная у поверхности яма (повторяющая контур насыпи и вымостки под ней) несколькими уступами сужалась ко дну. В верхней части она была разделена на отсеки каменными или деревянными перегородками, образующими «каменный скелет» или деревянную клеть. Ниже этих перегородок, одно над другим, располагались каменные перекрытия, обычно их было четыре, по числу уступов «пирамиды». Ниже уступов шел прямоугольный колодец с почти вертикальными стенками — на его дне и устраивалось погребение.

На дно колодца ставились два деревянных сруба из бревен и брусьев — один в другом; внутри меньшего сруба помещался гроб с телом. Сверху срубы были дополнительно перекрыты мощным деревянным настилом. Над этим настилом после совершения погребения разжигался очистительный огонь. Видимый на поверхности земли «шлейф», или «хвост», — это засыпанный дромос-вход, который с юга полого понижался и врезался в погребальную камеру.

Дошатаый гроб обычно был покрыт красным лаком, а внутри обтянут тканью, поверх которой дополнительно украшен «решеткой» из полосок золотой фольги с золотыми розетками в углах клеток. Стены сруба были драпированы драгоценными китайскими, парфянскими, ближневосточными тканями; пол внутри погребальной камеры устлан коврами. Иногда на стенах сруба-камеры были развешаны уздечные наборы. Посмертные дары находились в самом гробе или в северной части погребальной конструкции, в том числе между внешним и внутренним срубами. Они обязательно включали в себя останки животных — ритуальное стадо, сопровождавшее шаньюя-скотовода в загробный мир⁴⁹³.

В большинстве элитных суннских курганов находят срезаанные женские косы, некоторые — в футляре из шелковой ткани. Предполагают, что эти косы были обрезаны в знак траура приближенными шаньюя⁴⁹⁴. Интересно, что в известном Ноин-Улинском кургане № 6, где, возможно, погребен шаньюй Учжулю, было найдено рекордное количество кос (около ста), а в кургане № 24, где, вероятно, похоронена женщина, — ни одной⁴⁹⁵.

Говоря о тройной погребальной камере (два сруба и гроб), а также о золотых украшениях гроба, нельзя не вспомнить свидетельство готского хрониста VI века Иордана, о том, что Аттила был похоронен в трех гробах, один из которых был золотым⁴⁹⁶. Возможно, Аттила, в отличие от рядовых гуннов, ворвавшихся в Европу в IV веке, сохранил традиции суннских шаньюев.

Только из Ноин-Улинских курганов, несмотря на то что они были ограблены, извлечены тысячи предметов. Шелковые и шерстяные вышитые ткани, золотые и серебряные украшения, в том числе конские фалары с художественными рельефными изображениями, лаковая китайская посуда, серебряные зеркала... В нескольких курганах найдены даже части ханьских колесниц, очевидно помещенных в могилу целиком⁴⁹⁷.

Большинство этих предметов, как и сегодня, оказались «made in China» или сделаны в государствах Средней Азии и Ближнего Востока, некоторые были даже греко-римского производства. Почти все, что найдено в элитных курганах,

очевидно, было получено в виде дани, в результате торговли и грабежа и не имеет отношения к собственно сюннуской культуре. В этом смысле скромные погребения Иволгинского и других рядовых могильников более «сюннуские», чем усыпальницы шаньюев.

В «царских» курганах, как правило, находят только фрагменты скелетов, поскольку грабители учиняли в погребальной камере форменный разгром. Но по тем костям, которые все же попали в руки ученых, сделан довольно необычный вывод: в «царских» сюннуских усыпальницах, вероятно, погребали как мужчин (очевидно, шаньюев), так и женщин. В Ильмовой пади в кургане, раскопанном П. Б. Коноваловым, был похоронен мужчина-монголоид крепкого телосложения⁴⁹⁸. А в 20-м, самом глубоком Ноин-Улинском кургане, по мнению Н. В. Полосьмак, возможно, похоронена одна из жен шаньюя⁴⁹⁹.

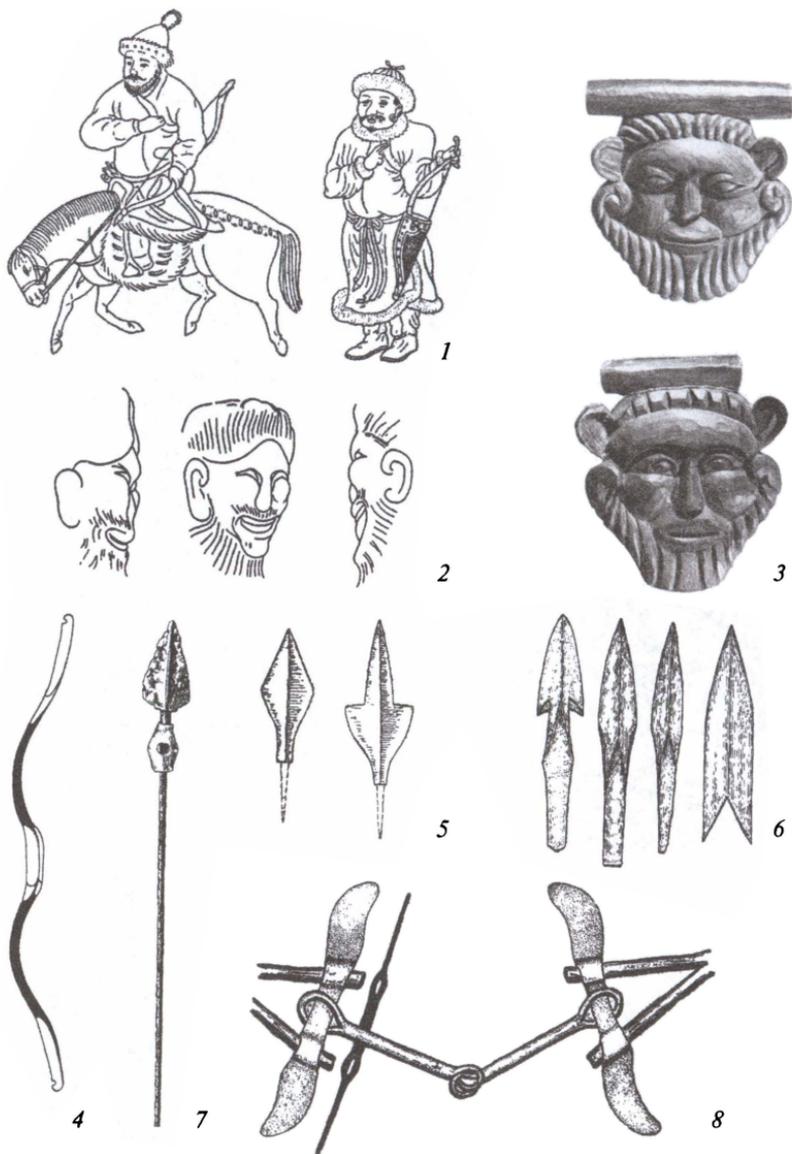
Ученые в основном сходятся на том, что конструкция ступенчатого погребального сооружения заимствована сюнну из Китая, как и некоторые другие детали обряда. Очевидно, что сюнну стремились подражать ритуалам Поднебесной, которую почитали за образец. Хотя нельзя не отметить, что традиции сооружений типа «гроб в срубе» или напоминающих «двойной сруб» прослежены и в некоторых курганах скифского круга⁵⁰⁰. Вполне загадочным в элитных сюннуских курганах представляется описанное выше устройство каменных перегородок или деревянных клетей — в памятниках других культур пока не отмечено ничего подобного.

Курганы и грунтовые погребения сюнну в Забайкалье и Северной Монголии, вероятно, датируются второй половиной II века до н. э. — I веком н. э. Потеряв Ордос и Ганьсуский проход, сюнну откочевали в эти земли, туда сместились политические центры их державы, там были основаны новые укрепления и поселения.

Для датировки «царских» курганов неоценимую помощь археологам оказали лаковые китайские чашечки «бэй-ши» с иероглифическими надписями⁵⁰¹ и шелковая одежда с вытканными иероглифами⁵⁰². По особенностям иероглифической надписи можно достаточно точно определить, когда чашка была изготовлена. Именно основываясь на датиров-

ке такой надписи на чашке из 6-го Ноин-Улинского кургана, А. Н. Бернштам предположил, что в нем погребен шаньюю Учжулю⁵⁰³. Дело в том, что чашка эта была изготовлена во 2 году до н. э. Известно, что Учжулю посетил императора Ай-ди на следующий год после ее изготовления и умер в 13 году н. э. Очень возможно, что этот дорогой и престижный предмет был подарен шаньюю в Китае и позднее уложен в его могилу. Хотя нельзя исключить и возможности того, что чашка, полученная Учжулю, попала потом к его наследникам и ее положили в могилу одного из потомков шаньюя. По поводу остальных чашек ситуация тоже не вполне однозначная. Поэтому археологи осторожно датируют Ноин-Улинские курганы концом I века до н. э. — I веком н. э.

Шаньюйские усыпальницы воздвигнуты, вероятно, в I веке н. э. — в начале столетия сюннская империя переживает короткий взлет. По иронии судьбы самые роскошные из них были созданы в преддверии грядущего краха державы, который наступил уже в середине этого века. Невольно приходит на ум аналогия со скифами — самые высокие курганы их царей были возведены совсем незадолго перед тем, как Великая Скифия исчезает с политической карты. Но сюнну повезло больше. После того как их держава была уничтожена Китаем, они, пережив падение, сумели возвести своих императоров на троны Поднебесной. А северные сюнну, исчезнув на пару столетий из летописей и даже из памяти азиатских народов, вероятно, возродились в Европе под новым, хотя и похожим именем — гунны.

Сюнну глазами древних китайцев и соседей-кочевников;
сюннское оружие и конская упряжь:

1 — изображение северных кочевников в средневековой китайской энциклопедии; 2 — голова сюнну, прорисовка каменного рельефа с гробницы Хо Цюй-Бина⁵⁰⁴; 3 — деревянные «отрубленные» головы сюнну на узде из Пазырыцкого кургана⁵⁰⁵; 4 — сюннуский лук⁵⁰⁶; 5 — железные наконечники стрел⁵⁰⁷; 6 — костяные наконечники стрел⁵⁰⁸; 7 — стрела со свистком⁵⁰⁹; 8 — конская узда⁵¹⁰

1

2

3

4

5

6

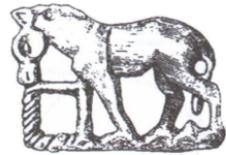

7

Украшения конской упряжи — серебряные, бронзовые и чугунная
бляхи с изображениями животных из «царских» курганов сюнну:
1 — Ноин-Ула⁵¹¹; 2,3,7 — Ноин-Ула⁵¹²; 4,5 — Царам⁵¹³; 6 — Северный
Китай⁵¹⁴

1

2

3

4

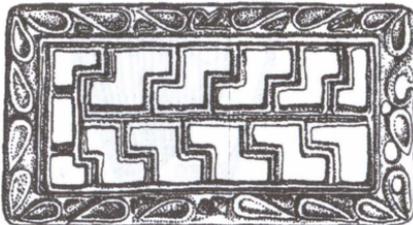
5

6

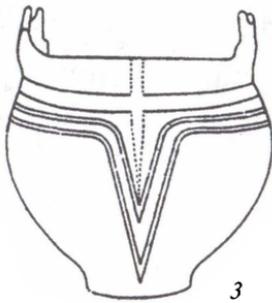
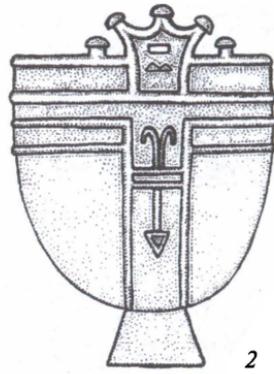
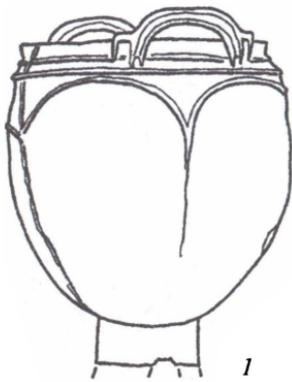
7

8

9

Сюннуские бронзовые котлы (1–3) и керамические сосуды (4)⁵¹⁶

1

2

3

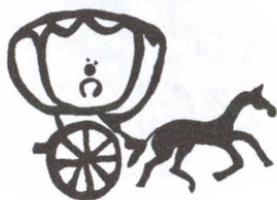
4

5

6

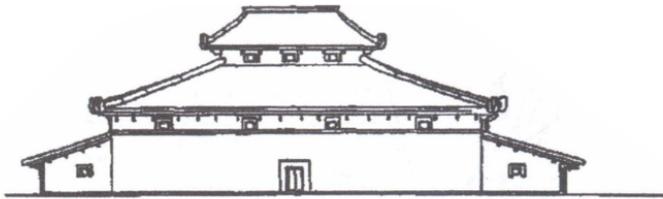
7

8

Сюннуские жилища, повозки и всадники:

1—4 — сюннуские жилища⁵¹⁷; 5 — сюннуские жилища, изображенные на берестяной шкатулке из кургана в местности Царам⁵¹⁸; 6, 7 — петроглифы сюннуского времени в Северной Монголии⁵¹⁹; 8 — «Чикойский всадник». Прорисовка бронзовой фигурки, найденной возле сюннуского поселения в Забайкалье⁵²⁰

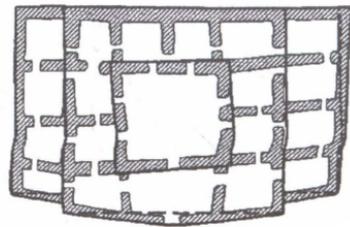
1

2

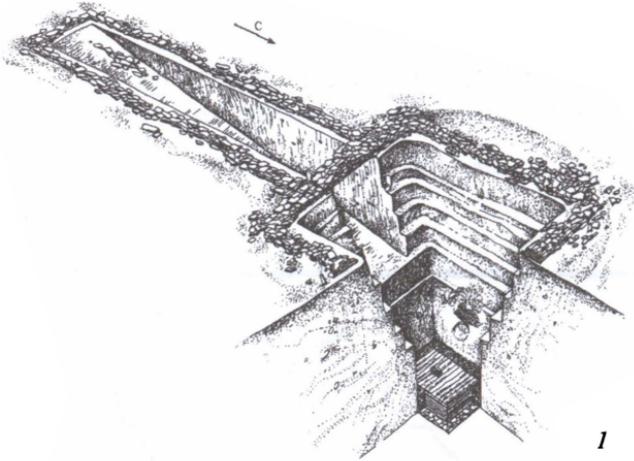

3

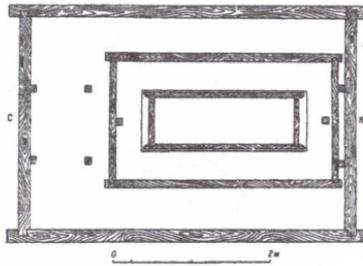

4

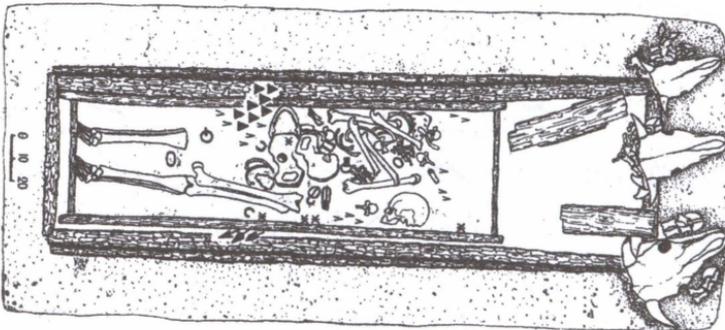
Абаканский дворец — реконструкция, план и находки:
1 — Абаканский дворец, реконструкция И.Л. Кызласова, рис. Т.С. Доб-
ровой⁵²¹; 2 — бронзовые дверные ручки⁵²²; 3 — черепичный диск⁵²³; 4 —
реконструкция плана Абаканского дворца⁵²⁴

1

2

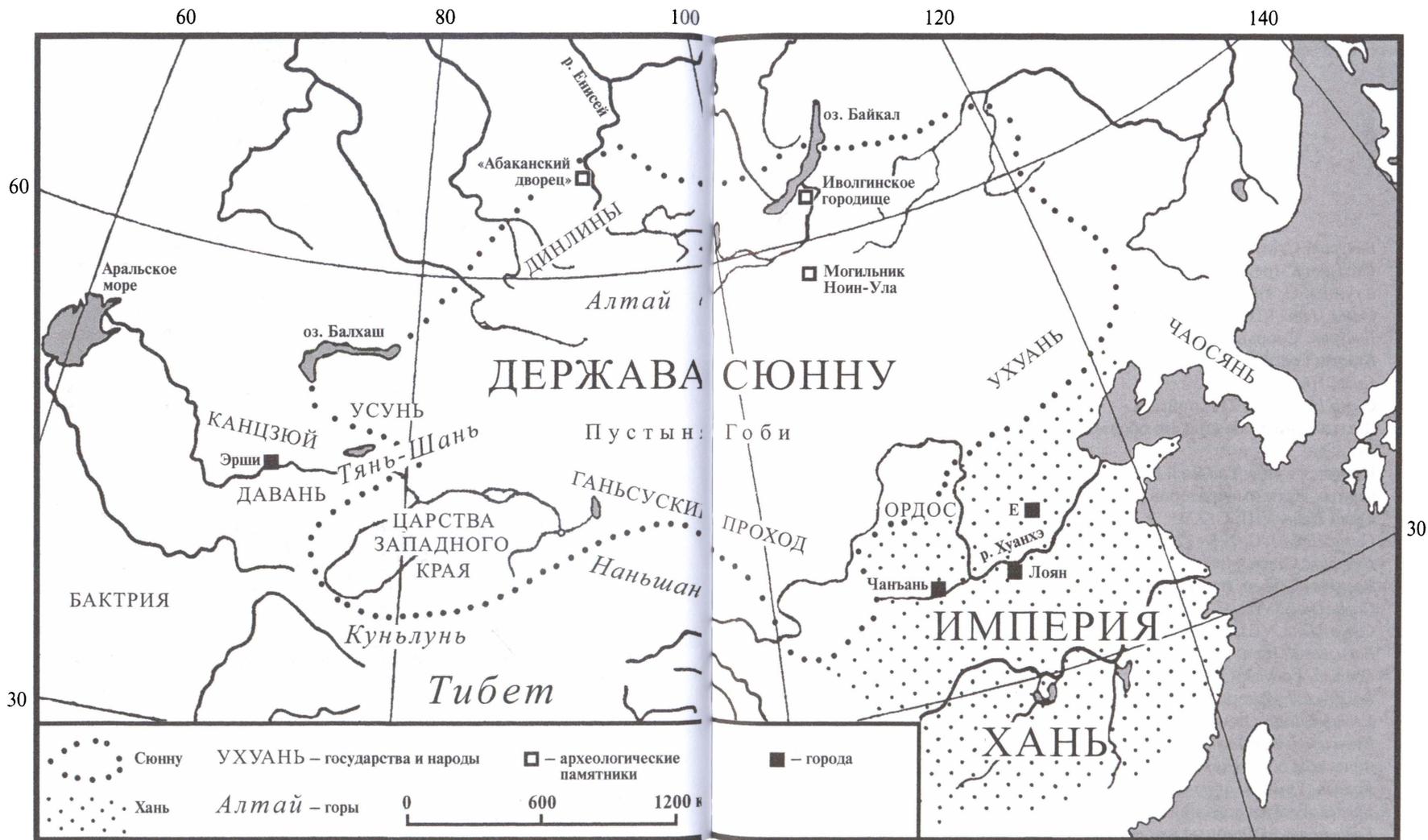

3

Сюннуские погребения: «царский» курган из Ноин-Улы⁵²⁵; план погребальной камеры одного из курганов⁵²⁶; погребение сюнну с черепами жертвенных животных⁵²⁷

Держава сюнну в период расцвета
в первой половине — середине II века до н.э.

На основе карт: Гумилев. Хунну. С. 214; Крюков и др. Древние китайцы. С. 120.

- ¹ *Бичурин*. Статистическое описание. С. 267.
- ² *Васильев К.* [рец. на:] *Гумилев*. Хунну. С. 120; *Иностранцев*. Хунну и гунны. С. IV; *Кюнер*. Китайские известия. С. 25.
- ³ *Сыма Цянь*. VIII. С. 384, прим. 17.
- ⁴ *Бичурин*. Собрание сведений. I. С. 39, прим. 1.
- ⁵ *Бураев*. Географический фактор. С. 8.
- ⁶ *Сыма Цянь*. I. С. 134.
- ⁷ *Сыма Цянь*. I. С. 222, прим. 4.
- ⁸ Даты жизни Хуан-ди и его образ см.: *Духовная культура Китая*. II. Хуан-ди.
- ⁹ Имеются в виду Тан Яо и Юй Шунь — четвертый и пятый из легендарных Пяти императоров Китая.
- ¹⁰ *Сыма Цянь*. VIII. С. 323.
- ¹¹ *Сыма Цянь*. I. С. 225–226, прим. 21.
- ¹² *Бичурин*. Статистическое описание. С. 266.
- ¹³ *Васильев К.* [рец. на:] *Гумилев*. Хунну. С. 121.
- ¹⁴ *Сыма Цянь*. VIII. С. 323.
- ¹⁵ *Сыма Цянь*. VIII. С. 440–441, прим. 2.
- ¹⁶ *Васильев К.* [рец. на:] *Гумилев*. Хунну. С. 121.
- ¹⁷ *Кейтли*. Государство Шан.
- ¹⁸ *Васильев Л.* История религий. С. 551.
- ¹⁹ *Кляшторный*. Степные империи. С. 14.
- ²⁰ *Кузнецова-Фетисова*. Образ колесницы; *Кучера*. К вопросу о техническом обеспечении...
- ²¹ *Крадин*. Гумилев и современные проблемы. С. 456.
- ²² *Бураев*. Географический фактор. С. 6.
- ²³ *Кляшторный*. Степные империи. С. 16.

- ²⁴ *Васильев К.* [рец. на:] *Гумилев*, Хунну. С. 122, прим. 17.
- ²⁵ *Гумилев*. Хунну. С. 16.
- ²⁶ *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 150.
- ²⁷ Пер.: В. М. Крюков. Цит. по: *Кляшторный*. Степные империи. С. 14–15.
- ²⁸ Пер.: В. М. Крюков. Цит. по: *Кляшторный*. Степные империи. С. 15.
- ²⁹ Пер.: В. М. Крюков. Цит. по: *Кляшторный*. Степные империи. С. 15.
- ³⁰ *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 154.
- ³¹ *Кюннер*. Китайские известия. С. 308, прим. 3.
- ³² *Шицзин*. С. 135–136.
- ³³ *Шицзин*. С. 143–144.
- ³⁴ *Сыма Цянь*. V. С. 94.
- ³⁵ Материалы. 1989. С. 229, прим. 6.
- ³⁶ *Думан*. [рец. на:] *Гумилев*, Хунну. С. 197–198.
- ³⁷ Каталог гор и морей. С. 137.
- ³⁸ Вёсны и осени. С. 372.
- ³⁹ *Лю Сян*. Жизнеописания. С. 164.
- ⁴⁰ Вёсны и осени. С. 372.
- ⁴¹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 324–325.
- ⁴² История Ю-юя изложена по: *Сыма Цянь*. II. С. 30–33.
- ⁴³ *Сыма Цянь*. VIII. С. 325.
- ⁴⁴ *Сыма Цянь*. VIII. С. 325–326.
- ⁴⁵ *Сыма Цянь*. VIII. С. 326.
- ⁴⁶ *Сыма Цянь*. VII. С. 153.
- ⁴⁷ *Сыма Цянь*. VIII. С. 326.
- ⁴⁸ *Сыма Цянь*. VIII. С. 326.
- ⁴⁹ *Сыма Цянь*. II. С. 42–43.
- ⁵⁰ *Васильев К.* [рец. на:] *Гумилев*. Хунну. С. 121.
- ⁵¹ Цит. по: *Ковалёв*. Происхождение хунну. С. 153.
- ⁵² Война между сюнну и царством Чжао описана по: *Сыма Цянь*. VII. С. 258–260.
- ⁵³ *Сыма Цянь*. 1968. С. 112.
- ⁵⁴ *Сыма Цянь*. IX. С. 54.
- ⁵⁵ *Сыма Цянь*. VIII. С. 327.
- ⁵⁶ Доклад Чжифу Яня цитируется по: *Сыма Цянь*. 1968. С. 112.
- ⁵⁷ *Сыма Цянь*. VIII. С. 329.
- ⁵⁸ *Сыма Цянь*. VIII. С. 327.
- ⁵⁹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 329.
- ⁶⁰ Теории связи сюнну с культурами «ордосских бронз» и «плиточных могил» изложены по: *Коновалов*. Происхождение... хунну. С. 115–121.

- ⁶¹ Миняев. Сюнну. С. 123.
- ⁶² Миняев. О дате появления сюнну. С. 110.
- ⁶³ Коновалов. Усыпальница. С. 44–45.
- ⁶⁴ Полосьмак. Некоторые аналоги; Крадин. Гумилев и современные проблемы. С. 458.
- ⁶⁵ Цит. по: Крадин. Гумилев и современные проблемы. С. 460.
- ⁶⁶ Обзор мнений см.: Мануйлов. Сюнну.
- ⁶⁷ Бураев. Географический фактор. С. 8.
- ⁶⁸ Мануйлов. Сюнну. С. 46–47.
- ⁶⁹ Кляшторный. Степные империи. С. 19; Засецкая. Культура кочевников. С. 155.
- ⁷⁰ История воцарения Маодуня изложена по: Сыма Цянь. VIII. С. 237–238.
- ⁷¹ Бичурин. Собрание сведений. I. С. 47, прим. 1.
- ⁷² В эпоху Цинь — Хань ли составлял 432 м (Крюков. Древние китайцы. С. 370).
- ⁷³ <http://infofermer.ru/ispytaniya-loshadej.html>.
- ⁷⁴ Внешняя политика Маодуня описана по: Сыма Цянь. VIII. С. 327–331.
- ⁷⁵ Подробней см.: Крадин. Империя хунну. С. 53.
- ⁷⁶ Материалы. 1968. С. 129–130, прим. 87; Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 63 и сл.
- ⁷⁷ Мифы, ст. «Огуз-хан».
- ⁷⁸ Крадин. Империя хунну. С. 54.
- ⁷⁹ Крадин. Империя хунну. С. 49–51.
- ⁸⁰ Материалы. 1968. С. 130, прим. 87.
- ⁸¹ Материалы. 1973. С. 149, прим. 11.
- ⁸² Фань Е. 1973. С. 73.
- ⁸³ Китайские императоры зачастую входили в историю не под личными именами, а под посмертными или так называемыми храмовыми (тоже посмертными).
- ⁸⁴ Предательство Хань Синя описано по: Сыма Цянь. VIII. С. 131–132.
- ⁸⁵ Сыма Цянь. VIII. С. 331.
- ⁸⁶ Сыма Цянь. VIII. С. 331.
- ⁸⁷ Сыма Цянь. VIII. С. 132.
- ⁸⁸ Сыма Цянь. VIII. С. 195.
- ⁸⁹ Победа Маодуня описана по: Сыма Цянь. VIII. С. 331–332.
- ⁹⁰ Модель взаимоотношений сюнну с Китаем описана по: Барфилд. Опасная граница. С. 14, 20.
- ⁹¹ Сыма Цянь. VIII. С. 132, 137.
- ⁹² Сыма Цянь. VIII. С. 332.
- ⁹³ История Лу Ваня изложена по: Сыма Цянь. VIII. С. 134–136.
- ⁹⁴ Изложено по: Сыма Цянь. VIII. С. 133.

- ⁹⁵ *Сыма Цянь*. VIII. С. 136–137.
- ⁹⁶ *Сыма Цянь*. VIII. С. 196.
- ⁹⁷ *Сыма Цянь*. VIII. С. 323.
- ⁹⁸ *Сыма Цянь*. VIII. С. 197.
- ⁹⁹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 332.
- ¹⁰⁰ *Фань Вэнь-лань*. Древняя история. С. 124, прим. 1.
- ¹⁰¹ *Кюнгер*. Китайские известия. С. 204.
- ¹⁰² *Бань Гу*. 1973. С. 39.
- ¹⁰³ *Кычанов*. Кочевые государства. С. 29.
- ¹⁰⁴ *Кычанов*. Кочевые государства. С. 29.
- ¹⁰⁵ *Сыма Цянь*. VIII. С. 332.
- ¹⁰⁶ Переписка Маодуня и императрицы дана по: Материалы. 1968. С. 138, прим. 127.
- ¹⁰⁷ *Зенгер*. Стратагемы. Стратагема 2.19.
- ¹⁰⁸ *Е Лун-ли*. С. 135, 240.
- ¹⁰⁹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 233.
- ¹¹⁰ Цит. по: Материалы. 1968. С. 139, прим. 127.
- ¹¹¹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 332.
- ¹¹² *Сыма Цянь*. VIII. С. 333.
- ¹¹³ *Сыма Цянь*. VIII. С. 333.
- ¹¹⁴ *Барфилд*. Опасная граница. С. 20 и сл.
- ¹¹⁵ *Вэй Шоу*. История династии Вэй (по: Материалы. 1984. С. 37).
- ¹¹⁶ *Крадин*. Империя хунну. С. 38–39.
- ¹¹⁷ *Бичурин*. Собрание сведений. I. С. 56.
- ¹¹⁸ *Сыма Цянь*. VIII. С. 336.
- ¹¹⁹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 339.
- ¹²⁰ *Заднепровский*. Происхождение и этническая атрибуция.
- ¹²¹ *Мандельштам, Стамбульник*. Гунно-сарматский период; *Пшеницына*. Тесинский этап; *Савинов*. Минусинская провинция.
- С установлением господства сюнну связывают начало тесинского этапа в развитии тагарцев (со II века до н. э.), обусловленного влиянием сюнну (*Савинов*. Минусинская провинция).
- ¹²² *Сыма Цянь*. IX. С. 199; *Бань Гу*. 1973. С. 38.
- ¹²³ *Сыма Цянь*. VIII. С. 337; *Боровкова*. Царства Западного края. С. 60.
- ¹²⁴ *Боровкова*. Царства Западного края. С. 112–113.
- ¹²⁵ *Боровкова*. Царства Западного края. С. 59.
- ¹²⁶ *Сыма Цянь*. IX. С. 201.
- ¹²⁷ *Боровкова*. Царства Западного края. С. 56.
- ¹²⁸ *Сыма Цянь*. VIII. С. 335.
- ¹²⁹ Материалы. 1973. С. 6.
- ¹³⁰ *Бань Гу*. 1973. С. 28–29.
- ¹³¹ О численности сюнну см.: Материалы. 1973. С. 6; *Сыма Цянь*. VIII. С. 196, 331.

- ¹³² *Фань Е.* 1973. С. 73.
- ¹³³ Материалы. 1968. С. 130, прим. 87.
- ¹³⁴ Материалы. 1973. С. 149, прим. 11.
- ¹³⁵ *Сыма Цянь.* VIII. С. 329.
- ¹³⁶ *Фань Е.* 1973. С. 73.
- ¹³⁷ О структуре управления у сюнну см.: *Фань Е.* 1973. С. 73; *Сыма Цянь.* VIII. С. 329–330; *Кычанов.* Кочевые государства. С. 13–16; *Сыма Цянь.* VIII. Указатель китайских терминов на с. 494 и сл.
- ¹³⁸ *Хуань Куань.* Спор. II. С. 167–168.
- ¹³⁹ *Сыма Цянь.* VIII. С. 336.
- ¹⁴⁰ *Сыма Цянь.* VIII. С. 330.
- ¹⁴¹ *Сыма Цянь.* VIII. С. 323.
- ¹⁴² *Хуань Куань.* Спор. II. С. 167.
- ¹⁴³ *Сыма Цянь.* VIII. С. 331.
- ¹⁴⁴ *Крадин.* Империя хунну. С. 57.
- ¹⁴⁵ *Хуань Куань.* Спор. II. С. 166–167.
- ¹⁴⁶ *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 160.
- ¹⁴⁷ *Худяков.* Вооружение. С. 25, 29–30.
- ¹⁴⁸ *Бань Гу.* 1973. С. 46.
- ¹⁴⁹ Стрелы сюнну описаны по: *Худяков.* Вооружение. С. 30, 41–43.
- ¹⁵⁰ *Крадин.* Империя хунну. С. 58.
- ¹⁵¹ *Худяков.* Вооружение. С. 48.
- ¹⁵² *Никонов, Худяков.* «Свистящие стрелы». С. 64.
- ¹⁵³ *Сыма Цянь.* VIII. С. 323.
- ¹⁵⁴ *Худяков.* Вооружение. С. 51.
- ¹⁵⁵ *Хуань Куань.* Спор. II. С. 152.
- ¹⁵⁶ *Хуань Куань.* Спор. II. С. 146.
- ¹⁵⁷ *Сыма Цянь.* VIII. С. 330.
- ¹⁵⁸ *Хуань Куань.* Спор. II. С. 167.
- ¹⁵⁹ *Бань Гу.* 2005. С. 398–399.
- ¹⁶⁰ *Бичурин.* Собрание сведений. I. С. 61 и прим. 2.
- ¹⁶¹ *Сыма Цянь.* VIII. С. 341–342.
- ¹⁶² *Боровкова.* Царства Западного края. С. 68–69.
- ¹⁶³ *Сыма Цянь.* VIII. С. 342.
- ¹⁶⁴ Ход военных действий 127–125 гг. до н. э. изложен по: *Сыма Цянь.* VIII. С. 342–343.
- ¹⁶⁵ *Боровкова.* Царства Западного края. С. 75–76, 88.
- ¹⁶⁶ *Сыма Цянь.* IX. С. 36.
- ¹⁶⁷ Гаоцюэ — местность к западу от гор Иньшань.
- ¹⁶⁸ На северо-западе современного уезда Пинфань провинции Ганьсу.
- ¹⁶⁹ *Бань Гу.* 1973. С. 10.
- ¹⁷⁰ *Боровкова.* Царства Западного края. С. 76–77.

- 171 Материалы. 1968. С. 147–148, прим. 183.
- 172 *Сыма Цянь*. VIII. С. 346–347.
- 173 Ход военных действий 124–119 гг. до н. э. изложен по: *Сыма Цянь*. VIII. С. 343–346.
- 174 *Сыма Цянь*. VIII. С. 448, прим. 93.
- 175 События начала правления Увэя изложены по: *Сыма Цянь*. VIII. С. 347–348.
- 176 *Сыма Цянь*. VIII. С. 348; *Боровкова*. Царства Западного края. С. 122, 131.
- 177 *Сыма Цянь*. VIII. С. 348; *Боровкова*. Царства Западного края. С. 125, 133.
- 178 *Сыма Цянь*. VIII. С. 348; С. 449, прим. 112.
- 179 *Сыма Цянь*. VIII. С. 349–352.
- 180 *Барфилд*. Опасная граница. С. 56.
- 181 *Сыма Цянь*. IX. С. 216.
- 182 *Сыма Цянь*. VIII. С. 353.
- 183 *Крадин*. Империя хунну. С. 105.
- 184 *Сыма Цянь*. VIII. С. 312, 320.
- 185 История взаимоотношений сюнну и Китая от начала правления Сяо Вэня до конца правления Сяо Цзина изложена по: *Сыма Цянь*. VIII. С. 332–340.
- 186 *Бань Гу*. 1973. С. 21–22.
В эпоху ранней Хань ху составлял примерно 34 литра (*Сыма Цянь*. VIII. С. 375, прим. 17), дань — 20 л (*Крюков*. Древние китайцы. С. 370).
- 187 *Крюков*. Древние китайцы. С. 160.
- 188 *Фань Е*. 1973. С. 76.
- 189 *Крадин*. Империя хунну. С. 106; *Барфилд*. Опасная граница. С. 50–51.
- 190 *Сыма Цянь*. VIII. С. 337.
- 191 *Сыма Цянь*. VIII. С. 335.
- 192 *Крадин*. Империя хунну. С. 96.
- 193 Материалы. 1968. С. 165, прим. 30.
- 194 *Бань Гу*. 1973. С. 41.
- 195 *Крадин*. Империя хунну. С. 96.
- 196 *Бань Гу*. 1973. С. 21.
- 197 *Сыма Цянь*. VIII. С. 353.
- 198 *Крадин*. Империя хунну. С. 34–35.
- 199 *Барфилд*. Опасная граница. С. 94.
- 200 *Хуань Куань*. Спор. I. С. 137.
- 201 *Бань Гу*. 1973. С. 64.
- 202 *Сыма Цянь*. VIII. С. 340–341.
- 203 *Крадин*. Империя хунну. С. 100.

- ²⁰⁴ *Бань Гу*. 1973. С. 21–22.
- ²⁰⁵ Слиток золота, согласно установленному в империи Хань стандарту, весил один цзинь, то есть 258,2 г (*Сыма Цянь*. IV. С. 201 и с. 319, прим. 4).
- ²⁰⁶ *Хуань Куань*. Спор. I. С. 139.
- ²⁰⁷ *Крюков*. Древние китайцы. С. 370.
- ²⁰⁸ *Сыма Цянь*. IV. С. 319, прим. 3.
- ²⁰⁹ Духовная культура Китая. VI. Золото и серебро.
- ²¹⁰ Позиция шаньюя Сяня описана по: *Бань Гу*. 1973. С. 66–67.
- ²¹¹ *Бань Гу*. 1973. С. 21–22.
- ²¹² *Крюков*. Древние китайцы. С. 200–201.
- ²¹³ *Бань Гу*. 1973. С. 59.
- ²¹⁴ Духовная культура Китая. V. Лю-Синь.
- ²¹⁵ *Крадин*. Империя хунну. С. 79.
- ²¹⁶ *Сыма Цянь*. VIII. С. 334–335.
- ²¹⁷ «Ху» в данном случае (до реформ Ван Мана) равнялось 34 литрам.
- ²¹⁸ Перечисление подарков дается по: *Бань Гу*. 1973. С. 35–51.
- ²¹⁹ *Фань Е*. 1973. С. 72–73.
- ²²⁰ *Фань Е*. 1973. С. 77.
- ²²¹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 350.
- ²²² *Хуань Куань*. Спор. II. С. 122.
- ²²³ *Бань Гу*. 1968. С. 76–77.
- ²²⁴ *Бань Гу*. 1973. С. 58.
- ²²⁵ *Сыма Цянь*. IV. С. 201.
- ²²⁶ *Сыма Цянь*. 1968. С. 113.
- ²²⁷ *Бань Гу*. 1973. С. 67.
- ²²⁸ *Хуань Куань*. Спор. I. С. 179.
- ²²⁹ Доклад Цзя И изложен по: *Цзя И*. 2005. С. 366–376.
- ²³⁰ Материалы. 1989. С. 168–169, прим. 28.
- ²³¹ *Бичурин*. Собрание сведений. I. С. 308.
- ²³² *Крадин*. Империя хунну. С. 112.
- ²³³ *Сыма Цянь*. IV. С. 202.
- ²³⁴ Вес медных монет при У-ди менялся. Подробнее см.: *Сыма Цянь*. IV. С. 319, прим. 3. О соотношении цен бронзы и золота см.: Духовная культура Китая. VI. Золото и серебро.
- ²³⁵ Военные расходы У-ди приведены по: *Сыма Цянь*. IV. С. 205–207, 210.
- ²³⁶ Ныне существующий поселок Лунтай, около 100 км к востоку от города Куча.
- ²³⁷ *Бань Гу*. 1973. С. 117–121.
- ²³⁸ События от смерти Цзюйди-хоу изложены по: *Бань Гу*. 1973. С. 19–23.
- ²³⁹ *Бань Гу*. 1968. С. 163, прим. 13.

- ²⁴⁰ История сюнну от смерти шаньюя Хулугу изложена по: *Бань Гу*. 1973. С. 23–24.
- ²⁴¹ *Бань Гу*. 1973. С. 25.
- ²⁴² *Фань Е*. 1984. С. 65.
- ²⁴³ *Бань Гу*. 1973. С. 25–26.
- ²⁴⁴ О датировке этого события см.: *Боровкова*. Царства Западного края. С. 132.
- ²⁴⁵ *Хэ Цю-тао*. С. 77–78 и прим. 60, 63, 64. См. также: *Сыма Цянь*. IX. С. 209.
- ²⁴⁶ Перевод П. П. Семенова-Тян-Шаньского. По изданию: *Семенов-Тян-Шаньский*. 1948. С. 185.
- ²⁴⁷ *Сыма Цянь*. IX. С. 209.
- ²⁴⁸ *Хэ Цю-тао*. С. 79.
- ²⁴⁹ Эти события происходили не позднее 75 года до н. э.; известно, что в 51 г. до н. э. ей исполнилось 70 лет (*Хэ Цю-тао*. С. 89).
- ²⁵⁰ *Хэ Цю-тао*. С. 85; с. 83, прим. 103.
- ²⁵¹ История браков китайских принцесс с вождями усуней изложена по: *Хэ Цю-тао*. С. 76 и сл.; *Бань Гу*. 1973. С. 26; *Боровкова*. Царства Западного края. С. 211–212.
- ²⁵² *Бань Гу*. 1973. С. 122.
- ²⁵³ Война сюнну с Китаем и усунями описана по: *Бань Гу*. 1973. С. 26–28.
- ²⁵⁴ События от смерти Хуяньти до гибели Уяньцзюйди изложены по: *Бань Гу*. 1973. С. 28–32.
- ²⁵⁵ Отсюда и до начала правления Юань-ди события будут изложены (если не оговорено иное) по: *Бань Гу*. 1973. С. 32–37.
- ²⁵⁶ *Бань Гу*. 1973. С. 54.
- ²⁵⁷ События от гибели Уяньцзюйди до начала правления Юань-ди изложены по: *Бань Гу*. 1973. С. 32–37.
- ²⁵⁸ Взаимоотношения Чжичжи и Китая изложены по: *Бань Гу*. 1973. С. 124–126.
- ²⁵⁹ История клятвы Хуханье изложена по: *Бань Гу*. 1973. С. 37–38.
- ²⁶⁰ *Бань Гу*. 1973. С. 38–39.
- ²⁶¹ *Боровкова*. Царства Западного края. С. 298.
- ²⁶² Вероятно, Хэсу — это царство Яньцай в Юго-Восточном Приаралье, и, таким образом, подвластные сюнну земли какое-то время простирались до берегов Аральского моря. Иногда встречающееся в литературе утверждение (на основе данной китайской цитаты) о том, что владения сюнну доходили до Приуралья и Нижней Волги, — следствие недоразумения.
- ²⁶³ События, начиная от прихода Чжичжи в Канцзюй, изложены по: *Бань Гу*. 1973. С. 125–134.
- ²⁶⁴ *Бань Гу*. 1973. С. 39.

- 265 *Фань Е.* 1973. С. 69–70.
- 266 *Бань Гу.* 1973. С. 60.
- 267 Вопрос об охране укрепленной линии изложен по: *Бань Гу.* 1973. С. 39–42.
- 268 *Бань Гу.* 1973. С. 44 и с. 143, прим. 22.
- 269 *Кычанов.* Кочевые государства. С. 11.
- 270 Материалы. 1973. С. 146, прим. 2.
- 271 Правление Фучжуня и его преемников описано по: *Бань Гу.* 1973. С. 44–45.
- 272 События времени правления Учжуня, если это не оговорено особо, изложены по: *Бань Гу.* 1973. С. 45–60.
- 273 *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 39.
- 274 *Бань Гу.* 1973. С. 46.
- 275 События времен правления Учжуня жоти шаньюя изложены по: *Бань Гу.* 1973. С. 45–60.
- 276 Материалы. 1973. С. 144, прим. 44.
- 277 События времен правления Улэя жоти шаньюя изложены по: *Бань Гу.* 1973. С. 60–62.
- 278 События от начала правления Юя до падения династии Синь изложены по: *Бань Гу.* 1973. С. 62–63.
- 279 *Бань Гу.* 1973. С. 63.
- 280 Материалы. 1989. С. 24.
- 281 *Фань Е.* 1973. С. 68; Материалы. 1973. С. 146–147, прим. 5; *Барфилд.* Опасная граница. С. 66.
- 282 *Фань Е.* 1973. С. 69.
- 283 История Лу Фана изложена по: *Фань Е.* 1973. С. 68–69; с. 147–148, прим. 6.
- 284 *Фань Е.* 1973. С. 68–69, 97.
- 285 *Фань Е.* 1973. С. 68.
- 286 *Фань Е.* 1973. С. 66.
- 287 *Фань Е.* 1973. С. 68–69; Материалы. 1973. С. 149, прим. 8.
- 288 Материалы. 1973. С. 137–138, прим. 22.
- 289 О женах, детях и наследниках Хуханье см.: *Бань Гу.* 1973. С. 43–45.
- 290 История Чжияши изложена по: *Фань Е.* 1973. С. 68–70.
- 291 Для описания порядка престолонаследия у сюнну использована также работа: *Барфилд.* Опасная граница. С. 67–69.
- 292 Раскол державы сюнну и ранняя история южных сюнну там, где это не оговорено отдельно, будут изложены по: *Фань Е.* 1973. С. 68 и сл.
- 293 *Фань Е.* 1973. С. 95.
- 294 Раскол державы сюнну и ранняя история южных сюнну изложены по: *Фань Е.* 1973. С. 68 и сл.
- 295 *Фань Е.* 1973. С. 74.

- ²⁹⁶ *Фань Е.* 1973. С. 149–150, прим. 14.
- ²⁹⁷ Изложено по: *Фань Е.* 1973. С. 74–77.
- ²⁹⁸ История посольства изложена по: *Фань Е.* 1973. С. 150–151, прим. 17.
- ²⁹⁹ История северных сюнну изложена по: *Фань Е.* 1973. С. 78–81.
- ³⁰⁰ Кампания 89 года описана по: *Фань Е.* 1973. С. 81–83; с. 153, прим. 25.
- ³⁰¹ Кампании 90 и 91 годов описаны по: *Фань Е.* 1973. С. 84.
- ³⁰² *Фань Е.* 1973. С. 98.
- ³⁰³ *Боровкова.* Кушанское царство. С. 173.
- ³⁰⁴ *Бичурин.* Собрание сведений. III. С. 20.
- ³⁰⁵ *Бичурин.* Собрание сведений. II. С. 258–259.
- ³⁰⁶ *Кляшторный.* Степные империи. С. 37.
- ³⁰⁷ *Аристов.* Усуни. III.1.
- ³⁰⁸ *Бичурин.* Собрание сведений. II. С. 259.
- ³⁰⁹ *Бичурин.* Собрание сведений. II. С. 259–260.
- ³¹⁰ Материалы. 1973. С. 153, прим. 26.
- ³¹¹ *Фань Е.* 1973. С. 84–85.
- ³¹² Материалы. 1973. С. 153, прим. 26.
- ³¹³ *Фань Е.* 1973. С. 89.
- ³¹⁴ *Кляшторный.* Степные империи. С. 37.
- ³¹⁵ *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. I.3.1–7.
- ³¹⁶ *Засецкая.* Культура кочевников. С. 107; *Боковенко, Засецкая.* Происхождение котлов.
- ³¹⁷ *Засецкая.* Культура кочевников. С. 152–153.
- ³¹⁸ *Бань Гу.* 1973. С. 62.
- ³¹⁹ *Фань Е.* 1973. С. 84.
- ³²⁰ История шаньюев Аньго, Ши-цзы и Пэнхоу изложена по: *Фань Е.* 1973. С. 85–90; с. 153–154, прим. 27.
- ³²¹ Правление Цзюйчээра описано по: *Фань Е.* 1973. С. 94–95.
- ³²² Правление Цянцзюя и Юйфуло описано по: *Фань Е.* 1973. С. 95–96; *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 32.
- ³²³ *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 151.
- ³²⁴ История Цай Янь изложена по: *Фан Сюаньлин,* цзюань 84; стихи — по <http://starling.ginet.ru/Texts/poetry.pdf> (предположительно перевод С. А. Старостина).
- ³²⁵ *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 151.
- ³²⁶ *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 36.
- ³²⁷ Материалы. 1990. С. 13.
- ³²⁸ *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 160.
- ³²⁹ *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 151; с. 240, прим. 48.
- ³³⁰ *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 154; с. 240, прим. 49.
- ³³¹ *Фан Сюаньлин.* 1989. С. 161.

- 332 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 152.
- 333 Материалы. 1990. С. 13.
- 334 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 152.
- 335 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 160.
- 336 *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 37.
- 337 *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 29.
- 338 Материалы. 1990. С. 18.
- 339 История Лю Юаньхая, если не оговорено иное, будет изложена по: *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 31–44.
- 340 О судьбе потомков Лю Бао см.: *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 79–80.
- 341 Пересчет в современные меры по изданию: *Гэ Хун*. Баопу-цзы. М., 1999. Таблица мер.
- 342 О Шуцзинэне см.: *Фан Сюаньлин*. 1992. С. 192.
- 343 История Лю Юаньхая изложена по: *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 31–44.
- 344 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 44–45.
- 345 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 46, 52; Материалы. 1989. С. 181, прим. 37.
- 346 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 48–49.
- 347 По: *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 49, 51; Материалы. 1989. С. 181, прим. 36.
- 348 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 55.
- 349 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 71.
- 350 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 112–113.
- 351 Материалы. 1989. С. 212, прим. 111.
- 352 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 75; Материалы. 1989. С. 194, прим. 124.
- 353 Материалы. 1989. С. 12.
- 354 Материалы. 1990. С. 6–7.
- 355 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 58–59; Материалы. 1989. С. 20.
- 356 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 59; Материалы. 1989. С. 25.
- 357 *Барфилд*. Опасная граница. С. 84.
- 358 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 56.
- 359 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 56–57.
- 360 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 71, 76–77.
- 361 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 51.
- 362 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 64.
- 363 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 66.
- 364 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 68–70.
- 365 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 58.
- 366 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 58.
- 367 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 61, 69.
- 368 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 72.
- 369 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 61.
- 370 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 63.
- 371 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 71.

- ³⁷² Правление и гибель Лю Цяня описаны по: *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 78–80.
- ³⁷³ *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 64.
- ³⁷⁴ Предыстория названия династии изложена по: *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 82–83; *Материалы*. 1989. С. 199, прим. 8.
- ³⁷⁵ *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 108–109.
- ³⁷⁶ Биография Ши Лэ, кроме оговоренных мест, изложена по: *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 28–87.
- ³⁷⁷ *Материалы*. 1990. С. 5 и сл.
- ³⁷⁸ Биографии Ши Лэ и Ши Хуна, кроме оговоренных мест, изложены по: *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 28–94.
- ³⁷⁹ *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 96.
- ³⁸⁰ *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 112–113.
- ³⁸¹ *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 120.
- ³⁸² *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 103.
- ³⁸³ История Ши Цзилуна и Ши Суя изложена по: *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 95–139.
- ³⁸⁴ *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 139.
- ³⁸⁵ Узурпация Жан Миня описана по: *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 137–138, 140.
- ³⁸⁶ *Материалы*. 1989. С. 12.
- ³⁸⁷ *Материалы*. 1990. С. 14.
- ³⁸⁸ *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 113.
- ³⁸⁹ *Бань Гу*. 1973. С. 67.
- ³⁹⁰ *Философы из Хуайнани*. С. 195–196.
- ³⁹¹ *Бичурин*. Собрание сведений. II. С. 259.
- ³⁹² *Кляшторный*. Степные империи. С. 37–38.
- ³⁹³ *Сыма Цянь*. VIII. С. 323.
- ³⁹⁴ *Фань Е*. 1973. С. 73.
- ³⁹⁵ *Сыма Цянь*. VIII. С. 335–336.
- ³⁹⁶ *Хуань Куань*. Спор. II. С. 168.
- ³⁹⁷ См.: *Новгородова*. Мир петроглифов. С. 110–124.
- ³⁹⁸ *Полосьмак*. Заповедные глубины; *Чистякова*. Иероглифическая надпись; *Чистякова*. Анализ лаковых чашек.
- ³⁹⁹ *Материалы*. 1990. С. 26.
- ⁴⁰⁰ *Материалы*. 1990. С. 8.
- ⁴⁰¹ *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 77.
- ⁴⁰² Двустипшия даны по: *Материалы*. 1990. С. 8.
- ⁴⁰³ *Пуллиблэнк*. Язык сюнну.
- ⁴⁰⁴ Обзор мнений: *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 273; подробнее см.: *Дёрфер*. О языке гуннов. С. 72–73.
- ⁴⁰⁵ *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 272–273.
- ⁴⁰⁶ *Материалы*. 1990. С. 16–17.

- ⁴⁰⁷ Пилипенко и др. Генофонд.
⁴⁰⁸ *Бань Гу*. 2005. С. 402.
⁴⁰⁹ *Сыма Цянь*. VIII. С. 323.
⁴¹⁰ *Таскин*. Скотоводство у сюнну. С. 41–44.
⁴¹¹ *Васильев К.* [рец. на:] *Гумилев*. Хунну. С. 123.
⁴¹² *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников. С. 49–50.
⁴¹³ О цикле кочевого хозяйства см.: *Барфилд*. Опасная граница. С. 31–32.
⁴¹⁴ *Сыма Цянь*. VIII. С. 323.
⁴¹⁵ *Давыдова*. Иволгинский комплекс. С. 74–75.
⁴¹⁶ *Хуань Куань*. Спор. II. С. 166.
⁴¹⁷ *Бань Гу*. 1973. С. 56–57.
⁴¹⁸ *Сыма Цянь*. VIII. С. 344, 346; IX. С. 37; *Материалы*. 1989. С. 27; *Материалы*. 1968. С. 165, прим. 30; *Логинов*. Локализация ставки.
⁴¹⁹ *Бань Гу*. 1973. С. 21; *Материалы*. 1973. С. 136, прим. 12.
⁴²⁰ *Бань Гу*. 1973. С. 23–24.
⁴²¹ *Бань Гу*. 1973. С. 126.
⁴²² *Хэ Цю-тао*. С. 174, 178.
⁴²³ *Бань Гу*. 1973. С. 129.
⁴²⁴ *Сыма Цянь*. VIII. С. 445, прим. 52.
⁴²⁵ *Бань Гу*. 2005. С. 431, прим. 30 к слову «Лунчэн».
⁴²⁶ *Кызласов Л.* Города гуннов. С. 197.
⁴²⁷ *Сыма Цянь*. VIII. С. 342.
⁴²⁸ *Логинов*. Локализация ставки.
⁴²⁹ *Боровкова*. Царства Западного края. С. 189–190.
⁴³⁰ *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 98–99.
⁴³¹ Подробнее о Бэйтине см.: *Кызласов Л.* Города гуннов. С. 198–199; *Логинов*. Локализация ставки.
⁴³² *Бань Гу*. 1973. С. 103.
⁴³³ *Кызласов Л.* Города гуннов. С. 196.
⁴³⁴ *Крадин*. Империя хунну. С. 80–81.
⁴³⁵ Обзор мнений см.: *Крадин*. Империя хунну. С. 80.
⁴³⁶ *Кызласов Л.* Города гуннов. С. 196–197.
⁴³⁷ О датировке сюннуских памятников Забайкалья см.: *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 257.
⁴³⁸ О крепости Чжичжи см.: *Бань Гу*. 1973. С. 128–129, 131.
⁴³⁹ Иволгинское городище описано по: *Давыдова*. Иволгинский комплекс. С. 11–17, 27–28; *Кызласов Л.* Города гуннов. С. 199–201.
⁴⁴⁰ *Крадин*. Империя хунну. С. 85–86.
⁴⁴¹ Описание дворца дается по: *Кызласов И.* Основы реконструкции; *Евтюхова, Левашева*. Раскопки китайского дома.
⁴⁴² *Сыма Цянь*. VIII. С. 322.
⁴⁴³ Цит. по: *Бернштам*. [рецензия].

- 444 Подробное рассмотрение этих двух гипотез см.: *Вайнштейн, Крюков*. «Дворец Ли Лина».
- 445 *Ковалёв*. Император.
- 446 *Хуань Куань*. Спор. II. С. 166–167.
- 447 *Матренин*. Украшения и предметы костюма. С. 192–194.
- 448 *Полосьмак и др.* Серебряные украшения.
- 449 *Матренин*. Украшения и предметы костюма. С. 191.
- 450 *Давыдова, Миняев*. Художественная бронза. С. 45, 47.
- 451 *Давыдова, Миняев*. Художественная бронза. С. 48.
- 452 *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 269.
- 453 *Холл, Миняев*. ...Анализ керамики сюнну. С. 80.
- 454 *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 263.
- 455 *Холл, Миняев*. ...Анализ керамики сюнну. С. 85.
- 456 *Миняев*. Производство.
- 457 *Сыма Цянь*. VIII. С. 323.
- 458 *Сыма Цянь*. VIII. С. 323.
- 459 *Фань Е*. 1984. С. 64–65.
- 460 *Сыма Цянь*. VIII. С. 336.
- 461 *Сыма Цянь*. VIII. С. 336–337.
- 462 *Бичурин*. Собрание сведений. II. С. 259.
- 463 *Сыма Цянь*. VIII. С. 330; С. 445, прим. 52.
- 464 *Фань Е*. 1973. С. 73.
- 465 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 84.
- 466 *Фань Е*. 1973. С. 73.
- 467 *Сыма Цянь*. VIII. С. 330, 336.
- 468 *Сыма Цянь*. VIII. С. 348.
- 469 *Сыма Цянь*. IX. С. 34.
- 470 *Кычанов*. Кочевые государства. С. 33; подробно см.: *Сухбатар Г.* К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- 471 *Бань Гу*. 1973. С. 21–22.
- 472 *Сыма Цянь*. VIII. С. 330.
- 473 *Миняев*. К топографии. С. 24–25; *Миняев*. Комплекс погребений 44. С. 100–102; *Миняев, Елихина*. К хронологии. С. 169; *Коновалов*. Усыпальница. С. 25–30, 35; *Миллер и др.* Погребальный комплекс сюнну.
- 474 Материалы. 1990. С. 25.
- 475 *Фан Сюаньлин*. 1989. С. 79–80.
- 476 *Фан Сюаньлин*. 1990. С. 60.
- 477 *Коновалов*. Усыпальница. С. 5; *Талько-Грынцевич*. Суджинское доисторическое кладбище.
- 478 *Давыдова*. Иволгинский могильник. С. 59 и сл.

- 479 *Давыдова*. Иволгинский могильник. С. 20–23.
- 480 *Коновалов*. Хунну в Забайкалье. С. 169; *Давыдова*. Иволгинский могильник. С. 70.
- 481 *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 261.
- 482 *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 261.
- 483 *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 261.
- 484 *Давыдова*. Иволгинский могильник. С. 29, табл. 30.
- 485 Надо сказать, что термины «курган», «курганное погребение» применительно к сюнну — условны, хотя и в ходу у большинства археологов. Сюнну, очевидно, не насыпали могильных холмов над своими погребенными (даже над самыми знатными), а только устраивали каменные вымостки (*Миняев*. К топографии) либо оградки, которые, покрывшись за две тысячи лет дерном, предстают в виде небольших курганов. Отвалы из грабительских раскопок (почти все курганы сюнну ограблены) дополнительно увеличивают «насыпь» (*Коновалов*. Происхождение... хунну. С. 130).
- 486 *Миняев*. К топографии.
- 487 *Сыма Цянь*. VIII. С. 330.
- 488 *Могильников*. Хунну Забайкалья. С. 261–262.
- 489 *Миняев*. К топографии. С. 24.
- 490 *Коновалов*. Усыпальница. С. 5.
- 491 *Юсупова*. ... Раскопки Ноин-Улы.
- 492 *Коновалов*. Усыпальница.
- 493 «Царский» курган описан по: *Коновалов*. Усыпальница; *Миняев*, *Сахаровская*. Элитный комплекс; *Полосьмак и др.* Двадцатый Ноин-Улинский.
- 494 *Теплоухов*. Раскопки. С. 20.
- 495 *Руденко*. Культура хуннов. С. 89–90.
- 496 *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. § 258.
- 497 *Миняев*, *Сахаровская*. Элитный комплекс. С. 161–163; *Полосьмак и др.* Двадцатый Ноин-Улинский. С. 77 и сл.
- 498 *Коновалов*. Окончание раскопок. С. 247–248.
- 499 *Полосьмак и др.* Двадцатый Ноин-Улинский. С. 132.
- 500 См., например: *Коновалов*. Усыпальница. С. 37 и сл.; рис. 54, 59.
- 501 *Чистякова*. Иероглифическая надпись; *Чистякова*. Анализ лаковых чашек.
- 502 *Лубо-Лесниченко*. Китайская надпись.
- 503 *Бернштам*. Очерк истории гуннов. С. 38.
- 504 *Кляшторный*. Степные империи. С. 26.
- 505 *Руденко*. Культура населения. Табл. 44.
- 506 *Худяков*, *Цзвээндорж*. Новые находки. С. 129.
- 507 *Коновалов*. Хунну в Забайкалье. Табл. II.
- 508 *Худяков*. Вооружение кочевников. Рис. II.

- ⁵⁰⁹ *Давыдова, Миняев.* Художественная бронза. С. 11.
- ⁵¹⁰ *Коновалов.* Хунну в Забайкалье. Табл. VI.
- ⁵¹¹ *Руденко.* Культура хуннов. Табл. XXXVI.
- ⁵¹² *Полосьмак и др.* Двадцатый Ноин-Улинский. С. 103, 101, 98.
- ⁵¹³ *Миняев, Сахаровская.* Элитный комплекс. С. 162.
- ⁵¹⁴ *Vinker.* Nomadic Art. P. 54, pic. 21.
- ⁵¹⁵ 1,4 — *Могильников.* Хунну Забайкалья. С. 463, 464; 2 — *Сосновский.* О поселении. С. 38; 3 — *Миняев.* Новейшие находки. С. 131; 5,6 — *Давыдова, Миняев.* Новые находки. С. 65; 7,8 — *Давыдова, Миняев.* Художественная бронза. С. 43–42; 9 — *Харинский, Коростелев.* Западное побережье. С. 200.
- ⁵¹⁶ 1 — *Сосновский.* О поселении. С. 38; 2 — *Худяков.* Материалы хуннского времени. Рис. 4; 3 — *Руденко.* Культура хуннов. С. 36; 4 — *Давыдова.* К вопросу. С. 98.
- ⁵¹⁷ *Вайнштейн.* Мир кочевников. С. 48.
- ⁵¹⁸ *Миняев, Сахаровская.* Захоронение гуннского вождя. С. 145.
- ⁵¹⁹ *Новгородова.* Мир петроглифов. С. 115.
- ⁵²⁰ *Нестеров.* Конь. С. 34.
- ⁵²¹ *Кызласов И.* Основы реконструкции. С.35.
- ⁵²² *Евтюхова, Левашева.* Раскопки китайского дома. С. 75; *Евтюхова.* Древнекитайское здание. С. 108, 109.
- ⁵²³ *Евтюхова.* Древнекитайское здание. С. 110.
- ⁵²⁴ *Кызласов И.* Основы реконструкции. С.29.
- ⁵²⁵ *Полосьмак и др.* Двадцатый Ноин-Улинский. С. 75.
- ⁵²⁶ *Руденко.* Культура хуннов. С. 11.
- ⁵²⁷ *Коновалов.* Хунну в Забайкалье. С. 31.

Библиография

Антология поздне-древнекитайской поэзии (II век до н. э. — V век н. э.): <http://starling.rinet.ru/Texts/poetry.pdf>.

Аристов. Усуни — *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001. (Используется по электронной версии: http://bizdin.kg/elib/kitepter/html/taryh/aristov_usuni/).

Бань Гу. 1968 — [*Бань Гу*.] История династии Хань // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). [Вып. 1.] М., 1968. Пер.: Таскин В.С.

Бань Гу. 1973 — *Бань Гу*. История династии Хань // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973. Пер.: Таскин В.С.

Бань Гу. 2005 —

— 1) *Торчинов Е.А.* Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. Вып. 32. М., 2005.

— 2) *Торчинов Е.А.* Проблема «Китай и соседи» в жизнеописаниях Фэн Тана и Янь Аня // там же.

Барфилд. Опасная граница — *Барфилд Т.Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПб., 2009. Пер. Д.В. Рухляева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д.В. Рухляева. (Используется по исправленной и дополненной электронной версии, размещенной в Интернете Д.В. Рухляевым: <http://barfield.narod.ru/>).

Бернштам. Очерк истории гуннов — *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Бернштам. [рецензия] — *Бернштам А.Н.* [рецензия на статью:] *Евтюхова Л.А., Левашева В.П.* Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская АО) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. № 5.

Бичурин. Собрание сведений. I—III — *Бичурин Н.Я. [Иакинф].* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том I—III. М.—Л., 1950—1953.

Бичурин. Статистическое описание — *Бичурин Н.Я.* Статистическое описание Китайской империи. М., 2002.

Боковенко, Засецкая. Происхождение котлов — *Боковенко Н.А., Засецкая И.П.* Происхождение котлов «гуннского» типа Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей Восточной Европы // Петербургский археологический вестник. Вып 3. СПб., 1993.

Боровкова. Царства Западного края — *Боровкова Л.А.* Царства «Западного края» во II—I вв. до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.

Боровкова. Кушанское царство — *Боровкова Л.А.* Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., 2005.

Бураев. Географический фактор — *Бураев А.И.* Географический фактор в формировании военно-политического объединения хунну // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011.

Вайнштейн. Мир кочевников — *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Вайнштейн, Крюков. «Дворец Ли Лина» — *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* «Дворец Ли Лина», или Конец одной легенды // Советская этнография. 1976. № 3.

Васильев К. [рец. на:] *Гумилев.* Хунну — *Васильев К.* [рец. на:] *Гумилев Л.Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960 // Вестник древней истории. 1961. № 2.

Васильев Л. История религий — *Васильев Л.С.* История религий Востока. М., 2006.

Вёсны и осени — Люйши Чунью. Вёсны и осени господина Люя. М., 2001. Пер.: Ткаченко Г.А.

Гумилев. Хунну — *Гумилев Л.Н.* Хунну. СПб., 1993.

Давыдова. К вопросу — *Давыдова А.В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах // Советская археология. 1971. № 1.

Давыдова. Иволгинский комплекс — *Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.

Давыдова. Иволгинский могильник — *Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Том 2: Иволгинский могильник. СПб., 1996.

Давыдова, Миняев. Новые находки — *Давыдова А.В., Миняев С.С.* Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // Археологические вести. Вып. 2. СПб., 1993.

Давыдова, Миняев. Художественная бронза — *Давыдова А.В., Миняев С.С.* Художественная бронза сюнну. СПб., 2008.

Дёрфер. О языке гуннов — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.

Думан [рец. на:] *Гумилев.* Хунну — *Думан Л.И.* [рец. на:] *Гумилев Л.Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960 // Народы Азии и Африки. 1962. № 3.

Духовная культура Китая — Духовная культура Китая. Энциклопедия в 6 т. М., 2006—2010.

Евтюхова. Древнекитайское звание — *Евтюхова Л.А.* Древнекитайское звание на Среднем Енисее // Вестник древней истории. 1946. № 1.

Евтюхова, Левашева. Раскопки китайского дома — *Евтюхова Л.А., Левашева В.П.* Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская АО) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 12. М.—Л., 1946.

Е Лун-ли — *Е Лун-ли.* История государства киданей. М., 1979. Пер.: Таскин В.С.

Заднепровский. Происхождение и этническая атрибуция — *Заднепровский Ю.А.* Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н.э. — II в. н.э. в Северной Корее // Известия Сибирского отделения АН СССР. История, филология и философия. 1991. № 1.

Засецкая. Культура кочевников — *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994.

Зенгер. Стратегемы — *Зенгер Х. фон.* Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Том 1–2. М., 2004 (Используется по электронной версии: <http://ligis.ru/librari/2733.htm>).

Иностранцев. Хунну и гунны — *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. Пер.: Скржинская Е.Ч.

Каталог гор и морей — Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 2004. Пер.: Яншина Э.М.

Кейтли. Государство Шан — *Кейтли, Дейвид Н.* Государство Шан в надписях на гадательных костях // История Китая. Материалы китайско-ведческих конференций ИСАА при МГУ (май 2005 г., май 2006 г.). М., 2007 (Используется по электронной версии: <http://www.synologia.ru/a/Государство Шан в надписях на гадательных костях>).

Кляшторный. Гуннская держава — *Кляшторный С.Г.* Гуннская держава на востоке (III в. до н.э. — IV в. н.э.) // История древнего мира. Том III. Упадок древних обществ. 1982.

Кляшторный. Степные империи — *Кляшторный С.Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель // *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Ковалёв. Происхождение хунну — *Ковалёв А.А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии. // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2002.

Ковалёв. Император — *Ковалёв А.А.* Император Китая в Хакасской степи // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011.

Коновалов. Хунну в Забайкалье — *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.

Коновалов. Окончание раскопок — *Коновалов П.Б.* Окончание раскопок хуннского кургана в Ильмовой пади // Археологические открытия 1975 года. М., 1976.

Коновалов. Усыпальница — *Коновалов П.Б.* Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ, 2008.

Коновалов. Происхождение ... хунну — *Коновалов П.Б.* Происхождение и формирование погребального комплекса хунну // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011.

Крадин. Империя хунну — *Крадин Н.Н.* Империя хунну. М., 2001.

Крадин. Гумилев и современные проблемы — *Крадин Н.Н.* Л.Н. Гумилев и современные проблемы изучения хунну // Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. СПб., 2012.

Крюков. Древние китайцы — *Крюков М.В. и др.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

Кузнецова-Фетисова. Образ колесницы — *Кузнецова-Фетисова М.Е.* Образ колесницы в Древнем Китае: описание экипажа в трактате Чжоу-ли // Общество и государство в Китае: XL научная конференция (Ученые записки Отдела Китая Института востоковедения РАН. Вып. 2). М., 2010 (Используется по электронной версии: [http://www.synologia.ru/a/Образ колесницы в Древнем Китае](http://www.synologia.ru/a/Образ_колесницы_в_Древнем_Китае)).

Кучера. К вопросу о техническом обеспечении... — *Кучера С.* К вопросу о техническом обеспечении шан-иньских переселений // Общество и государство в Китае: XL научная конференция (Ученые записки Отдела Китая Института востоковедения РАН. Вып. 2). М., 2010 (Используется по электронной версии: http://www.synologia.ru/a/К_вопросу_о_техническом_обеспечении_шан-иньских_переселений).

Кызласов И. Основы реконструкции — *Кызласов И.Л.* Основы реконструкции гуннского дворца на реке Ташебе // Российская археология. 2008. № 2.

Кызласов Л. Города гуннов — *Кызласов Л.Р.* Города гуннов // Евразийские древности. М., 1999.

Кычанов. Кочевые государства — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Кюнер. Китайские известия — *Кюнер И.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Логинов. Локализация ставки — *Логинов В.В.* Локализация ставки хуннского шаньюя. Общество и государство в Китае: Том XLII, часть 3 (Ученые записки Института востоковедения РАН. Отдела Китая.

Вып. 7). М., 2012 (Используется по электронной версии: http://www.synologia.ru/a/Локализация_ставки_хуннского_шаньюя).

Лубо-Лесниченко. Китайская надпись — *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китайская надпись на гуннских «штанах без мотни» из Ноин-Улы // Материалы научной сессии «75 лет отделу Востока». СПб., 1995.

Лю Сян. Жизнеописания — *Лю Сян*. Жизнеописания знаменитых женщин. Пер.: Рифтин Б.Л. // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6.

Маенхен-Гельфен. Мир гуннов — *Маенхен-Гельфен О.Дж.* Мир гуннов. Исследования истории и культуры. Казань, 2010. Пер.: В.С. Мирзаянов. (Используется по электронной версии, размещенной в Интернете В.С. Мирзаяновым: <http://www.mirzayanov.com/images/mirgunnovfinal.pdf>).

Мандельштам, Стамбульник. Гунно-сарматский период — *Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Мануйлов. Сюнну — *Мануйлов А.Н.* Сюнну: традиции и обычаи // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993.

Материалы. 1968 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). [Вып. 1.] М., 1968. Предисл., пер. и прим.: Таскин В.С.

Материалы. 1973 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973. Предисл., пер. и прим.: Таскин В.С.

Материалы. 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. Предисл., пер. и прим.: Таскин В.С.

Материалы. 1989 — Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну. М., 1989. Предисл., пер. и прим.: Таскин В.С.

Материалы. 1990 — Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2. Цзе. М., 1990. Предисл., пер. и прим.: Таскин В.С.

Матренин. Украшения и предметы костюма — *Матренин С.С.* Украшения и предметы костюма как источник реконструкции социальной структуры кочевников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.

Миллер и др. Погребальный комплекс сюнну — *Миллер Брайан К., Оллард Ф., Эрдэнэбатор Д., Ли К.* Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод 2 // Археологические вести. Вып. 15. СПб., 2008.

Миняев. Производство — *Миняев С.С.* Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983.

Миняев. К топографии — *Миняев С.С.* К топографии курганных памятников сюнну // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 184. М., 1985.

Миняев. Сюнну — *Миняев С.С.* Сюнну // Исчезнувшие народы. М., 1988.

Миняев. Комплекс погребений 44 — *Миняев С.С.* Комплекс погребений 44 в Дырестуйском могильнике // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 194. М., 1988.

Миняев. О дате появления сюнну — *Миняев С.С.* О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991.

Миняев. Новейшие находки — *Миняев С.С.* Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // Археологические вести. Вып. 4. СПб., 1995.

Миняев, Елихина. К хронологии — *Миняев С.С., Елихина Ю.И.* К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки ИИМК РАН. Вып. 5. СПб., 2010.

Миняев, Сахаровская. Элитный комплекс — *Миняев С.С., Сахаровская Л.М.* Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1.

Миняев, Сахаровская. Захоронение гуннского вождя — *Миняев С.С., Сахаровская Л.М.* Захоронение гуннского вождя в Забайкалье // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд, 2008.

Мифы — Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М., 1991.

Могильников. Хунну Забайкалья — *Могильников В.А.* Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Нестеров. Конь — *Нестеров С.П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. Новосибирск, 1990.

Никонов, Худяков. «Свистящие стрелы» — *Никонов В.П., Худяков Ю.С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. СПб., 2004.

Новгородова. Мир петроглифов — *Новгородова Э.А.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984.

Пилипенко и др. Генофонд — *Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Коновалов П.Б., Журавлев А.А.* Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011.

Полосьмак. Некоторые аналоги — *Полосьмак Н.В.* Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуныцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990.

Полосьмак. Заповедные глубины — *Полосьмак Н.В.* Заповедные глубины княжьих гор // Интервью газете «Наука в Сибири», № 11 (2596) 15 марта 2007 г. (Используется по электронной версии: <http://www.sbras.ru/HBC/article.phtml?nid=411&id=2>).

Полосьмак и др. Двадцатый Ноин-Улинский. — *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый Ноин-Улинский курган. Новосибирск, 2011.

Полосьмак и др. Серебряные украшения — *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэне-Очир Н.* Серебряные украшения конской упряжи из кургана 20 могильника Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. Пер.: Чекалова А.А.

Пуллиблэнк. Язык сюнну — *Пуллиблэнк Э.Дж.* Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.

Пшеницына. Тесинский этап — *Пшеницына М.Н.* Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Руденко. Культура населения — *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.

Руденко. Культура хуннов — *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинунлинские курганы. М.—Л., 1962.

Савинов. Минусинская провинция — *Савинов Д.Г.* Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984—1989 гг.). СПб., 2009.

Семенов-Тянь-Шаньский. 1948 — *Семенов-Тянь-Шаньский П.П.* Мемуары. Том II. М., 1948.

Сосновский. О поселении — *Сосновский Т.П.* О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 14. М.—Л., 1947.

Сыма Цянь. I—IX — *Сыма Цянь*. Исторические записки. Том I—IX. М., 1972—2010. Пер.: Вяткин Р. В., Таскин В.С. и др.

Сыма Цянь. 1968 — *Сыма Цянь*. Исторические записки // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). [Вып. 1.] М., 1968. Пер.: Таскин В.С.

Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище — *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Том 1. Вып. 2. 1898.

Теплоухов. Раскопки — *Теплоухов С.А.* Раскопки в курганах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии. Л., 1925.

Таскин. Скотоводство у сюнну — *Таскин В.С.* Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.

Фан Сюаньлин. 1989 — *Фан Сюаньлин*. История династии Цзинь // Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 1. Сюнну. М., 1989. Пер.: Таскин В.С.

Фан Сюаньлин. 1990 — *Фан Сюаньлин*. История династии Цзинь // Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 2. Цзе. М., 1990. Пер.: Таскин В.С.

Фан Сюаньлин. 1992 — *Фан Сюаньлин*. История династии Цзинь // Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 3. Мужуны. М., 1992. Пер.: Таскин В.С.

Фань Вэнь-лань. Древняя история — *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая, М., 1958.

Фань Е. 1973 — *Фань Е*. История поздней династии Хань // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973. Пер.: Таскин В.С.

Фань Е. 1984 — *Фань Е*. История династии Поздняя Хань // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. Пер.: Таскин В.С.

Философы из Хуайнани — Философы из Хуайнани. Хуайнаньцзы. М., 2004. Пер.: Л.Е. Померанцева.

Харинский, Коростелев. Западное побережье — *Харинский А.В., Коростелев А.М.* Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган Хушун II) // *Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история.* Улан-Удэ, 2011.

Холл, Миняев. ...Анализ керамики сюнну — *Холл М., Миняев С.* Рентгеновский флуоресцентный анализ керамики сюнну // *Археологические вести.* Вып. 10. СПб., 2003.

Хуань Куань. Спор. I—II — *Хуань Куань.* Спор о соли и железе. Том I—II. СПб., 1997–2001. Пер.: Крель Ю.Л.

Худяков. Вооружение — *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков. Вооружение кочевников — *Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // *Известия лаборатории археологии [Горно-Алтайского университета].* Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997.

Худяков. Материалы хуннского времени — *Худяков Ю.С.* Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии [Горно-Алтайского университета].* Вып. 4. Горно-Алтайск, 1999.

Худяков, Цэвээндорж. Новые находки — *Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д.* Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // *Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии.* Новосибирск, 1990.

Хэ Цю-тао — *Хэ Цю-тао.* Шофанбэйчэн // *Кюнгер И.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Цзя И. 2005 — *Ермаков М.Е.* Династия Хань перед угрозой извне (из докладов Цзя И трону) // *Страны и народы Востока.* Вып. XXXII. М., 2005.

Чистякова. Иероглифическая надпись — *Чистякова А.Н.* Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана № 20 в Ноин-Уле

(Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3.

Чистякова. Анализ лаковых чашек — *Чистякова А.Н.* Анализ лаковых чашек эпохи Западная Хань по иероглифическим надписям (Ноин-Ула, Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4.

Шицзин — Шицзин. Книга песен и гимнов. М., 1987. Пер.: Штукин А.

Юсупова. ...Раскопки Ноин-Улы — *Юсупова Т.И.* Случайности и закономерности в археологических открытиях: монголо-тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4.

Bunker. Nomadic Art — *Bunker, Emma C.* Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. New Haven—L.—N.Y., 2002.

Материалы сайтов:

Восточная литература: <http://www.vostlit.info>

Синология: <http://www.synologia.ru>

Указатель имен

- Ай-ди — 114, 116–117, 218
Ан — 66
Аньго — 148–149
Аттила — 216
- Бань Гу — 7, 41, 43, 60, 70,
73–74, 80, 91–92, 96–101,
104, 106, 108, 110, 112, 120,
122–124, 185, 189, 193, 197,
208
- Бао Сы — 16
Би — см. Хуханье II
Биюаньчи — 115
- Ван Лян (Ван Чжао-цзюнь) —
40, 110–111, 132–133, 200
Ван Ман — 79, 111, 114–115,
118–126, 128
Ван Ми — 162, 165–166, 173
Ван Си — 125
Ван Хунь — 160
Ван Цзи — 160, 166
Ван Чжао-цзюнь — см. Ван
Лян
- Ван Чэнь — 171
Ван Ю — 135
Ваньши шичжу (личное имя
Тань) — 150
Вэй Люй — 91–92, 194,
208–209
Вэй Цзян — 18
Вэй Цин — 56–58, 194
Вэй, династия
— Великая Вэй — 183–184
— Цао-Вэй — 152, 154, 160,
164
— Северная Вэй — 184
(о государствах см. геогра-
фический указатель)
- Вэнь-ван — 13
Вэньгуйми — 95–96
Вэнь-ди (Сяо Вэнь) — 43, 45,
47, 55, 65–67, 72, 75, 86
- Гань Янь-шоу — 107–109
Гао-ди (или Гао-цзу, личное
имя Лю Бан) — 33–42, 45,
51, 158, 164

В указателе перечислены в том числе страницы, на которых историческое лицо упомянуто без имени (например, по титулу).

- Гао-хоу (Люй-хоу) — 38–39, 41–43, 45
 Гао-цзу — см. Гао-ди
 Гао-цзун — 13
 Геродот — 77
 Гу Цзи — 104
 Гуан У-ди (личное имя Лю Сю) — 52, 126, 128–129, 135–138
 Гэн — 11
 Гэн-ши — 126–127
- Дан — см. Сюйбу
 Дао-гун — 18
 Дарий (I) — 77
 Дая — см. Ши Хун
 Ди-хоу — 17
 Доу — 141
 Дою — 12
 Дуань Чэнь — 135
 Дулунци — см. Уяньцзюйди
 Дучи — 100
 Дэнь — 122
- Жань Минь (первоначально Ши Минь) — 182–184
 Желтый император — см. Хуан-ди
 Жунчжэн — 101
- Имо цзюйцы — см. Юнь
 Ин Чжэн — см. Цинь Ши-ху-анди
 Инь, династия — 10, 13
 Инь Цифу — 14–15
 Иордан — 216
 Исемоянь — 112–113
 Иту Чжияши — см. Чжияши
 Ичжисе — 57–61, 193
- Конфуций — 112, 204
- Лань, сюннуский род — 33, 49
- Лаошан (личное имя Цзюйю) — 45–48, 55, 66–67, 69, 105, 164
 Ли Гуан — 65
 Ли Гуан-ли (Эршиский военачальник) — 63, 65, 71, 88–90, 142, 208–209
 Ли Лин — 199
 Ли Му — 20–21
 Ли Сы — 22
 Лин-ди — 152
 Лу Вань — 37–38
 Лу Фан — 127–130, 200
 Лу-лу — 125
 Луяньти — см. Сюйляньти
 Лю «малолетняя» — 167
 Лю Бан — см. Гао-ди
 Лю Бао — 158–159, 162
 Лю Мэн — 155
 Лю Сю — см. Гуан У-ди
 Лю Сян — 20
 Лю Хэ — 166
 Лю Цань — 172–173, 210
 Лю Цзин — 39
 Лю Цун — 48, 166–173, 176, 210
 Лю Чжао — см. Хэ-ди
 Лю Юаньхай — 157–166, 169, 173, 176, 207, 210
 Лю Яо — 166, 173–174, 176, 188, 195, 207
 Лю, императорский род династии Хань — 114, 127, 158, 167, 173
 Люаньди — см. Сюйляньти
 Люй — 16
 Люй-хоу — см. Гао-хоу
 Ляо — 18
- Ма — 159
 Мао — 159
 Маодунь (Моду, Модэ) — 24, 29–43, 45–47, 49–51, 64, 66, 70, 75, 92–94, 123, 130–131,

- 158, 164, 186, 196, 204–205, 207
Ми-гун — 17–18
Мин-ди (храмовое имя — Сянь-цзун) — 139
Минь-ди — 167–168
Моду, Модэ — см. Маодунь
Му-цзун — см. Лю Чжао
Мэн Тянь — 22
- Нанчжиясы — см. Учжюлю
Нань Чжун — 14
- Огуз-каган — 32
- Пин-ди — 114
Пиян-хоу (Шэнь И-цзи) — 42–43
Прокопий Кесарийский — 145
Пуну — 134–135
Пэн Чун (Янь-ван) — 127
Пэнхоу — 150
- Синь, династия — 114, 118–119
Сицзюнь — 94–95
Сунь-цзы — 159
Су У — 195
Сыма — императорский род династии Цзинь — 154, 162, 180
Сыма Ин — 157, 163–164, 175
Сыма Цянь — 7–11, 15, 17–20, 22–25, 30–32, 34, 37, 39–41, 43, 49–53, 56–59, 65, 67, 80, 86, 186, 189–190, 192–193, 199, 204, 206–209, 213
Сыма Чжэнь — 9
Сыма Янь — см. У-ди, император династии Цзинь
Сюань-ван — 14, 79
Сюань-ди (Сяю-Сюань) — 75, 95–96, 103, 115–117, 121, 126
- Сюань-тайхоу — 18–19
Сюйбу (личное имя Дан) — 124–125
Сюйбу, сюннуский род — 33, 49, 151
Сюйляньти, сюннуский род — 33, 49
Сюйлүйцюаньцзюй — 97–98
Сюлань шичжу-хоу — 141
Сючу-ван — 59, 85, 208
Ся
— древнекитайская династия — 9–10, 23–24
— сюннуская династия — 183 (о государстве см. географический указатель)
Сян Юй — 33
Сян-ван — 17
Сянь — см. Улэй
Сяньсяньшань — 99
Сянь-Цзун — см. Мин-ди
Сяо Вэнь — см. Вэнь-ди
Сяо Цзин — см. Цзин-ди
Сяю-Сюань — см. Сюань-ди
- Тайахоу — 156
Тай-цзу — 44
Тан Яо — 9
Тан, династия — 85
Тань — см. Ваньши шичжу
Тоумань — 23–24, 29–30, 33, 45, 86, 131
Тянь-ван — 56
- Увэй — 61–62, 98, 131–132
У-ди
— император династии Хань — 55–58, 60–62, 71–73, 79–80, 85–88, 90–91, 93–96, 116, 121, 127
— основатель династии Цао
Вэй — см. Цао Цао
— император династии

- Цзинь (личное имя — Сыма Янь) — 154, 160
- Улин-ван — 19
- Улэй (личное имя — Сянь) — 73, 121–125, 147
- У-цзы — 159
- Учаньму — 99
- Учжулю (личное имя — Нанчжиясы, затем Чжи) — 113–122, 124, 133, 216, 218
- Ушилу Эр-шаньюй — 131
- Уяньцзюйди (личное имя — Дулунци) — 98–99
- Фан Сюаньлин — 12–13, 152, 155–157, 159, 161, 166, 168, 171–175, 178–179, 181–182, 184, 187, 189, 210
- Фань — 194
- Фань Е — 49, 110, 128–130, 134–137, 141–142, 148–149, 151, 186, 189, 204, 207
- Фань Мин-ю — 93
- Фоту Дэн — 187–188
- Фучжулэй — 76, 112–113, 132
- Фэн Чжу — 178–179
- Хань Синь — 34, 37–38
- Хань Чан — 105
- Хань, династия
— Ранняя (Старшая, Западная) — 9, 34, 37–39, 43, 67, 48, 79, 81, 91, 93, 112, 118–119, 122, 126, 158, 164, 169, 187
— Поздняя (Младшая, Восточная) — 114, 126, 139, 152–154, 165
— Северная (затем Ранняя Чжао, см.) — 164, 166–168, 173–174, 176
(Хань как географическое понятие — см. географический указатель)
- Хао Сань — 155
- Хо Гуан — 81, 92–93
- Хо Цюй-бин — 58–59, 61, 93, 208
- Хоу Ин — 70, 111
- Хуай-ди — 166–168
- Хуан-ди (Желтый император) — 8
- Хуань-ди (император Поздней Хань) — 151
- Худуэрши — см. Юй
- Хуланьчжи — 120
- Хулугу — 72, 90, 208–209
- Хуньсе-ван (Хунье-ван) — 59, 87
- Хутуусы — см. Чжичжи
- Хуханье I (личное имя — Цзи-хоусянь) — 75–76, 98–106, 110–112, 115, 117, 120–121, 124, 126, 131– — 135, 164, 200
- Хуханье II (личное имя — Би) — 76, 133–137, 148, 150, 164, 167
- Хуце — 100
- Хучжэн — 151
- Хуэй-ди, император Цзинь — 161–162
- Хуянь, сюннуский род — 33, 49
- Хуяньти — 91, 95–97, 194
- Хэ-ди (личное имя — Лю Чжао, храмовое — Му-цзун) — 141
- Цай Янь (Цай Вэньци) — 153
- Цао — императорский род династии Цао-Вэй — 154
- Цао Вэй — династия, см. Вэй
- Цао Пи — 152
- Цао Цао (посмертный титул — Вэй У-ди) — 152, 154, 158
- Цзею — 95

- Цзи Сан — 175–176
Цзинь Фан — 159
Цзинь-ди (Сяо Цзинь, император династии Хань) — 55, 67, 72
Цзинь Миди (сюнну, затем китайский сановник) — 85
Цзинь Чжунь — 172–173, 210
Цзинь (Западная и Восточная), династия — 79, 154–157, 160–162, 164–168, 173
Цзихоусянь — см. Хухань I
Цзюйю — см. Лаошан
Цзо Цюмин — 159
Цзюйди-хоу — 90, 195, 199, 209
Цзюйчээр — 151
Цзюньчэнь — 55–57, 67, 131
Цзя И — 81–84
Цзян Тун — 51, 155–156
Цзянду-ван — 94
Цинь Ши-хуанди (личное имя Ин Чжэн) — 19, 21–24, 29, 31, 45, 79–80, 86
Цинь, династия — 22–24, 33, 56, 79–80
Цуй Хао — 206
Цэньцзоу (Цэньцзюй) — 94–95
Цюлинь, сюннуский род — 33, 49
Цянцзюй — 151

Чао Цзань — 177
Чао Цо — 53–54, 190
Чжан Мэн — 105
Чжан Сю — 151
Чжан Хуань — 151
Чжан Янь — 10
Чжан-ди — 140
Чжао Синь (Си-хоу) — 58–59, 193
Чжао, династия
— Ранняя — 164, 173–174
— Поздняя — 165, 174–175, 183, 188
(о государствах Чжао см. географический указатель)
Чжао-ван — 20
Чжао-ди — 80–81, 91–92, 95
Чжао-цзюнь — см. Ван Лян
Чжи — см. Учжулю
Чжифу Янь — 23
Чжичжи (личное имя — Хутуусы) — 100–108, 110, 194, 197
Чжияши — 133–134
Чжоу, династия — 12, 13, 15–17, 79
Чжу — 121–122
Чжунхан Юэ — 48, 69, 82, 186, 205
Чжуфу Янь — 23, 80
Чжэн — 165
Чингис-хан — 44
Чунь-вэй (Шунь-Вэй) — 9–11, 17, 23–24
Чэн-ди — 112–114
Чэнь Си — 37
Чэнь Тан — 107–109
Чэнь Юаньда — 169–170

Шан, династия — 10
Ши Бинь — 180
Ши Кань — 174
Ши Лэ — 165–166, 173–181, 183, 188, 210
Ши Минь — см. Жань Минь
Ши Суй — 182
Ши Хун (прозвище — Дая) — 180–181
Ши Цзилун — 180–183
Ши-гун — 12
Ши-цзы — 149
Шунь-вэй — см. Чунь-вэй
Шуцзинэн — 161
Шэ — 125–126
Шэнь И-ци — см. Пиян-хоу

Эр-шаньюй — см. Ушилу
Эршиский военачальник — см.
Ли Гуан-ли

Ю-ван — 15–17

Ю-юй — 17–18

Юань-ди — 40, 76, 103–106,
109, 110–112, 117

Юй

- шаньюй сюнну (тронное имя Худуэрши) — 124, 126–130, 132–134
- полководец — 13

Юй Шунь, один из Пяти императоров — 9

Юйдань — 57

Юйфуло — 151–152, 158

Юйчуцзянь — 143–144

Юли — 141

Юнь (Имо цзюйцы) — 111,
124–126, 200

Ягу-хоу — 38

Янь Цуй — 157, 175

Янь Ю — 79, 121

Янь-ван — см. Пэн Чун

Указатель топонимов и этнонимов

- Абакан — 198, 200
Азия — 145–146
— Передняя — 190
— Средняя — 47, 60, 62, 146–147, 216
— Центральная — 71, 146, 190–191, 195
— Юго-Восточная — 190
аланы — 145
Алашань — 46
Алтай — 201, 203
Аньси (Парфия) — 47, 62, 216
Аральское море — 234
- Байдэн — 35
Байкал — 61
Байлундуй — 117
байян — 31, 46
Бактрия — см. Дася
Балхаш — 143
Баркуль
«белые гунны» — см. *эфталиты*
Бинчжоу, область — 157, 175
Ближний Восток — 190, 216
Боспор — 145
Будда — 208
- Бэйди
— округ/область — 66, 155
— *бэйди* — см. *дисцы северные*
Бэйтин (Лунтин) — 195
- Великая (Китайская) стена — 9, 19, 22, 29, 35–36, 55, 66, 79
Венгрия — 146
Волга — см. Поволжье
Восточный Туркестан — 46, 60, 63
Вьетнам — 36
- Вэй
— государство периода «борющихся царств» — 19
— государство эпохи Троецарствия — 152, 154
— государство Великое
Вэй — 183
(о династиях Вэй см. именной указатель)
Вэйшуй — 184
Вэньминдянь — 169

- Ганьсу — 168, 183–184, 195
 Ганьсуский проход — 46–47, 58–60, 62, 86, 121, 158, 217
 Ганьцюань — 19, 66
гаогюй (цы) — 186
 Гаоцюэ — 57
 Гашун-нур — 143
 Германия — 146
 Гинь-вэй-шань — совр. Тарбагатай? — 143
 Гоби — 9, 26, 58–59, 86, 93
 Гуанцзидянь — 169, 173
 Гуйфан — 13
гуйфан — 9, 13, 26
гунны (западные) — 6, 14, 28, 145–147, 189, 218
гуньжуны — 18
 Гуси — 99
гэжунь — 31, 46
гяньгуни — см. *цзяньгуни*
- Давань (Фергана) — 47, 62–63, 106–107
 Дай — 31, 37, 57, 66
даньлань — 21
 Дася (Бактрия) — 47, 62
 Джида — 203
 Джунгария — 143
 Дзюйян — 74
ди (сцы) — 11–13, 17–18, 23–24, 26–27, 48, 79, 82, 155–156, 165, 168
динлин (ы) — 31, 46, 97–98, 103, 121, 140–141
 Дон — 6, 146
 Дулай (совр. Или)
дунху — 8, 18, 21, 27, 30–31, 92
 Дуншань — 105
 Дуньхуан — 62, 111, 144
 Дурены — 211
 Дырестуйский могильник — 190, 203
- Е — 163, 177, 181–182
 Европа — 28, 146–147, 216, 218
 — Восточная — 145–146
 Енисей — 46, 198
 Енхор — 190
- Жу — 72
жужжани (жуанжуани) — 44, 143, 205
жуны (цяны) — 11–13, 15–18, 23–24, 27, 47–48, 62, 72, 79, 91, 127, 141, 153, 155–156, 168
 — далиские — 18
 — западные — 18
 — ицзойские — 18–19
 — мянчжуские — 18
 — северные — 12
 — северо-западные (*цюань-жуны*, «собачьи») — 15–17, 127, 156, 206
 — ушиские — 18
 — хуаньские — 18
 — цюйяньские — 18
 — (см. также: *гуньжуны*, *шаньжуны*)
- Забайкалье — 6, 25, 46, 190, 196, 203, 210–212, 215, 217
 Западный край (Таримская котловина, Синьцзян) — 46–47, 88, 97, 103, 107, 111, 115, 117, 120, 122, 125, 138, 140, 142–145, 193
- и* — 66, 82
 Иволгинский археологический комплекс — 190, 196–198, 203, 211–212, 217
 Или — 106, 194
 Ильмовая Падь — 190, 210, 212–215, 217
 Индия — 190

- иньцы* — название китайцев во время правления династии Инь
 Иньшань, горы — 45, 60, 63, 86, 142
 Иулу (совр. Хами) — 142, 144
ицзюй (цы) — см. жуны ицзюйские
ицюй — 20
 Иян — 156
- Казахстан — 27, 143
 Канцзюй (Кангюй), *канцзюйцы* — 106–108, 117, 143, 194
кеты — 189
кидани — 169
 Корея — 36, 46
куньи — 13
 Куньлунь — 46
 Куча — 143
кыргызы (енисейские) 103
 Кяхта (бывший Троицко-савск), г. — 210, 214
- Линушуй — 193
 Линцзюй — 59
линьху — 8, 18, 21
 Лишань — 16
лоуфань (лоуфани) — 18, 20, 31, 43, 46
 Лоян — 164–166, 173, 175
 Лунмынь — 158–159
 Лунтин — см. Бэйтин
 Лун (шань) — 18
 Лунчэн — 56, 194–195, 206–207
 Луньтай — 88
 Лэпин — 156
 Лян Северное — 157, 183
 Лянчжоу — 161
 Ляншань — 18
 Ляодун — 66
- Маи — 34, 56
мань — 66
 Маньчжурия — 26–27, 46
маньчжурь — 169
 Минусинская котловина — 46
 Монголия — 6, 9, 25–26, 59, 146, 186–187, 191, 197, 210
 — Внутренняя — 9, 31, 136, 184
 — Западная — 28
 — Северная — 212, 214, 217
 — Центральная — 189
монголы — 8, 27, 189, 203
 Мэй-цзи — 136
- Нижеиволгинский могильник — см. Иволгинский археологический комплекс
 Ноин-Ула — 187, 202, 212–218
- Ордос — 9, 25–27, 45–47, 56–57, 60, 62–63, 86, 121, 127, 130, 142, 146, 152, 202, 217
- Парфия — см. Аньси
 Пекин — 8, 31, 111, 127
 Первый Тюркский каганат — см. *тюрки*
 Пинчэн — 35
 Пинъян — 156, 165–166, 171
 Поволжье, Волга — 146–147, 234
 Приазовье — 145, 147
 Приаралье — см. Аральское море
 Прибайкалье — 46
 Прикаспий — 145
 Прикубанье — 145, 147
 Приуралье — см. Урал
 Пулэй (совр. Баркуль) — 143–144
 Путаогун — 117

- Пуцзы — 165
 Пхеньян — 46
 Пэй — 37
 Пэнъян — 66
 Римская империя — 145, 147
саки — 27
 Саньму лоуцзы — 140
 Саньшуй — 127
сарматы — 202
 Северная Вэй (Бэй Вэй) —
 см. Вэй
 Северная Лян — см. Лян
 Северное
 Северный дворец — 169
 Селенга — 196, 203
 Семиречье — 194
 Сиань — см. Чанъянь
 Сибирь — 190
сичжу — 97
синьли — 31, 46
 Синьсин — 156, 158
 Синьцзян-Уйгурский автоном-
 ный район — 142; см. также
 Восточный Туркестан
 Сихэ — 134, 136, 156
 Скифия, *скифы* — 26–27, 77,
 202, 217–218
 Сырдарья — 47, 62, 143, 146
сюнну — книга в целом
 — «малосильные» — 143,
 186; см. также Юэбань.
 — северные — 68, 137–145,
 147–148, 186, 205, 218
 — южные — 136–141, 147,
 148 и далее
 Сюнь — 12
сюньюй (цы) — 8–9, 26
 Ся — сюннуское государ-
 ство — 157, 183
 (о династиях Ся см. указа-
 тель имен)
 Сянго — 176
сяньби (йцы) — 48, 140–141,
 144–145, 150–151, 161, 168,
 184
 Сяньлэй — 62
сяньюнь (цы), сяньюни — 9,
 12–14, 24, 26
 Сяогуань — 66
 Тайюань — 34, 156
 Тарбагатай — 143
 Таримская котловина — см.
 Западный край
 Троицкосавск — см. Кяхта
 Тува — 28, 46, 203
тюрки, Тюркский каганат —
 27, 32, 44, 133, 186, 188–189,
 203
 Тянь-Шань — 103, 143
 У — 152, 155, 160
 Увэй (округ) — 140
 Урал — 147, 234
 Усунь, *усуни* — 43, 47, 62,
 93–96, 99, 103, 106–107, 115,
 117, 143
 Ухуань, *ухуани* — 48, 92–93, 97,
 99, 115, 118, 120, 123, 130,
 134, 150–151, 168
уцзе — 103
 Уюань — 70, 76, 135
 Фаньфужэнь — 194
 Фергана — см. Давань
 Франция — 146
 Фэнхао — 16
 Фэньи — 155
 Хайнун-гол — 11
хакасы — 103
 Хами — см. Иулу
 Хань
 — как синоним единого

- китайского государства —
книга в целом;
— государство эпохи «борющихся царств», затем провинция — 19, 34;
— река — 72
(о династиях Хань см. указатель имен)
- Хао — 15
- хиониты — см. *эфталиты*
- Ху 15
- ху (*сцы*) — 8, 12, 19, 23–24, 34, 38, 56, 58, 65, 67, 72, 79, 82–84, 87, 92, 95, 127, 141, 149, 153, 155–156–157, 175, 178–179, 183–184, 190, 193, 195
- Хуайнань — 185
- Хуайшуй — 184
- Хуанхэ — 22–24, 31, 45–46, 56–57, 59, 65, 114, 128, 156, 159, 162
- Хуйчжун — 66
- хуньюй — 31, 46
- хуцзе — 43
- Хэдун — 130
- Хэнань — 168
- Хэсу — 107, 234
- Цагаан-гол — 187
- Царам — 215
- цзе (*сцы*) — 48, 168, 174–175, 187–188, 190, 210
- Цзин — 18
- Цзинхэ — 15
- Цзингян — 79
- Цзинь — 18
- Цзиньян — 34
- Цзогочэн — 165
- Цзюйянь — 143
- Цзюцюань, город — 62
- Цзюцюань (-цзюнь), область — 62, 91
- Цзянчэншань — 173
- цзяньгуни — 103
- Цзяо — 15
- Ци
- государство периода «борющихся царств» — 19–20;
— река — 18
- Цилянью — 58, 60
- Цинь — 17–19, 21
- Циньчжоу — 161
- Цишань — 18
- цюаньжуны см. *жуны северо-западные*
- цюйшэ — 31, 46
- цяны — см. *жуны*
- Чанъань (Чанань, совр. Сиань) — 122, 125, 167, 173
- Чaosянь — 46
- Чахар — 9
- Чжанье — 91
- Чжао
- государство периода «борющихся царств», затем провинция — 12, 19–21, 29
— Раннее Чжао — 157, 174, 183
— Позднее Чжао — 157, 174, 176, 181, 183
(о династиях Чжао см. именной указатель)
- Чжаодэдянь — 169
- Чжаоно, уезд — 66
- Чжаосинь (чэн) — 193–194
- Чжэн — 17
- Чжилу — 125
- чжурчжэни — 169
- чжу (*хоу*) — 16
- чуньвэй — 9
- Чэши — 97–98, 120
- Чэшичэн, город в Чэши — 98
- Чэяньуши — 95

- Шангу — 70, 111
Шандан — 156
Шанлинь — 117
Шанцзюнь — 65, 67
шаньжун (ы) (см. также *сюнь-юй*) — 9, 18
Шаньси — 165, 168, 174
Шоусянчэн — 103
Шофан — 14–15, 56–57, 59, 61, 120–121, 149–150
Шу — 152, 155
Шэньси — 168, 184
- Эби-нур — 143
Эрши — 63, 71
эфталиты — 145–146
Юэбань — см. Юэбань
- Южный дворец — 169
Юйян — 127
Юн — 66
Юньчжун — 66–67, 76, 120–121, 136
Юстыд — 203
юэ (сцзы) — 61
Юэбань (Юэбань) — 143, 145, 186, 205
юэчжи — 29, 31, 43, 46–47, 62, 105
- Янь — 12, 18–20, 31, 37
Яньжань — 142
Яньмынь — 121
Яньцай — 234
яньюн — 9
Япония — 36

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Поиски предков	7
Глава 2. Создание империи	29
Глава 3. Сообщество воинов.	48
Глава 4. Войны с императором У-ди	55
Глава 5. Большая политика	64
Глава 6. Ослабление державы. Начало I века до н. э.	90
Глава 7. Гражданская война	100
Глава 8. Под протекторатом Поднебесной	110
Глава 9. Смута у великого соседа	124
Глава 10. Гибель сюннуской державы	131
Глава 11. Южные сюнну	148
Глава 12. Варвары на тронах Поднебесной	158
Глава 13. Бытописание	185
Глава 14. Религия и погребальный обряд	206
<i>Примечания</i>	<i>228</i>
<i>Библиография</i>	<i>244</i>
<i>Указатель имен</i>	<i>255</i>
<i>Указатель топонимов и этнонимов</i>	<i>261</i>

Ивик О., Ключников В.

- И25 Сюнну, предки гуннов, создатели первой степной империи / Олег Ивик, Владимир Ключников. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 272 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-225-7

Кочевники сюнну, они же хунну, издревле тревожили границы Китая. На рубеже III и II веков до н. э. они создали мощный союз племен, послуживший основой гигантской степной империи, которая стала угрожать существованию самого Китая. И даже постройка укреплений, которые позже превратились в Великую Китайскую стену, не смогла бы спасти Поднебесную, если бы не разрывавшие степную державу внутренние противоречия. Значительная часть сюнну в конце концов попала под власть Китая и растворилась среди его жителей. Но северная ветвь этого народа в конце I века н. э. отправилась на запад и, вобрав в себя, как губка, многие племена, породила гуннов, чье нашествие привело к гибели Римской империи и ознаменовало в Европе переход от Античности к Средневековью.

Истории народа сюнну посвящена книга писателя Олега Ивика и археолога Владимира Ключникова, написанная с опорой на древние китайские источники и труды современных историков и археологов.

УДК 94(369.1)

ББК 63.3(5)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Олег Ивик, Владимир Ключников

Сюнну, предки гуннов,
создатели первой степной империи

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 24.02.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 17. Тираж 1200 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Владислав Петров. Древняя история смерти
Олег Ивик. Еда Древнего мира
Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
Отечественная война 1812 года глазами современников
Наталья Пушкарева. Частная жизнь русской женщины
XVIII века
Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей
Генрих Бёмер. История ордена иезуитов
Алексей Смирнов. Скифы
Андрей Снесарев. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи
Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары
Вячеслав Шпаковский. История рыцарского вооружения
Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
Юрий Чернышов. Древний Рим: мечта о золотом веке
Виктор Бердинских. Русская деревня: быт и нравы
Сергей Макеев. Делс о Синеи Бороде
Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
Печенеги
Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь Карл Филипп,
или Шведская интрига смутного времени
Александр Куланов. Обнаженная Япония
Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича
Виктор Калашников. Русская демонология
Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
Георгий Вернадский. Русское масонство в царствование
Екатерины II

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Олег
Ивик
Владимир
Ключников**

**Сюнну,
предки гуннов,
создатели
первой степной
империи**

Кочевники сюнну, они же хунну, издревле тревожили границы Китая. На рубеже III и II веков до н. э. они создали мощный союз племен, послуживший основой гигантской степной империи, которая стала угрожать существованию самого Китая. И даже постройка укреплений, которые позже превратились в Великую Китайскую стену, не смогла бы спасти Поднебесную, если бы не разрывавшие степную державу внутренние противоречия. Значительная часть сюнну в конце концов попала под власть Китая и растворилась среди его жителей. Но северная ветвь этого народа в конце I века н. э. отправилась на запад и, вобрав в себя, как губка, многие племена, породила гуннов, чье нашествие привело к гибели Римской империи и ознаменовало в Европе переход от Античности к Средневековью.

Истории народа сюнну посвящена книга писателя Олега Ивика и археолога Владимира Ключникова, написанная с опорой на древние китайские источники и труды современных историков и археологов.

ISBN 978-5-91678-225-7

9 785916 782257